

Автор бестселлеров
по версии Нью-Йорк Таймс

КРИСТИНА ЛОРЕН

СВИДАНИЯ
ПЛЮС
НЕНАВИСТЬ
РАВНО
ЛЮБОВЬ

Все знают, что на войне, как и в любви, — все средства хороши. Но эти двое понимают, что саботаж — это блюдо, которое нужно подавать, будучи обнаженным. Первый одиночный любовный роман автора бестселлеров по версии «Нью-Йорк Таймс» Кристины Лорен — это сексуальная романтическая комедия, от которой невозможно оторваться и которая погружает с головой в трепет и сомнения любви.

Несмотря на нулевые шансы познакомиться с кем-нибудь во время вечеринки по случаю Хэллоуина, Картер и Иви сразу же понравились друг другу. И этот огонь не смог погасить даже тот факт, что они высококлассные агенты из конкурирующих голливудских компаний. Но когда встал вопрос слияния их агентств — в результате которого им пришлось сражаться за одну должность — все стало совершенно непредсказуемо. Красиво развивающийся роман превратился в тотальный саботаж и войну.

Картеру и Иви около тридцати лет и они профи — но почему они так себя ведут? Сможет ли Картер перестать учитывать интересы всех и вся и задаться вопросом, порядочно ли поступает их общий босс? Получится ли у Иви отставить в сторону свою жажду соперничества, чтобы понять, чего она на самом деле хочет? Смогут ли актеры, их клиенты, хоть раз в жизни повести себя по-человечески? Войдет ли эта история в стиле «от любви до ненависти» в подборку счастливо закончившихся сюжетов Голливуда или же останется эпичной драматической комедией?

Каков бы ни был ответ, вы в любом случае получите удовольствие от этого проникновенного и уморительно смешного романа Кристины Лорен.

Автор: Кристина Лорен

Название: «Свидание плюс ненависть равно любовь»

Серия: вне серий

Перевод, вычитка и оформление: Ruby_Miller

Возрастное ограничение: 18+

— глава первая —

Иви

Бульвар Ла-Сьенега — нескончаемый бетонный ад, но для этого города он вынужденное зло. Пересекая Лос-Анджелес с севера на юг, он образует мощную артерию, проходящую сквозь «тридцатимильную зону», или TMZ, или Studio Zone, где находятся все старые киностудии.

Во времена своего расцвета и до того, как другие города начали предлагать кинематографистам налоговые льготы в качестве стимула снимать у себя, в этом месте было отснято большинство фильмов. На протяжении десятилетий тут были сосредоточены сотни миллионов долларов прибыли, полученной от производства кино, но я ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь из этой индустрии упомянул TMZ в обычном разговоре. Во всяком случае,

не в том смысле, о котором вы подумали. Будто слоняющийся по Сан-Франциско и называющий его Фриско турист, любой, кто говорит об TMZ как о части голливудской жизни, тут же выдаст себя как не местного и всего лишь читавшего страничку в Википедии. Искать там информацию — это настолько устарело, что даже мои коллеги не знают, почему сайт сплетен получил свое название [имеется в виду tmz.com — прим. перев.].

Ла-Сьенега выглядит как большинство голливудских улиц: ряды магазинов и ресторанов, встроенных в каждый сантиметр свободного пространства, пальмы и билборды, устремляющиеся в мутноватое серо-голубое небо, и машины — *повсюду*. В северной его части сосредоточено все то, из чего сделаны голливудские мечты — большая их часть — и что на фоне крутых холмов вырастает прямо из асфальта. Словно тетрис, на склонах теснятся дома стоимостью в десятки миллионов долларов; с поблескивающими окнами и коваными воротами, они возвышаются над городом. Если вы можете себе это позволить, оттуда открывается офигеннейший вид, но, как и большинство жителей Лос-Анджелеса, я предпочитаю жить ближе к земле, и окна моего дома выходят на окна квартиры по другую сторону переулка, где часто разгуливает без рубашки жонглер из Марокко.

Впрочем, бывают виды и похуже.

Но хотя я терпеть не могу Ла-Сьенегу и его нескончаемые пробки, это кратчайший путь через Лос-Анджелес. Любой местный вам скажет, что движение по бульвару зависит от времени дня: выехав в два часа, вы окажетесь в любом месте уже через двадцать минут; если в пять — как и делает большинство — то за час проедете километров десять.

Слава богу, я из тех, кто засиживается на работе допоздна.

Подняв голову в ответ на стук в дверь, я вижу в дверях Дэрил — великолепную голубоглазую блондинку Дэрил. В то время как во мне слились черты моих темноволосых родителей с карими глазами, Дэрил Ханна Джордан была невероятно похожа на ту, в честь кого была названа, и выглядела той самой русалкой из фильма «Всплеск», а вовсе не моей соседкой родом из Сан-Димаса.

— Рабочий день закончился больше часа назад, — говорит она.

— Хочу дочитать статью, прежде чем пойти домой, — инстинктивно прищурившись, я окидываю ее взглядом. Несколько часов назад на Дэрил была юбка и туфли на высоком каблуке; сейчас же она переделалась в медицинскую форму и собрала волосы в низкий хвост. — Мы же сегодня идем на вечеринку к Майку и Стеф. Пожалуйста, скажи мне, что это твой костюм.

Явно нервничая, Дэрил начинает с преувеличенным интересом оттирать несуществующее пятно со своей формы, и тут я понимаю, что меня надули.

— *О нет*, — охаю я.

— Извини! — она картинно падает на стул, стоящий напротив моего стола.

— Вот же нахалка. Ты что, меня бросаешь?

— Я не нарочно! Просто забыла, что пообещала дяде прийти сегодня вечером. Почему ты днем мне не напомнила? Сама ведь знаешь, что это твоя ответственность в наших отношениях!

Я откидываюсь на спинку кресла. Пока училась в колледже, она работала в спа-клинике ее дяди и всегда радостно прыгала до потолка от скидок для сотрудников. Дэрил великолепна — с упругой кожей, идеальной грудью и просветом между бедрами, через который можно смотреть телевизор — но еще она не скрывает, что отчасти обязана всей этой красоте своему дяде, доктору Элиасу Джордану, пластическому хирургу. В этом году Дэрил

исполняется тридцать, и в добавок к своей основной занятости в отделе TV-Literary [телесценаристика — прим. перев.], она помогает ему, чтобы оплатить некоторые последние *доработки*. Как и большинство жителей этого города, Дэрил твердо решила никогда не стареть.

К счастью, об этом ей больше волноваться не придется, потому что я ее прикончу.

— Ну что ж, хуже этому дню стать просто нереально, — глянув на телефон, я бросаю его в сумку. — Напомни мне, почему я вообще тебя люблю.

— Ты меня любишь, потому что я выслушиваю твою бесконечную болтовню о кино, а моя пассивность отлично сочетается с твоей потребностью быть всегда главной.

Хотела бы я возразить, но не могу. Она права по обоим пунктам. Я выросла помешанной на кино; это у меня в крови. Мой отец был осветителем на киностудии Warner Bros., а мама делала прически и макияж практически для каждой студии в округе. К моменту, когда мне исполнилось восемь, я уговорила родителей разрешить мне после школы кататься на велосипеде до видеопроката — да-да, я старуха — и однажды договорилась с угрюмым менеджером Ларри, что буду там работать, а в качестве платы брать кассеты напрокат. Когда я перешла в одиннадцатый класс, он наконец согласился мне платить.

Я путешествовала по миру, но Лос-Анджелес всегда был — и будет — моим домом. И причина не в том, что тут живут мои родные; а потому что мое сердце подчинено хаотичному ритму и негласным правилам Голливуда. Вот почему я стала агентом по поиску талантов. Мне никогда не хотелось быть по *ту* сторону кадра. Я всегда мечтала быть частью команды, которая делает кино.

И да, мне просто необходимо быть главной. Тут она тоже попала в самое яблочко.

— Ладно, — отвечаю я. — Но в следующий раз, когда клиент организует мне ужасное свидание вслепую, от которого я не смогу отказаться, ты нацепишь лицо Иви и отправишься туда вместо меня.

— Договорились, — она оглядывает меня с вымученной улыбкой. — Не хочу подливать масло в огонь, но твой костюм в машине, или ты решила пойти в образе злючной, пусть и гламурной банкирши?

Я открыла было рот, чтобы в подробностях рассказать, что именно она может сделать с моим костюмом, как сквозь приоткрытую дверь замечаю чье-то движение.

— Амелия! — зову я, и та просовывает голову внутрь. — Какие планы на сегодняшний вечер? Пожалуйста, пожалуйста, скажи, что никаких, моя самая любимая на свете мисс Амелия Бейкер!

— Еду забирать Джея из лагеря, — отвечает она, — а остаток вечера проведу в пижаме, поедая равиоли прямо из банки.

Моя голова со стуком опускается на стол.

Я работаю в отделе Features [специализируется на художественном кино — прим. перев.], представляющем актеров и актрис; а Амелия правая рука руководителя HR отдела. Начав свою взрослую жизнь раньше всех нас, Амелия была гордой мамой самого умного и самого красивого двенадцатилетнего мальчика на свете.

Чувствую, что я уже на грани отчаяния.

— А нанять кого-нибудь в помощь?

Войдя в кабинет, Амелия садится на подлокотник стула, на котором сидит Дэрил. У нее очень коротко постриженные волосы. Как бы мне ни хотелось сделать такую же стрижку себе, я знаю, что этого никогда не случится — а у нее она подчеркивает широкую улыбку,

изумительной красоты темную кожу и шикарные скулы.

— В пятницу вечером? — смешливым тоном уточняет Амелия. — Вряд ли. А что?

— Ну, например, то, что Дэрил — моя худшая подруга, а ты лучшая. Как тебе такой вариант?

Ее смех говорит мне, что пора сдаться, и я издаю стон.

— У тебя большие планы? — интересуется она, а потом с нескрываемым сарказмом добавляет: — Не сказать, что я ожидаю от тебя свиданий, но, знаешь ли, надежда еще не умерла.

Сев ровнее, я преувеличенно драматичным жестом показываю на Дэрил.

— Я должна была пойти на вечеринку с этой вот.

— Это правда, — виновато говорит Дэрил. — Но я забыла, что пообещала дяде Элиасу с клиентами.

Надев маску суровой мамочки, Амелия показывает на ее лицо.

— Ты ничего *не станешь* делать со своим лицом.

Дэрил лишь отмахивается. Мы редко когда комментировали ее действия — она уже взрослая, и как бы мы ни считали ее красивой без вмешательств, Дэрил делала это, потому что сама хотела. Ну, и вообще — это не наше дело. Хотя даже я готова была признать, что в последнее время она... немного заигралась.

— Просто немного пудры, — возмущенно всплеснув руками, отвечает Дэрил, а потом поворачивается ко мне. — Кстати, мне уже пора.

— Думаю, и мне пора. Нет смысла оттягивать неизбежное, — убрав несколько документов в рабочую сумку, я вспоминаю, что до их прихода читала. — Эй, буквально на пять секунд. Кто-нибудь видел статью про Брэда в Variety? — понизив голос, я смотрю по сторонам. — Погодите, он еще здесь?

Амелия выглядывает в коридор в сторону кабинета Брэда Кингмана — вице-президента «Прайс&Дики», главы Features и исключительнейшего мудака — и возвращается, мотая головой.

— Думаю, тут только мы и Дадли.

Я показываю на экран своего компьютера, и они вдвоем встают у меня за спиной.

— Вообще-то, она не совсем о нем, — я показываю на статью, о которой идет речь. — Просто упоминание, что его заметили ужинающим с Гейбом Вестесом, — Гейб — один из лучших и высокооплачиваемых актеров, который подписал контракт с нашими конкурентами, «СТ Management». Причем, что самое смешное — все знают, что Брэд с Гейбом друг друга терпеть не могут, хотя никто не знает, почему.

Явно не впечатленная, Дэрил выпрямляется.

— И это все? Я-то думала, там что-нибудь непристойное и скандальное.

Недовольно поворчав, я возвращаюсь к статье. Я не согласна с ее уверенностью, будто тут ничего такого нет. И меня гложут подозрения.

— Может, они наладили отношения? — делает предположение Амелия.

Я несогласно хмыкаю.

— Не думаю, что Брэд на такое способен, если только в вопросе не замешаны деньги.

— Тогда тебе стоит как следует поразмыслить над этим, Нэнси Дрю [имя героини серии детективов — прим. перев.], — говорит Амелия. — А меня ждет Джей, так что я побежала, — она идет к двери, но в последний момент оборачивается. — Пока не забыла. Мне сегодня прислали напоминание, и, скорее всего, на следующей неделе оно придет и к

тебе, Иви. Брэд решил отложить ежегодный корпоратив твоего отдела, так что можешь внести коррективы в свое расписание уже сегодня.

— Отложить? А он сказал, почему? — мое паучье чутье заработало с удвоенной силой. Брэд проводил выездное мероприятие нашего отдела на озере Биг Бэр в одну и ту же неделю ноября и так давно, как только можно было вспомнить.

— Не сказал, — отвечает Амелия. — Знаю только, что оно было отложено на неопределенный срок, и уверена, что не услышу твоих жалоб по поводу отсутствия выходных за городом с нашим парнем.

Если вам столько же лет, сколько и мне, и ваша квартира расположена в доме с общим входом, бесконечно длинными коридорами и крохотными кнопками звонков у каждой двери, то вы как-то забываете о той безнадёге, которая накатывает, едва входите в чей-нибудь частный дом. В дом с крыльцом, нарядной парадной дверью и дверным молотком, который немного поведает вам о вкусах жильцов.

Это может быть железный дракон.

Латунная роза.

Или медная горгулья.

Я таращусь на искусственно состаренного херувимчика у двери дома Майка и Стеф и, нахмурившись, неожиданно ощущаю чуть большее недовольство собственной жизнью, чем буквально пару часов назад. Они младше меня на шесть лет, а уже успели стать молоточниками. Параднодверниками. И вообще — *владельцами собственного дома*.

Я же не могу составить себе план просмотров на год на «Нетфликс». Даже не владею машиной, которую оставила в паре кварталов отсюда на многолюдной улице. Взрослая из меня не очень.

Глянув на свою черную мантию, галстук в бордово-желтую полоску и палочку в руке, я задаюсь вопросом, как могла на такое согласиться. Мне тридцать три года, а я пришла на костюмированную вечеринку в образе Гермiony Грейнджер в ее подростковые годы.

О господи, Иви.

Черт бы тебя побрал, Дэрил.

И, позвольте уж мне сказать, это требует некоторой смелости — заявиться сюда одной в образе ученицы Хогвартса. Я ощущаю такую же панику, что и Бриджит Джонс, когда она пришла на ту вечеринку. Когда открылась дверь, и все на нее уставились, разинув рты. Сейчас, уверена, Стеф сочувственно прошепчет: «Разве ты не получила письмо, в котором я написала, что мы решили обойтись без маскарада?»

Когда рядом Дэрил, в итоге все становится весело, и мы напьемся и будем поддразнивать друг друга за нелепый пятничный вечер. А вот одной... Веселого мало. Тут надо держать в голове текст песни «Будь самим собой» [ориг. «Come As You Are», Nirvana — прим. перев.], потому что девочка, которой был необходим маховик времени, чтобы успеть все запланированное, — это альтер-эго одной одинокой женщины, работающей в Голливуде.

С усилием я обеими руками приподнимаю дверной молоток. Он неожиданно тяжелый.

Когда его отпускаю, то он не издает мягкий и глубокий стук, как я себе представляла, — вместо этого раздаётся оглушительный грохот металла по дереву. Звук отдается в каждом кирпиче дома, а огромные крылья херувима угрожающе покачиваются и едва не падают на землю.

Отпрыгнув, я замечаю нормальный, человеческий звонок рядом с дверью — маленький, аккуратный и очевидно функциональный.

Ага... не надо было молотком, значит.

Распахивается дверь, выпуская наружу звуки смеха, и в этот момент, кажется, все таращатся на меня, привлеченные грохотом. Принеся с собой шлейф духов «Прада», Стеф делает шаг вперед и грациозным движением руки с идеальным маникюром поправляет дверной молоток, который, как я сейчас понимаю, был лишь декором.

— Иви пришла! — она притягивает меня в объятия. — Ты здесь!

Мне нравится Стеф. Когда я была молодым перспективным агентом, а она стажером, мы вместе работали в агентстве Альтермана. Она по-прежнему там, уже на полной занятости, и по сей день я имею честь называть ее коллегой — как в прошлом, так и настоящем — которую бы мне меньше всего хотелось бы придушить. Стеф дружелюбная и с хорошими манерами... но едва шагнув в дом, я снова замечаю, как она судорожно пытается вцепиться в подростковую эстетику, хотя у самой тридцатник не за горами. Элементарный пример — ее костюм. Она оделась Майли Сайрус времен ее «Wrecking Ball» — в белый обрезанный топ, белые трусики-бикини и ботинки. И это еще не все. Оглядевшись по сторонам, я замечаю столик, уставленный «Ред Буллом» и разными марками водки.

Подталкивая меня внутрь, она чересчур громко говорит:

— Это просто декор, ты, балда! Ты тут всех перепугала! И... о боже! Гермиона! Выглядишь потрясающе. Круто, что хоть и одна, но все равно пришла. Моя маленькая храбрая Иви.

Храбрая?

Вы слышите этот звук? Визг шин от резкой остановки? Это моя уверенность в себе осталась стоять за дверью.

Посмотрев по сторонам, я вижу множество лиц с выжидающими и вежливыми улыбками.

Дружелюбно выглядящая рыженькая Ариэль, обнимающая за талию латиноамериканского Принца Эрика.

Надменная темноволосая вампирша, что-то шепчущая на ухо своему спутнику-вампиру.

Несколько парочек, до моего прихода занятых общим разговором, теперь смотрят на меня, принесенную ветром одиночек на вечеринку, как сейчас выяснилось, для пар.

— Вниманием всем! Это Иви-дефис-Гермиона. Иви, это... все.

Помахав всем ручкой, я уголком рта бормочу Стеф:

— Ты мне не говорила, что тусовка для парных.

— Да это случайно так вышло, — радостно щебеча, отвечает она и тащит дальше вглубь гостиной. — Все будет замечательно.

Заметив на диване Бейонсе и Ники Минаж, я думаю, что, может, она и права. У народе явно широкие взгляды, а я сильная женщина, решившая подчеркнуть собственную независимость и пришедшая на вечеринку без пары. Так что чувствовать себя здесь не в своей тарелке я не буду.

Но потом Стеф ведет меня мимо основной части гостей к столику с «Ред Буллом» и водкой.

Так вот, значит, что меня тут ждет.

— А Морган хотя бы тут? — с надеждой спрашиваю я, готовая развлекать их с Майком малолетнюю дочь весь вечер, если это поможет мне выглядеть чуть менее нелепо.

Она смотрит на меня, драматически насупившись.

— С няней. А как твоя работа?

Мои плечи покорно опускаются.

— Хорошо. Тайлер... тот актер с Бродвея, с которым я подписала контракт в марте...

До конца ноября из-за жены и ребенка он не может работать фулл-тайм, поэтому я пообещала что-нибудь придумать. Даже провела целый день на сенсорных развивашках, где за семьсот долларов в час дети играют с пастой, насыпанной в огромные пластмассовые контейнеры.

Повисает вполне понятная тишина, после чего Стеф подходит ближе.

— Быть этого не может.

— Может, — и да, я помню, насколько скептически я на все смотрела, когда мы пришли туда. Несколько худеньких женщин в белых джинсах и с нарядно одетыми детьми с восторгом смотрели на большущие контейнеры с готовой пастой. Но по прошествии часа и от восторга Би от игры с едой мой критицизм по поводу нелепых и экстравагантных родительских затей сильно утих, и я начала думать, что день удался.

Но это один из примеров, как сильно развращает мозг этот город. Заплатить *семьсот* долларов за час, чтобы пухлые кулачки сминали вареные макароны. Да эти детишки могли бы делать то же самое в своих ваннах, и стоило бы это в разы дешевле.

— Ты ей не няня, — с мягким возмущением напоминает Стеф.

— Нет, конечно. Но я обожаю Тайлера, а то, что он получил главную роль в «Серфере», это удача для нас обоих, — удача, которая была мне просто необходима, и Стеф об этом знает. — И мне приходится уделять внимание его семье, хотя да, я им не няня. Ну а ты как? Все хорошо?

— Ага. Кен ведет себя немного более странно, чем обычно, но... — она делает вид, будто открыла воображаемую бутылку и начала пить. Я смеюсь. Коктейльная сессия с моим бывшим боссом Кеном Альтерманом всегда была тем еще приключением.

Кто-то с противоположного конца гостиной привлёк внимание Стеф, и, несмотря на мольбу в моем взгляде, она ободряюще пожимает мое плечо и говорит:

— Держись. Я скоро вернусь.

И уходит.

Можно подумать, что я к такому привыкла — одной находиться среди множества пар — но это никогда не становится проще.

Я достаю из кармана мантии телефон, чтобы отправить смс Дэрил.

«Засранка. Я тут одна такая, без пары».

«А это что, вечеринка для пар? Я не знала!»

«Я тоже. Пока стояла в пробке, лучше бы притворилась, будто у меня диарея».

«Удовольствия и то было бы больше».

Внутренне застонав, я тайком смотрю на время и засовываю телефон в карман. Я ведь могу остаться минут этак на сорок пять, да? Достаточный срок, чтобы пообщаться и сказать: *«Я очень ценю нашу дружбу и так рада, что пришла!»* И: *«Нет-нет, я совершенно не рвусь домой, назад к тихому существованию старой девы»*. Кажется, тут давно пора ввести достаточно четкое правило: если в моем возрасте вы не замужем и побывали подружкой невесты больше семи раз, вам должно быть позволено слинять с вечеринки для пар в любой момент и не считаться при этом грубиянкой.

Приняв это решение, я осматриваю водочный ассортимент и беру самую дорогую

бутылку.

— Это стол для третьих лишних?

Поскольку я уже наливаю себе, то отвечаю, не оборачиваясь:

— Стол с выпивкой? — уточняю я. — Таким он и должен быть. Ну, просто это меньшее, что они могли сделать.

— Тогда прошу прощения, но я вынужден попросить вас уйти, — суровым голосом отвечает мужчина, а когда я удивленно оборачиваюсь, он отступает на полшага и уже тише добавляет: — Я был уверен, что на этой вечеринке я единственный без пары.

Мужчина стоит ближе, чем я ожидала, поэтому мой смех сразу же обрывается, едва я его вижу.

Он издевается, что ли? Он один? Поверить не могу в собственное везение. У него темные волосы, чуть длиннее на макушке, и когда наклоняется исследовать батарею бутылок, откидывает со лба прядь волос. Маневр не сильно удался — поскольку получилось с точностью наоборот, и волосы встали торчком — но, судя по всему, это его бессознательный жест. Я сразу же заметила, насколько комфортно он сам себя ощущает, насколько расслаблен и спокоен, и что, скорее всего, он-то не собирается строить планы по изображению расстройства желудка, чтобы рвануть к ближайшему выходу.

Он улыбается снова, и только теперь я вижу, во что он одет. Мне приходится закрыть глаза, чтобы сдержать смех.

— Это вас Стеф подговорила? — интересуюсь я.

— Что? — он следует за моим взглядом. Это не бросается в глаза, но по цвету его волос, зеленым глазам и очкам, белой рубашке, ослабленному галстуку и серой кофте на молнии мне становится все понятно. Он Гарри Поттер. Образ завершает нарисованный шрам на лбу в виде молнии; думаю, по нему мне стоило бы догадаться сразу.

Мужчина приподнимает брови.

— О боже, — он окидывает взглядом мою мантию, галстук, палочку и волосы, которые я яростно взлохматила, пока стояла в пробке. — Это шутка такая? Мы единственные, кто пришел сюда без пары, и так подходим друг другу?

На этот раз сдержать смех у меня не выходит, и он вырывается из меня, удивив его, как и любого другого, кто слышал его хотя бы раз. Сама я маленькая, но мой смех очень громок.

Он смотрит на меня с медленно расцветающей на губах улыбкой.

— Ну ничего себе.

— Привет, — я протягиваю ему руку. — Меня зовут Иви.

— Это сокращенно от Злючки? [игра слов Evie (Иви) / Evil (зло) — прим. перев.] — притворившись, что напуган, он осторожно пожимает мне руку. — Уверены, что вы из Гриффиндора? Ваш смех заставил меня подумать о секретной лаборатории, где вы создаете робота Пса Апокалипсиса, который пожрет каждую самодовольную душонку из здесь присутствующих. Все-таки должен быть Слизерин.

— Сокращенно от Ивлин. А гоготать — мой дар. Держит неженок в стороне.

— Я Картер, — ткнув большим пальцем себе в грудь, отвечает он. — И я не неженка, уверяю.

Он, что... заигрывает? Куда только не сворачивала моя личная жизнь. Я настолько удивлена, что даже ответить нечего.

Картер выглядит по-дурацки, хотя и сексуально. Очки в темной оправе кажутся настоящими. Он не сильно высокий, но выше меня — как по мне, это бонус — с

ошеломляюще зелеными глазами и густыми темно-каштановыми волосами...

Поняв, что слишком долго таращусь на его волосы, я перевожу взгляд на его лицо.

— Приятно познакомиться.

— Мне тоже, — он снова показывает на свой костюм и улыбается. — С учетом не сильно большого желания и отсутствия времени, я сделал, что мог, — потом снова оглядывает меня с ног до головы. — А ты *потрясающая* Гермиона. Гарри и Гермиона. Идеально. Всегда их шипперил.

У меня внутри снова екает.

— Моя подруга Дэрил должна была пойти со мной в костюме Рона, но в последний момент продинамила. Теперь она для меня мертва.

Смех Картера неожиданно громкий. Он вскрывает банку и какое-то время неторопливо пьет.

Честно говоря, я изо всех сил стараюсь держать лицо и не смотреть на него чересчур внимательно, но это плохо удается.

Живя в Лос-Анджелесе, а тем более работая в Голливуде, я каждый день вижу красивых людей. С несколькими даже ходила на свидания. Но в городе, полном привлекательных людей, я стала невосприимчивой к их предсказуемости и идеальной симметрии лиц. Привлекательность же Картера была иного рода. Большие и обрамленные черными ресницами глаза. Угловатая челюсть. Очки в черной оправе. Его красота не бросается в глаза. Хм, ему нужно постричься. Когда он улыбается, то обнажает белые, но не идеально ровные зубы. Это тут же придает ему еще больше приветливости. Его несовершенства так неожиданны в море инвизилайна, ботокса и искусственного загара. Он кажется... *настоящим*.

Так. А теперь, если вы решили, что я слишком много тут себе накручиваю, то хочу напомнить, что мне уже не двадцать, и когда вы в моем возрасте знакомитесь с мужчиной-ровесником, тут же отправляете его в одну из трех категорий: с кем стоит встречаться, с кем не стоит и геи. Если он из первой, то вы всегда надеваете бюстгалтер и не болтаете про функции организма или прыщи. Если из второй или третьей — ограничений нет.

— Тут тебе повезло больше. Мне вообще не было предложено взять кого-нибудь с собой, — говорит он. — Наши славные хозяева прийти меня просто заставили. Откуда ты их знаешь?

— Я работала со Стеф у Альтермана.

В выражении его лица что-то промелькнуло — может, он что-то знал обо мне — но прежде чем я успеваю спросить, к нам подходит Стеф с тарелками в обеих руках. Мы с Картером стараемся освободить место для них среди бутылок и банок.

— Кстати, что за выбор напитков? — интересуюсь у нее я. — Ты ждешь компанию подростков?

— О боже, ты только представь себе такое! — она говорит это с придыханием — чуть ли не на грани оргазма — и я удивленно таращусь на нее. — А все остальное вон там, — Стеф показывает в сторону другого столика в другом конце гостиной, на котором стоит вино, пиво и прочее привычное.

Притворившись сраженной обстоятельствами, я говорю:

— Но он на *парной* территории.

— А у нас в ту часть комнаты билетов нет, — добавляет Картер.

Уже собравшись закатыть глаза, она замирает с раскрытым ртом.

— А вы сочетаетесь.

Мы с Картером обмениваемся понимающими взглядами.

— Мы уже успели это обсудить, — говорит он. — Теперь твоя очередь добавить неловкости.

Она шлепает его по руке.

— Молчи! Мы с Майки *знали*, что вы вдвоем отлично поладите. Знаете, что вы оба агенты по поиску талантов, да? Ну, то есть... *Ребята*. Вы словно идеальная пара, правда ведь?

Прежде чем отправиться обратно на кухню, Стеф смотрит на нас, мило сморщив нос и улыбнувшись, словно мы забавные статуэтки на полке, и нас просто нужно пододвинуть поближе друг к другу.

Картер поворачивается ко мне, и какое-то время мы ошарашенно молчим.

— Ублюдки все подстроили, — шепотом говорит он.

— Похоже на то, — я свирепо сверлю взглядом спину удаляющейся Стеф. — Разве они не знают, что подобное никогда не срабатывает?

— Это как в том фильме с Сетом Рогеном и Кэтрин Хайгл, когда у них было свидание с плачевными последствиями, — поднеся банку к губам, он замолкает. — Погоди... Или я перепутал?

У меня такое ощущение, что в груди взрываются конфеты «Pop Rocks». Я в точности знаю, про какой фильм он говорит.

— Ты про «Немножко беременна»? — Картер кивает. — Тогда там было не совсем свидание. Они встретились в клубе после ее — героини Кэтрин Хайгл — назначения на новую должность. Тот клуб существует на самом деле и называется «План Б». Они напились и занялись незащищенным сексом. Восемь недель спустя она поняла, что забеременела, и потом у них было свидание, где она ему все рассказала.

Остановившись наконец глотнуть воздуха, я вижу, что он смотрит на меня, приподняв брови, с замершей банкой у рта.

— Впечатляюще подробный обзор для фильма, который вышел десять лет назад.

Я радостно подпрыгиваю на месте.

— Это другой мой дар.

Его глаза сияют.

— Должен сказать тебе правду. Стефани следовало бы лучше подумать. Ты невероятно красивая и, как я уже знаю, благословлена как минимум двумя завидными талантами, но нет ничего хуже, чем встречаться с коллегой-агентом.

Господи, я согласна. Отношения с кем-нибудь из этого бизнеса может привести к катастрофе: ужасный график, вечные звонки, и с давлением — как и с сексуальной жизнью — возникнут проблемы.

Поэтому я рада, что он проговорил это вслух. Как будто мы внезапно оказались в одной команде, и никакого давления больше нет — теперь мы называемся «Это могло быть мило, но ничего не выйдет».

— И, — продолжает он, — я только что понял, что ты — та самая, всеми обожаемая Ивлин Эбби. Все встало на свои места.

Застигнутая врасплох, в течение нескольких секунд я не знаю, что ответить. В голливудской киноиндустрии занято почти сорок тысяч человек, но этот мир все равно тесен. Если он слышал обо мне — и про мой послужной список — то это замечательно...

Или же наоборот. От незнания, какой вариант выбрать, я чувствую беспокойство.

— Значит, ты тоже агент? — спрашиваю я. — Как так случилось, что мы не знакомы?

— TV-Literary, — и правда, мир тесен. Я немного расслабляюсь. — Но Майкл Кристофер со Стеф постоянно говорили о тебе.

— Ты зовешь Майка «Майклом Кристофером»? — переспрашиваю я. — Так мило. Повеяло историей о Винни Пухе.

— Мы вместе учились в школе, — поясняет Картер. — А старые привычки трудно изменить. Он все пытается притвориться, будто быть женатым и иметь трехлетнюю дочь, которая заставляет его носить на голове тиары, — это круто, но глубоко в душе, я уверен, он просто бесится, что я до сих пор один, а в моем инстаграме нет ни одной моей фотки с розовым детским блеском на губах.

Я смеюсь.

— Ну, если благодаря этому ты почувствуешь себя лучше, скажу, что сегодняшний вечер гораздо лучше моего прошлого свидания, организованного Стеф.

Картер обладает магической способностью резко вскидывать одну бровь, от чего у меня внутри запускается цепная реакция, и взрывается бомба.

— Она часто так делает?

— В прошлый раз, — отвечаю я, — она устроила мне знакомство со своим двадцатидвухлетним кузеном Уайаттом.

— Продуманный ход. Должно быть, ей нравится этот Уайатт.

Комплимент приятно согревает.

— А мне, между прочим, тридцать три. Так что...

Смех Картера мягкий, и при этом улыбается все его лицо.

— Как я понимаю, ты оказалась ему не по зубам.

— Недавно окончивший UCLA [Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе — прим. перев.], бедняга-Уайатт не ходил на свидания несколько месяцев, — я улыбаюсь. — Или... еще ни разу.

Я не совсем понимаю, что делать с его откровенным вниманием, когда он слушает. Сама я привыкла быть человеком, умеющим не выпячиваться, если это необходимо. Большую часть своей жизни — и своего общения — я выстроила вокруг работы. И всегда замечала, когда стоит быть начеку и оказать поддержку, если речь шла о моих клиентах. Но при этом все равно предпочитала руководить из-за кулис. И только сейчас, стоя здесь напротив этого мужчины, я понимаю, что на меня очень давно так не смотрели.

Ту мне в голову пришла мысль: несмотря на то, что Картер вырос с Майком на восточном побережье, раз он работает в TV-Lit, то он, скорее всего, местный, а значит, Дэрил вполне может его знать.

— Где ты работаешь?

Картер улыбается, словно поняв, какую бомбу взорвет сейчас его ответ.

— В «СТМ».

«СТ Management» — наш самый большой конкурент. А внутри меня сражаются два чувства: радость, что угадала, и он действительно местный, и инстинктивное желание соперничества.

Если он и замечает мое молчание, то виду не подает.

— Я переехал сюда два года назад, и говорю это как человек, выросший в окружении метро и прочих способов добраться куда угодно, — говорит он. — А тут... Господи. Я живу

в Беверли-Хиллз — никогда не думал, что скажу это — а добраться оттуда хоть куда-нибудь — сущий ад.

— Все вы, с восточного побережья, так избалованы этим, — я показываю пальцами кавычки, — *удобным метро и такси*.

Смешок Картера мягкий и слегка хрипловатый.

— Это правда. Глубоко внутри я по-прежнему мальчик с Лонг-Айленда. Но теперь стану голливудским.

— Остерегайся стать голливудским на *все сто*.

— Я даже не уверен, что знаю, как это — стать голливудским на все сто. Это когда ты смотришь на ботинки «Saks» за пятьсот долларов и думаешь: «Наверное, надо брать, на Манхэттене ведь такие же»?

— Хуже, — отвечаю я. — Это когда ты замечаешь эти туфли на ком-нибудь и по ним судишь о человеке, особенно когда знаешь, что именно эти лоферы этого переоцененного дизайнера сейчас можно купить только на распродаже, стартовавшей на прошлой неделе. Так что он явно заплатил не полную цену.

— Ого. Точно Злючка.

— Ой, нет, это точно не я, — подняв руки, я показываю указательными пальцами на выглядывающие из-под мантии непримечательные желтые балетки. — Эти туфли я купила в «Old Navy», сэр. Да еще и с большой скидкой. Но я живу здесь всю свою жизнь. Каждый день — это сопротивление, чтобы не втянули в игру.

— В «игру»?

— Ты же агент в Голливуде, — говорю я. — Значит, *точно* знаешь, о какой игре идет речь.

— Это да, — кивает он, и по этому еще уловимому жесту я понимаю, что он *уже* в игре. И если моя интуиция меня не подводит, он в ней очень даже неплох. Пока речь не заходит о работе, он открыт и прозрачен. А потом опускаются фильтры.

Интересно.

Сделав глоток, я оглядываюсь по сторонам. Мы с Картером образовали тут маленький островок; впечатление усиливается тем, что все остальные словно были проинструктированы нас не беспокоить.

— А ты, значит, из «П&Д», — говорит он.

— Ага, — я смотрю на него и пытаюсь прочесть, как и любого другого человека, с кем знакоюсь, чтобы эффективней общаться, и думаю: «*Какой хладнокровный*». — Под начальством Брэда Кингмана.

Поскольку Картер никак не реагирует, я прихожу к выводу, что и это он об мне уже знает.

— А это правда, что он крайне разборчив в еде и ест только здоровую необработанную пищу, без сахара... — Картер ухмыляется и подносит ко рту банку «Ред Булла». — Заботится о здоровье — как и я, в общем.

Я смеюсь.

— Правда. Все названное.

— Но это же не может быть так экстремально, как о нем говорят.

— Однажды, — начинаю я, — я оставила у себя на столе журнал «Дом и сад», чтобы он взял своему избалованному немецкому догу прикрепленный к обложке батончик для собак. А когда вернулась, то застала его жующим этот батончик. Ну, то есть он настолько привык к

пресной и безвкусной еде, что слопал собачью еду и даже не понял, что она не для людей.

Картер смотрит на меня с чистым ужасом.

— А ты сказала ему?

— Э-э... *нет*, — не в состоянии удержаться от хохота, говорю я. — Но в свою защиту хочу добавить: как раз перед этим он заявил мне, что я выгляжу *пышно* в своем новом платье. Так что заслужил.

Как только последнее слово вылетело из моего рта, мне тут же захотелось забрать все сказанное назад.

Агенты, как известно, любят чесать языком направо и налево. И иногда поделиться конфиденциальной информацией становится частью бизнеса. Но сама я так никогда не поступаю. Предпочитаю держать это при себе. Я профессионал. И как бы себя ни оправдывала, позволив боссу съесть собачью еду, про меня нельзя сказать, что я распространяю слухи про чье-то плохое поведение, пьяные выходки в барах или с чьей второй половиной перепихнулся новый стажер. Если только я не с Дэрил или Амелией — в этом случае я выкладываю все карты на стол. В целом, мне нравится возвращаться к кругу единомышленников. А репутация тут — это все.

Картер наклоняется ниже.

— Вообще-то, сказать такое в твой адрес — тоже не очень.

Черт бы его побрал — ему удастся одновременно быть профи и оказывать поддержку. Хороший агент умеет понимать людей, чтобы успокоить их и разговорить. Или самому оставаться сдержанным в любой ситуации. Блестящий же агент хорош по всем трем статьям.

Все мы склонны не раскрывать свои карты, не давая возможности собеседнику угадать, о чем на самом деле думаем. Наши границы на замке, оборонительные стены высоки, а фуфлометр настроен на максимальную чувствительность.

Присмотревшись к нему чуть более внимательно, я прихожу к выводу, что Картер точно держит карты близко к груди, о да. Но еще у него очень красивые руки.

— глава вторая —

Картер

В субботу утром Майкл Кристофер увидел меня на кухне просматривающим газету, пока тихо булькала и шипела кофеварка.

— Рад, что ты все-таки не стал вчера садиться за руль, — его голос хриплый и будто царапающий горло, а подняв взгляд, я улыбаюсь от его вида — на нем синий бархатный халат нараспашку, полинялая футболка и полосатые боксеры. А торчащие в разные стороны волосы напоминают пламя костра.

— Доброе утро, мистер Хефнер.

Наступив на детальки лего, затерявшиеся в пушистом ковре, он громко матерится.

— Следи за языком, — я уже не один десяток раз слышал это сдержанное напоминание Стеф в его адрес, но не прочь тоже поучаствовать.

Заворчав, Майк наклоняется оценить травму.

— Ты не познаешь истинную боль, пока одна из этих хреновин не вопьется тебе в ногу, — порадовавшись, что не истекает кровью, он ковыляет к посудному шкафу, достает белую керамическую кружку с отпечатком ладони Морган и наливает себе кофе. — Почему ты

всегда так рано встаешь?

— Не знаю. Мой внутренний будильник по-прежнему настроен на Нью-Йорк и отказывается меняться.

— Твой внутренний будильник идиот.

— Согласен, — смеюсь я. — Кстати, милый халатик.

Налив сливок, он убирает пакет в холодильник. Холодильник в нашей с ним комнате в общежитии был залеплен купонами на пиццу и телефонными номерами; на этом же висит огромный рисунок Большой Птицы [персонаж «Улицы Сезам» — прим. перев.] и расписание игр.

Плюхнувшись на стул напротив меня, Майкл отхлебывает кофе.

— Это подарок Стеф на День отца.

— Хм, поздравляю тогда. Теперь ты официально отец.

Майкл наклоняется над столом и шумно вдыхает аромат кофе.

— Я еще не в состоянии острить, Картер. Голова раскалывается, и я все никак не могу понять, как утром оказался в нижнем белье Стеф.

— О нет. Нет-нет-нет, — я мотаю головой, пытаюсь стереть этот мгновенно нарисовавшийся образ, пока тот не остался в памяти навеки.

Я встаю, чтобы взять ибупрофен, который, как я знаю, лежит в шкафчике рядом с раковиной — они его называют аптечкой. Там лежат назначенные врачом лекарства, пластыри и вообще всякое, что только может понадобиться. Господи, тут даже есть флакон с йодом.

У всех взрослых людей дома есть йод. У моей мамы, например, он есть. Мне же двадцать восемь лет, но я не могу сказать с полной уверенностью, для чего он нужен.

В такие моменты контраст между нашими жизнями особенно заметен. Майкл со Стефом живут в доме с тремя спальнями на тихой улице. У них есть расписанный вручную почтовый ящик и ростомер на внутренней части дверцы шкафа. У них есть ребенок. У меня — небольшая квартира с одной спальней и кактус, который жив уже полгода, чем я сильно горжусь.

Когда он успел набрать больше меня очков по Шкале Взрослых Достижений?

Может, это ему дала женитьба? Или смелое решение начать вести переговоры с агентством по продаже недвижимости? Или отцовство? В любом случае, спрашивать я не буду, потому что какими бы респектабельными они со Стефом ни стали, оба до сих пор считают себя только-только вышедшими из подросткового возраста, и любое упоминание об обратном приведет к тому, что в доказательство будет устроена (или найдена поблизости) пивная пьянка. Хотя это и звучит иронично, но для подобного я слишком стар.

С тремя коричневыми таблетками в одной руке и стаканом в другой я возвращаюсь к столу и ставлю все это перед ним.

Пробормотав слова благодарности, он закидывает таблетки в рот и залпом выпивает весь стакан.

— Что-то мне тяжело сегодня утром.

— И ты еще удивляешься? — я снова сажусь за стол. — Ты вчера смешал «Ред Булл» с тремя видами марихуаны. Я со времен выпускного класса не миксовал выпивку с травкой.

Майк смотрит на меня слегка обиженно.

— Вчера была крутая гулянка.

— Ага, помимо того, что костюмированная вечеринка случилась в конце сентября.

— В Хэллоуин у Морган будет много дел, — поясняет он. — Игры, карнавалы и парады-маскарады — и все чуть ли не в одно и то же время. Эта девчонка занята больше, чем я. Потому мы со Стеф и перенесли вечеринку.

Я молчу, надеясь, что эхо собственных слов достигнет его ушей, но он, кажется, влюбился в свой кофе.

Наконец я нарушаю тишину:

— Слушай, оказывается та девица, разодетая, как Майли Сайрус, — это ж твоя жена!

Глаза Майкла Кристофера еле заметно поблескивают.

— Ничего не знаю. Иви вот продемонстрировала ровно столько же голого тела, сколько и ты. Вы оба идеальные гриффиндорцы.

Та-а-а-к...

подавшись вперед, я делаю глоток кофе.

Краем глаза замечаю, как Майкл пытается небрежно пожать плечами.

— Стеф считает, вы с Иви подходите друг другу.

— Минус пять очков тебе за то, что позволил своей жене сводничать.

— Вчера ты вроде не был против.

Поставив кружку на стол, я делаю все возможное, чтобы проигнорировать внезапно учатившийся пульс. За те три часа с Иви я почувствовал больше взаимного влечения, чем во время всех своих свиданий за последний год вместе взятых.

— Не был, да, — отвечаю я. — Она сексуальная и забавная. А этот ее смех — потрясающий.

Майкл молчит, а я чувствую, как он наклоняется над столом.

— Еще немного, и я уже готов возрадоваться перспективе, что ты переспишь с кем-нибудь, кого мы знаем, и что мы будем видеться вчетвером. Мне срочно нужна крутая парочка в круг знакомых, Картер. Потому что все тут только и трещат о том, как безглютеновая диета изменила их жизнь или сколько они положили на свой пенсионный счет.

— Давай не будем забегать слишком далеко. Она мне нравится, но... Да блин, — я ставлю локти на стол. — Ты живешь со Стеф и видишь, сколько она работает. Вот и представь Стеф, встречающуюся с такой же Стеф. Ничего не выйдет. Это превратится в кошмар, а кончится тем, что мы друг друга возненавидим.

— Ну почему логика вечно разбивает мои мечты? — оглянувшись на открытую дверь, Майкл тихо добавляет: — Не говори моей жене, что я это предложил, но, может, тебе просто перепихнуться с Иви? Приятно провести время и посмотреть, к чему это приведет?

— Сомневаюсь, что это хорошая идея. Но мы обменялись телефонами, — я встаю и ставлю кружку в раковину. — С ней интересно общаться, и это знакомство еще может пригодиться, если я решу переключиться на полнометражные фильмы.

— Все по-прежнему возможно, если кого-нибудь из вас уволят, — с ухмылкой замечает он.

— Не то чтобы я клонил именно к этому, но твой извращенный оптимизм мне нравится. Мы оба резко поднимаем головы при звуке грохочущих басов из машины, проехавшей чересчур быстро по сонной улице.

Майкл встает и смотрит в окно, выходящее на подъездную дорожку.

— А ты не говорил, что Джона ездит на черном Рендж Ровере.

— Кто? Джона? В смысле мой *брат* Джона? — спрашиваю я подхожу к нему.

И действительно, черный блестящий Рендж Ровер изящно сворачивает на узкую подъездную дорожку дома Майкла Кристофера. От резко выключившегося шума двигателя у нас в ушах звенит тишина.

Я уже с ужасом жду этого противостояния. Со своим братом я не виделся и не разговаривал несколько месяцев. И без понятия, что он тут сейчас забыл. Мы оба наблюдаем, как открывается водительская дверь и оттуда появляются затянутые в джинсы ноги.

— Хм, он выглядит... как-то по-другому, — подняв брови, говорит Майкл.

— Ты не виделся с ним со времен его восемнадцатилетия. Естественно, сейчас он выглядит по-другому, — оттолкнувшись рукой от подоконника, я иду к входной двери.

На самом деле, большинство тех, с кем я вырос, не видели Джону с того момента, как он уехал из дома сразу после выпускного. Он был хипстером с камерой на шее, делающим фото линии электропередач, кирпичные стены или те удручающие снимки неспособных улыбаться людей. Одна из таких фотографий принесла ему стипендию в одной элитной школе искусств, но пока все вокруг строили планы на колледж, Джона взял камеру и небольшую сумку и укатил в Лос-Анджелес. Вот так запросто. Оказавшись здесь, он за косячком познакомился с одним полезным парнем и за черно-белое фото легендарного рок-гитариста получил работу. Буквально несколькими днями позже гитарист трагически погиб, и за одну ночь из голодающего художника Джона превратился в автора обложки стремительно распроданного выпуска Rolling Stone и в светского завсегдатая, у которого стало слишком много предложений по работе, женщин и денег, чтобы он знал, что с этим всем делать.

Мама не перестает о нем говорить.

Очень странно быть старшим братом, при этом постоянно ощущая себя плетущимся далеко позади.

— Я имею в виду серьги и тату, — говорит Майкл Кристофер. — И вообще, он подчеркнуто похож на «крутого парня» из бойз-бенда.

Я распахиваю входную дверь, как только Джона, топая, поднимается по ступеням.

— Ты хотя бы представляешь, сколько времени? — шепотом ору я на него, выйдя на крыльцо и поморщившись, потому что я говорю в точности так же, как наша мать.

Джона бросает сигарету на крыльцо Майкла, острым носком сапога тушит ее и имеет наглость выглядеть растерянным.

— А?

— Стеф и Морган еще спят, — медленно объясняю я. — Сейчас утро субботы, и это в принципе тихий район, — я окидываю взглядом его футболку, джинсы, черную кожаную куртку и многодневную щетину. — *Большинство людей* еще в постели, а ты прогрохотал по улице, будто у тебя в машине проходит приватная вечеринка.

— Успокойся, *папочка*, — пихнув меня плечом, он входит в дом и, оглядев Майкла Кристофера с ног до головы, усмехается — не особенно дружелюбно. — Значит, вот так выглядят женатые и с детьми? *Потрепанно* как-то.

Майкл открыл было рот, чтобы ответить, но тут до него доходит наезд, и выражение его лица говорит: «*Какого хера?*» К сожалению, Джона его не видит, поскольку уже прошел мимо него на кухню.

— А тут миленько.

Я иду следом за своим братом и вижу, как тот наливает себе кофе.

— Чувствуй себя как дома, Джона.

Он облокачивается спиной на стойку и подносит кружку ко рту.

— Мама отправила мне порядка двух сотен смс с вопросом, не знаю ли я, где ты, — отхлебнув, он громко сглатывает. — Наверное, она не в курсе, что с тех пор как ты переехал сюда, мы виделись всего один раз.

— Ты за четыре года приехал домой всего один раз, — напоминаю я ему. — Так что не надо мне тут читать лекции про семейные узы.

— Да, я занят, но для семьи время выделяю. Слава богу, мама прислала мне этот адрес, а то еще неизвестно, сколько прошло бы времени, прежде чем я нашел бы тебя под забором или ночующим на диване у бывшего сокурсника.

— Вообще-то, у нас есть комната для гостей, — совершенно некстати замечает Майкл Кристофер.

— Я не сплю под *забором*, придурок, — говорю я Джоне. — Просто остался тут на ночь после вчерашнего.

Неловко хохотнув, Майкл хватается нас обоих за плечи.

— Проехали. Как работа, Джонас? В прошлогоднем People видел о тебе статью. В мать его People! Офигенно, мужик.

Взяв стул, мой брат садится на него верхом. Как мудак.

— Ну да, неплохо, — отвечает он. — А сейчас в Vogue... *это* гораздо круче.

Пару секунд я изучаю его взглядом.

— Джона, похоже, что ты неделю не мылся.

Поднеся кружку к губам, он ухмыляется.

— Безумная выдалась ночь.

Майкл Кристофер разворачивает свой стул и тоже садится на него, как и Джона, верхом.

— У нас тоже выдалась безумная ночь, правда, Картер?

— М-да... безумная, — саркастически соглашаюсь я. Вчера, конечно был «Ред Булл» и травка, но еще сангрия, букет из ватных дисков в ванной и специально выделенная комната для кормящих матерей.

— Ага, все вчера прямо *слетели с катушек*, — не в состоянии остановиться, продолжает Майкл. — И очень поздно разошлись. Ну, то есть... в районе одиннадцати, потому что Морган всегда начинает капризничать, если не выспится, а многих гостей дома ждали няни. Но до того времени — *от-вал баиш-ки*.

Джона кивает, словно прекрасно понимает, но — надо отдать ему должное — не издевается над Майклом.

— Картер даже кое с кем нашел общий язык, — одновременно с его словами из меня вырывается стон.

— С девушкой? — улыбается Джона.

Я хмуро смотрю на него.

— С женщиной, да.

Джона смеется.

— Извини, — говорит он. — Я и имел в виду *женщину*.

Очень надеюсь, что мой взгляд в сторону Майкла выглядит пугающе.

— И как ее зовут, МК? — спрашивает Джона. — Я ее знаю?

— Нет, — встречаю я. Понятия не имею, прав ли я, это скорее отчаянный порыв.

— Иви, — охотно отвечает МК. — Умная, сексуальная, с офигенным телом. Раньше работала со Стеф у Аль...

— Майкл. Заткнись, — перебиваю я его.

Джона громко хлопает в ладоши, от чего я вздрагиваю.

— Мужик, мама будет в восторге.

— Не обсуждай с мамой мою личную жизнь, и я не скажу ей про бесконечную карусель девочек по вызову в твоей постели.

На мой удар ниже пояса он отвечает еще более нечестным.

— Ты прав. Не хочу давать ей надежду. Помнишь, как тяжело она восприняла, когда ты облажался с Гвен?

Кажется, я на расстоянии почувствовал, как поморщился Майкл Кристофер.

— О господи, — застонав снова, я роняю голову на руку.

Гвен Талбот была первой девушкой, в которую я влюбился, и мама ее обожала. В то время как большинство матерей пытаются убедить своих двадцатичетырехлетних сыновей, что еще рановато даже для серьезных отношений, не то что для помолвки, моя мама чуть ли не придумывала имена будущим внукам, едва я привел Гвен в дом. Вот только взаимопонимания у нас с Гвен не вышло. Она мечтала о тихой жизни на Лонг-Айленде в доме и с детьми. А я работал агентом и жил в дерьмовой квартирке в центре, чтобы в любое время иметь возможность встретиться с полезными людьми. Платили мне мало, рабочих часов было выше крыши, и через год после объявления нашей помолвки мы ее расторгли. Не думаю, что мама до сих пор оправилась.

Джона любил поковыряться в этой старой ране, и, сидя сейчас тут и попивая кофе, он выглядит очень довольным. Я изо всех сил стараюсь не забыть, почему дать ему в рожу будет не лучшей идеей — ему, Джоне с Рендж Ровером, горой бабла и тату в виде дракона. Ему — Джоне, мудаку.

— Гвен была шлюхой, — нарушив гнетущую тишину, говорит МК. — И я сейчас не про ее мораль или распушенность, потому что это я полностью одобряю и считаю, что девушка может заниматься сексом с кем угодно и когда угодно, и никому до этого не должно быть дела. Я про то, как она себя повела во время вашего расставания. Ну и сволочь.

Я кивком благодарю Майкла, потому что да, Гвен повела себя как сволочь. Потому поворачиваюсь к брату.

— Просто не трепи языком. Нет, правда, что ты тут делаешь?

— Мама звонила кучу раз и сказала, что ты не берешь трубку. Потом попросила заехать к МК, потому что если ты валяешься мертвый в какой-нибудь канаве, он точно должен быть в курсе, в какой именно.

— Я... Погоди. Что? — Майкл выглядит обиженным.

Джона допивает свой кофе и встает, от чего его стул громко скрежещет по полу. Он оставляет стул отодвинутым, а кружку на столе.

— Ну а раз ты жив, то я пойду. Пока, старший братец.

И уходит.

Будто поселилась тут и затаилась в засаде в коридоре, моя ассистент встречает меня ровно в ту минуту, когда я сделал шаг из лифта утром в понедельник.

— Ты уже здесь! — радостно восклицает она.

— Бекка, что ты тут делаешь? Сейчас еще нет и восьми.

Глазом не моргнув, она идет к моему кабинету с блокнотом в руке, и у меня нет иного выбора, кроме как последовать за ней, если только я не планирую вернуться в лифт — не самая худшая идея, впрочем.

— Я хотела поймать тебя первой, — говорит она, обернувшись через плечо. — О тебе спрашивал один из клиентов Блейка.

— Кто именно?

— Красавчик С Бицепсами.

Бекка редко кого называет по имени. В TV-Literary мы представляем целый ассортимент писателей и сценаристов, но очень мало актеров. Большинство из них заняты в игровом кино. Эмиль Шепард — один из наших, но я все равно не сразу соображаю, о чем именно она говорит. Если Эмиль хочет перейти из списка клиентов Блейка в мой, он станет третьим за последние два месяца, кто от него ушел, и моим первым крупным актером.

Сейчас сильно преуменьшу: Блейк будет не в восторге.

— Эмиль спрашивал обо мне?

— За эти выходные он позвонил трижды, — отвечает она и тянет меня за рукав, чтобы я перестал стоять посреди коридора.

— А Блейк в курсе?

Бекка отрывает листок бумаги, исписанный неразборчивым почерком, и протягивает его мне.

— Поскольку я не слышала, чтобы швыряли мебель, то предположу, что нет. Если ты заинтересован, позвони Эмилю сегодня утром, прежде чем пронюхает кто-нибудь другой. Сам знаешь, в какой кошмар все может превратиться. А если Эмиль решил, то он будет действовать. Ты его не воруеть.

Ее подбадривание — это, конечно, мило, но ситуация все равно не из приятных. В конечном итоге я вижу себя занимающимся большим кино, но красть талантливых актеров у коллег — далеко не идеальный способ достичь желаемого. Я даже подумать не рискну, к чему это приведет.

Тем временем Бекка рапортует по моему расписанию: встречи в девять и в половине десятого, еще одна в десять по скайпу. Потом сразу же после скайпа летучка с сотрудниками и, возможно, ланч с новым автором.

Я всегда считал, что Бекка — мой типаж. Умная и саркастичная, рыжеволосая и голубоглазая, с женственной фигурой. Мы познакомились в кофейне на следующий день после моего переезда сюда, и она сразу же мне понравилась. На самом деле, она понравилась мне так сильно, что я уже собирался пригласить ее на свидание, как вдруг она сказала, что опаздывает на собеседование по работе. Так вышло, что это собеседование оказалось со мной. Я каждый день благодарю судьбу за то, что Бекка посмотрела на часы, *прежде* чем я успел пригласить ее поужинать.

Но несмотря на наше не совсем стандартное знакомство, отношения между нами оставались в профессиональных рамках. Бекка превосходно делала свою работу и знала обо всем происходящем в офисе, больше чем кто-либо из партнеров. И это означало, что она может стать первоклассным агентом; Бекка, правда, всегда говорила, что для этого у нее не прокачаны нужные мышцы.

К моменту, как она дочитала список дел до конца, мы подошли к моему кабинету.

— Картер? — спрашивает она, заметив мою рассеянность. — Ты все слышал?

Я снова смотрю на лист бумаги в своей руке, умышленно не замечая записки с телефонными номерами с приписками типа «Перезвоните», которыми облеплен мой компьютер, и стопку писем на столе.

— Думаю, что по большей части, — отвечаю я. — Но, наверное, сказывается недостаток кофеина — вот и не работаю на всех четырех цилиндрах. Дай мне час, а потом зайди снова.

— Уж и не знаю, за какие такие заслуги я тебе досталась, — говорит Бекка и, подойдя к моему столу, снимает крышечку с дымящегося картонного стаканчика кофе, стоящего рядом с клавиатурой.

— Ты богиня, — уже от одного аромата я рефлекторно чувствую себя полным сил. — У меня не было времени зайти и купить себе кофе. Твой ланч сегодня за мой счет.

Она поднимает блокнот с расписанием и показывает на запланированную встречу в двенадцать.

— Нет. Это у Алана Портера будет сегодня ланч за твой счет. Твой потенциальный новый клиент. Забыл?

Мои плечи опускаются.

— Точно.

Обхватив меня за плечи, она ведет меня к столу.

— Сегодняшний день забит под завязку, но, уверена, ты справишься, — плюхнувшись на свой стул, я наблюдаю, как она подходит к окну и поднимает жалюзи. — Приятного понедельника.

— глава третья —

Иви

— Иви, зайди ко мне на минутку.

Подняв голову, я успеваю заметить лишь тень Брэда, скрывшегося за моей дверью.

— Конечно, — отвечаю я в пустое пространство кабинета и встаю из-за стола.

Меня окружают телефонные звонки и звуки печатания на клавиатуре, когда я выхожу в коридор с серым ковровым покрытием. Наш офис представляет собой узкое и длинное пространство с маленькими кабинетами по периметру здания и с большими кабинетами руководства в обоих концах. Ассистенты не сидят снаружи кабинетов своих агентов, где было бы удобно к ним обратиться в случае необходимости. Нет, они — как и стажеры — сидят в центре офиса за стоящими кругом длинными столами, что было придумано ради создания единой рабочей атмосферы. И это якобы кажется командной работой, а не как брошенные без поддержки на произвол судьбы люди. По крайней мере, так считает *Брэд*. А для каждого, кому тут на самом деле приходится работать, все это один гигантский геморрой.

Мои отношения с Брэдом Кингманом всегда были несколько затруднительными. Хотя он и не был тогда со мной знаком, Брэд трудился в качестве агента на моей первой настоящей работе после колледжа — это было почти десять лет назад. Он не был приятным парнем и имел определенную репутацию из-за нечистоплотного ведения дел — включая переманивание клиентов. Пусть это и не противоречит закону, естественно, никем не поощряется. Он следил за актерами, которые только-только потерпели неудачу, и мог преспокойно наплести им, что их агент должен был взять часть вины на себя и что тот

недостаточно постарался, чтобы их защитить. Или, например, мог найти клиента, которого хотел представлять, и заявлялся к нему на съемочную площадку, объяснив это тем, что приехал к другому своему клиенту, после чего изображал удивление. Как это, *их* агенты ни разу не появлялись на съемках? Брэд мастерски сеял сомнения, после чего те возрастали и делали свое грязное дело. Он проворачивал это несколько раз на съемках фильма «Восстание», что, как ни странно, закончилось подписанием контракта с ведущим актеров меньше чем через два месяца после их окончания. И еще спустя месяц Брэд взял на себя руководство Features-отдела в «П&Д».

В то время как я так дела никогда не веду, я все же переняла у него — и никому не готова в этом признаться — пару фишек, самая важная из них следующая: не забывай ни на секунду, что когда выйдешь за порог дома в Голливуде, окажешься под прицелом неустанного внимания.

Только спустя год моей работы в «П&Д» Брэд понял, что до этого мы с ним работали в одном агентстве. Уверена, он знает, что я в курсе нескольких инсайдерских историй — или же поняла, как он проворачивает свои дела, — потому и хочет держать меня поблизости. Не в качестве доверенного лица или друга, а просто достаточно близко, чтобы держать под контролем.

— Заходи, — говорит мне его ассистент Кайли.

Кайли кажется умной и неплохо справляющейся со своей работой, плюс ко всему ей приходится иметь дело с Брэдом весь день. Каждый день. Ее терпимость ко всякого рода фигне просто безграничная.

Внешне Брэд Кингман удивительным образом выглядит как смесь Хью Джекмана и Кристофера Уокена. Хорошая кожа, ярко-голубые глаза и тяжелая кость. Сидя в своем кабинете, окруженный наградами и фотографиями знаменитостей и с окнами, откуда открывается потрясающий вид на голливудские холмы, он являет собой образец успешности.

Он тянется за скрепкой, и его сшитая на заказ рубашка плотно обхватывает грудь и плечи, которые вы можете себе создать, только проведя немало времени в тренажерном зале. На углу стола стоит стакан с зеленым смузи, и, несмотря на раздражение, что меня сюда притащили сюда, я внутренне улыбаюсь. Эта капуста жижка — его версия фастфуда; не удивительно, что он не заметил, что батончик был для собак.

— Садись, — говорит он, и, сев, я жду, в то время как он в течение нескольких минут пишет что-то в учетном журнале, после чего закрывает его и завязывает кожаным ремешком. Мог бы закончить, прежде чем звать меня.

— Послушай, девочка. Мне нужно, чтобы ты подключилась к командному духу.

Напоминаю себе мысленно досчитать до трех и только потом отвечать. *Командный дух* — это одна из самых нелюбимых мной идей Брэда. Идиотская и зачастую не к месту. Но когда он поднимает эту тему, способа не участвовать в командной ерунде, не выглядя при этом предателем, нет.

— Для чего? — я стараюсь держать нейтральное выражение лица.

— Я хочу, чтобы ты немного помогла Джону восстановить его список клиентов.

Какое-то время я ошарашенно молчу. Джон Файнман давно и успешно работает в Features.

— Брэд, но он начал тут работать раньше меня.

— Я в курсе, — Брэд откидывается на спинку кресла. — Но все знают, что в этом году он потерял двух крупных клиентов. А находясь сейчас в самом разгаре развода, он несколько

рассеян. Поддай ему пас. Хотя бы время от времени. Ну, знаешь, что-то о чем-то услышала, насчет чего-то есть предчувствие. Займи его делами. Работа соратника, понимаешь?

Занять его? Несколько лет назад Джону заплатили львиную долю шестизначной суммы комиссионных, которые я честно заработала, просто потому что звонок был перенаправлен на него, пока меня не было в офисе. Джон позвонил Кайли и поставил ее в известность, что мы нашли актера на проект, а она по ошибке начала готовить документы на него.

Он ее так и не поправил.

Когда я подняла шум, Брэд пришел к компромиссу — он *чуть-чуть* добавил мне к годовому бонусу и прочитал лекцию на тему командного духа. И да, Джон в прошлом году потерял двоих клиентов. Но потерял их, потому что он подлый козел, которого один клиент поймал за мерзкими сплетнями о другом, а вовсе не по причине *некоторой рассеянности*. Когда мне понадобилась пара выходных дней, чтобы помочь маме с реабилитацией папы после операции на колене, Брэд предложил мне просто отдать другим кое-кого из своих клиентов, чтобы не чувствовать себя «перенапряженной». Ему и в голову не пришло выделить мне кого-то в помощь, пусть я бы и не согласилась.

— Хорошо, я помогу, если ему это действительно нужно, — осторожно начинаю я, — но...

— Иви, — вздохнув, Брэд поднимается из-за стола и встает рядом с огромным окном. — Ты же знаешь, как я не люблю поднимать эту тему, но *тебе* была нужна командная поддержка, когда ты подвела со «Знаменательным днем».

Я застываю. Начинается.

«Знаменательный день» — один из самых больших кассовых провалов за последние десять лет, и я была агентом ведущего актера — и выбила для него огромный гонорар — контракт с которым открыл для проекта все дороги. А теперь вспомните «Водный мир» и «Джилли» и вы получите полную картину. Это было настолько плохо, что и фильм, и моего клиента засыпали «Золотой малиной», плюс для СМИ оба стали любимой темой для сплетен. Я даже слышала, как кто-то использовал название как метафору любого другого провального фильма.

Дамы и господа, встречайте: мое карьерное достояние.

Самое жуткое — что я была сокрушена еще до того, как все это развернулось в полную силу. У Альтермана я в последние два года была самым прибыльным агентом, а в «П&Д» до сих пор вхожу в лучшие двадцать процентов. Но из-за «Знаменательного дня» моя репутация — как и уверенность в себе — оказалась под мощным ударом. Не могу отделаться от ощущения, что это первое, о чем думают люди в этом бизнесе, когда знакомятся со мной.

А Брэд только рад количеству рычагов влияния на меня, которые дала эта история. Но, будучи хорошей подчиненной, я никогда не напоминала ему, сколько раз он сам говорил о потенциальном успехе того фильма и что он, по его словам, будто бы «Дархэмские быки» и «Мстители» вместе взятые.

Словно читая мои мысли, Брэд обходит стол и усаживается на его край.

— Плохие решения вроде «Знаменательного дня» могут погубить карьеру большинства агентов, не говоря уже о тех, кто еще себя не зарекомендовал. Но разве я позволил этому случиться? — спрашивает он и смотрит на меня взглядом, который сторонний наблюдатель сочтет искренней заботой.

Я сдерживаю рвущийся ехидный ответ, потому что он прав; Брэд *действительно* пришел мне на выручку. Заступился за меня, в то время как другие считали, что меня стоит

уволить. Зато не переставал мне об этом напоминать.

— Нет. Ты меня поддержал, — отвечаю я и не добавляю, что на тот момент я себя *более чем* зарекомендовала. Тогда я уже восемь лет работала агентом.

— Верно. Потому что твои неудачи — это *мои* неудачи. А твои победы... — он делает паузу.

— Это твои победы, — заканчиваю я.

— Умная девочка, — от этих двух слов меня пробирает пылающая ярость. Он снова садится за стол. — Держи меня в курсе, иди работай и закрой дверь с той стороны.

Разговор со мной окончен.

После последней встречи я вытащила Амелию и Дэрил поужинать в Café Med. На улице было не меньше двадцати градусов, когда мы сели в патио, но Дэрил сидела в огромном бежевом свитере и солнцезащитных очках, хотя солнце село час назад. Это Лос-Анджелес, детка.

Café Med — это крутой маленький ресторанчик на бульваре Сансет, что означает превосходный обзор. По тротуару на противоположной стороне идет женщина на восьмисантиметровой платформе и в шелковом кимоно. Из-за угла поворачивает машина с аэрографией пустыни на заднем стекле. Мы предпочли бы увидеть какую-нибудь знаменитость, но нашим взглядам предстает мужчина в балетной пачке с детской коляской, наполненной алюминиевыми банками.

— Слышала, ты сегодня разговаривала с Брэдом, — говорит Амелия, а потом с широкой улыбкой добавляет: — Уверена, было весело!

— Он всегда так по-мудачки себя ведет с тобой, — замечает Дэрил.

— Не знаю, — уклончиво отвечаю я. — Думаю, у него есть версии мудаковатости для каждого. Он умный. И знает, у кого и где большие мозоли.

Мы поворачиваемся и смотрим, как Стеф обходит хостес и с улыбкой быстро идет к нам.

— Простите, что опоздала, — она вешает сумку на спинку пустого стула рядом с Дэрил и садится. — Самая длинная встреча с клиентом на свете.

— А мы еще не заказали, — я протягиваю ей меню. — Но вино уже в пути.

— И ангелы поют «Аллилуйя», — бормочет Стеф и выбирает блюдо.

— Как пятничный вечер? Понравился? — спрашивает Дэрил.

— Мне да, — искренне отвечаю я.

— Это означает, что я прощена за свое отсутствие? — интересуется она.

Стеф энергично кивает, но я кидаю кусочек хлеба в рот и, склонив голову набок, задумчиво жую.

— Еще не решила.

Дэрил демонстративно хватается за сердце.

Открыв было рот, чтобы рассказать им обоим про вечеринку, я внезапно понимаю, что если Стеф и Майку по двадцать семь лет, а Картер их ровесник, то... Картер младше меня на шесть лет.

На *шесть лет*.

Словно прочитав мои мысли, Стеф кладет меню на стол и говорит:

— Ты очень понравилась Картеру.

Сама не понимаю, почему про разницу в возрасте до меня не дошло еще на вечеринке, но сейчас это кажется решающим фактором «против». Я никогда не встречалась с парнем значительно моложе себя. А разница между тридцатью тремя и двадцатью семью действительно значительная. Конечно же, на свидание еще никто не идет, но если я отправлю ему сообщение или, например, пофантазирую о нем без одежды... Не сделает ли меня эта разница в шесть лет престарелой любительницей молоденьких мальчиков?

Поблагодарив поставившего передо мной бокал вина официанта, я поворачиваюсь к Стеф.

— Ой-й-й, Стеф. До меня только сейчас дошло, что он твой ровесник.

— А кто такой Картер? — спрашивает Амелия. — Что-то не припомню это имя.

— Он друг Майка и Стеф, — отвечаю я и делаю глоток вина. — Он забавный. Кстати, Дэрил может быть с ним знакома. Он из TV-lit, работает в «СТМ».

— Картер Аарон? Я с ним не работала, но говорят, он хорош.

— Еще как, — говорит Стеф, а потом смотрит на меня. — Ты назвала его «забавным»? Да он обжигающе горяч, Иви. Картер очень привлекательный, умный и действительно хороший парень, который вполне может оказаться достаточно хорошим для тебя.

Я решаю не заострять внимание на том, что я якобы чересчур придирчивая.

— И слишком *молод*, — добавляю я. — Этот факт ты почему-то забыла упомянуть.

— Ему двадцать восемь!

— *Пф-ф*, — что ж, выходит, я всего на пять лет старше. — Да я уже в школу ходила, когда он только родился.

— В *детский сад*, — поправляет меня Стеф.

— И эта разница в возрасте ощущается важной, — я вспоминаю себя в двадцать восемь. Наблюдать за моими сверстниками-парнями тогда было все равно что смотреть на кукол-маппетов, поселившихся в телах взрослых вроде бы людей и пытающихся оттуда ориентироваться в пространстве.

— Ну, на восточном побережье мальчики взрослеют быстрее, — рассуждает Стеф.

Мы с Амелией обмениваемся скептическими взглядами.

— Для всех, кому уже тридцать лет, двадцать восемь — это какой-то ненастоящий возраст, — говорит она.

Я киваю.

— А мне *уже* три года как тридцать.

— Это всего лишь означает твой сексуальный расцвет, — нараспев говорит Дэрил. — Да ладно тебе, поживи полной жизнью хоть немного, — потанцевав сидя на стуле и хитро глядя при этом в мою сторону, она добавляет: — Парень... да еще и моложе.

Я издаю стон.

— Если честно, Иви, — говорит Стеф, — у меня такое чувство, будто ты постоянно ищешь причины, чтобы ни с кем не встречаться, — ее слова эхом отзываются в моей голове, даже когда она продолжает: — *Тебе* с ним понравилось. Ему с тобой тоже. Почему бы тогда ему не позвонить?

— Я не ищу причины, чтобы ни с кем не встречаться, — немного обидевшись, хмуро замечаю я.

— Вообще-то, — встревает Дэрил, — ищешь и находишь. Ты придирчивая до невозможности.

Я бросаю на Дэрил подозрительный взгляд.

— Сказала *одинокая* девушка.

— Так, ладно, — подняв руку, говорит Амелия. — Я все понимаю, когда ты говоришь про возраст, но пять лет — это *немного*. Стала бы ты сомневаться насчет свидания с парнем на пять лет старше?

— Ты слишком, умная, Амелия, — бормочу я.

Она смеется.

— Я считаю, ты должна ему позвонить.

— А ты слышала, как я говорила, что он агент? Агент, который при этом младше.

Амелия морщится.

— Кстати, — Дэрил наконец снимает солнцезащитные очки. — Ты так и не рассказала, о чем с тобой хотел поговорить Брэд.

— Он хочет, чтобы я помогла Джону Файнману и заняла его работой, — смеюсь я. — В какой вселенной так бывает? Джон показывал мне офис, когда я начала работать в «П&Д».

Посмотрев по сторонам, чтобы убедиться, что рядом нет никого из знакомых, я снова поворачиваюсь к девочкам.

— Знаете, да, когда кто-нибудь что-нибудь замышляет, то он подозревает в том же всех остальных? Вот в последнее время у меня такое же чувство по отношению к Брэду.

— Ага, типа когда один изменяет и думает, что ему изменяет вторая половина, — кивая, говорит Дэрил.

— Наверное, так, — я пожимаю плечами. — Но что-то явно происходит.

— Я знаю, что за последнее время в его кабинет было направлено много отчетов о прибылях, — добавляет Амелия. — Не понимаю, что это означает, но это достаточно странный факт, чтобы девочки из финансового сбились с ног.

— Почему меня все это беспокоит? — задаю я сама себе вопрос и беру бокал. — Просто я не доверяю Брэду.

— Слушай, вот именно поэтому тебе и стоит позвонить Картеру, — говорит Стеф. — Снять стресс оргазмами.

Мои подруги те еще помощнички.

— **глава четвертая** —

Картер

МК и я — единственные люди, которые счастливы, что я сейчас живу в Лос-Анджелесе. Моему брату, понятное дело, все равно, а вот родители... что ж, даже спустя два года они продолжают протестовать столь же яростно. Джоне в Малибу жить нормально, потому что Джона молод, идет вслед за своей мечтой и с ним не случится ничего плохого. Но Картер, живущий в Беверли Хиллз... Это *страх и ужас*.

В понедельник вечером я звоню родителям, чтобы подтвердить, что я не умер и не валяюсь в канаве.

— Ну ладно, — говорит папа. — Но тебе стоит почаще видаться с братом. Ему одиноко.

— Это Джоне-то? — со смехом переспрашиваю я и переворачиваю сыр на гриль-сковороде. — Поверь мне, он совершенно не одинок.

— Повидайся с ним, — встревает мама. — Он ведь живет совсем рядом.

— Мам, он в Малибу. Это где-то в часе езды.

Папа недоверчиво покашливает.

— Бруклин от нас тоже в часе езды, но мы видимся с твоими тетушками каждые выходные, а ты знаешь, что у них творится в Бруклине? Картер, у них деревья наряжены в *свитера*. Однажды я увидел, как кто-то выгуливал чертового павлина. А когда зашел выпить кофе, странное хипстерское место оказалось по совместительству магазином, где продают пряжу. Кофе и пряжа. Кому в голову придет соединить это вместе?

— Хорошо, я вписываю тебя в колонку тех, кто не приедет в Лос-Анджелес на День благодарения, — говорю я и кладу сэндвич на тарелку. В Лос-Анджелесе случаются вещи куда более странные, чем кофе+пряжа.

Повисает тяжелая и многозначительная пауза, прежде чем вновь заговаривает мама.

— Джона сказал, что ты ночуешь у Майкла Кристофера, потому что тебе негде жить.

Я потираю виски. Вот трепло.

— Джона вечно врет.

— Как некрасиво, — ругает меня она. — Еще он сказал, что ты познакомился с девушкой.

Откусив кусок сэндвича, я не спеша жую, чтобы дать себе время и подавить растущее раздражение на брата.

— Она подруга друзей, мам. Я познакомился с ней на вечеринке.

— Ты познакомился с женщиной на *вечеринке*? — переспрашивает она.

— На костюмированной вечеринке, не на пьянке, — отвечаю я. — Она дружит с Майклом и Стеф, так что она не голливудская «мадам».

— И ты сделал это предположение, просто потому что она нравится *Майклу*? — спрашивает мама.

Меня это смешит.

— Мы провели вместе три часа. Ничего такого. И уверяю тебя — с ней все нормально.

— Она живет в *Лос-Анджелесе*, Картер, — недовольно ворчит мама. — Ничего нормального тут для меня нет. И я не понимаю, почему ты не мог найти кого-нибудь здесь. У нее, наверное, фальшивая грудь и это... Ну, то... Гадость, которую колют себе в лоб.

— Ботокс? — подсказываю я.

— Да. *Оно*.

— Так, ладно, давай успокоимся, — говорю я. — Джона живет в Лос-Анджелесе, но я не припомню, чтобы ты с ним носилась как курица с яйцом.

— Во-первых, следи за языком. А во-вторых, я редко вижу твоего брата, так что не используй его в качестве наглядного примера, — она глубоко вздыхает. — Джона всегда был мечтателем. А ты ответственным. Позвони ему.

— Хорошо, мам. Скорее всего, потребуется время, чтобы состыковать наши расписания, но я позвоню ему.

— Узнаю своего милого мальчика.

В нашем бизнесе в течение недели не слышать от кого-нибудь новостей нормальное дело. Все мы заняты, столы завалены пачками сценариев, книг и аудиозаписей на прослушивание; ждут письма для ответа и списки номеров для перезвона. Последние ранжируются и выстраиваются в очередь.

Так что неделя — это ерунда.

Я мягко напоминаю об этом клиентам практически каждый день. И что отсутствие новостей — это уже сама по себе хорошая новость. Это означает, что клиент не получил отказ.

Но когда на кону твои мечты, время ощущается совершенно иначе, и даже самый терпеливый человек может перестать таким быть.

«Неужели они уже не поняли, нравится ли им то, что я прислал?»

«Может, это от меня ждут звонка?»

Про терпение проще говорить, нежели практиковать. Уж я-то знаю, потому что несмотря на то, что сказал Майклу Кристоферу про нежелание вовлекаться во что бы то ни было с Иви, перестать о ней думать я не могу. К полудню четверга от отсутствия от нее вестей я превратился в психованное нечто.

Я вспоминаю свои слова, которые сказал, пока мы обменивались с ней телефонами: *«Я помню, о чем мы договорились насчет свиданий с кем-нибудь из этого бизнеса, но я был бы не против злючных друзей. Мяч сейчас на твоём поле, так что если тебе захочется перемыслить косточки нашим боссам и коллегам или просто посидеть и поплести мировой заговор без романтических ожиданий, ты знаешь, к кому обратиться».*

Она тогда рассмеялась, взъерошила мне волосы, задержавшись в них рукой чуть дольше, чем предполагали платонические отношения, и ушла.

Может, мне стоило вместо этого сказать: *«Ты мне очень нравишься. Давай обменяемся телефонами, чтобы запланировать увидеться в следующий раз без одежды»?*

Звонит мой телефон, и, подпрыгнув, я хватаю его со стопки файлов.

— Алло? — затаив дыхание, говорю я.

— Здорово, — приветствует Майкл Кристофер. — Как денек?

Я встаю, обхожу стол и ногой захлопываю дверь кабинета.

— Хорошо. Она не звонила, на случай если ты *опять* хочешь поинтересоваться.

Он делает паузу.

— А ты нацепил тот галстук в пятницу?

Плюхнувшись на свой стул, я улыбаюсь.

— Это ты про который?

— Сам знаешь. Под названием «Преступление против человечества».

Опустив взгляд вниз, я приглаживаю тот самый галстук, о котором речь. А он неплохо меня знает.

— Да, — отвечаю я. — Этот галстук приносит удачу. А в качестве бонуса я в нем похож на Гарри Поттера.

Он издает стон.

— Ты и сегодня его напялил, да? Тогда дело плохо, Картер.

— Иви не звонит не из-за *галстука*.

— Слушай, Стеф приходится меня уговаривать не надевать спортивные штаны на ужины с друзьями, так что от меня камней в твой огород не поступит. Но даже я — неопрятная скотина — понимаю, что эту вещь давно пора похоронить с почестями. Я чувствую себя визуально оскорбленным, когда на тебе этот чертов галстук.

— Может, снизишь уровень драматизма? — потянувшись к стоящей рядом с монитором коробке со скрепками, я беру одну и задумчиво начинаю ее разгибать.

— Я не говорю, что это галстук виноват, — продолжает Майкл. — Просто намекаю, что не стоит носить то, что ты надевал, когда пытался победить в математической олимпиаде на

втором курсе, Картер.

— Когда *победил* в математической олимпиаде, — поправляю я его, бросаю скрепку в направлении мусорной корзины и победно вскидываю руку, когда та попадает точно в цель. — Победил, а не просто «пытался». И к твоему сведению, на мне был этот же галстук во время собеседования по поводу стипендии. И когда прошел SAT [Академический Оценочный Тест — прим. перев.]. И в тот вечер, когда на первом курсе мне улыбнулась удача с Самантой Ригби. Со временем мощь артефактов только увеличивается. И мой галстук — один из них.

— Других таких суеверных еще поискать, — замечает он.

— Я сложный человек, — отвечаю я. — Но что-то ты слишком беспокоишься за меня. Ты действительно звонишь, чтобы поклевать мне мозги?

— Это дополнительное удовольствие. Просто сижу на работе, строю планы со Стеф на уик-энд и понимаю, что прошла неделя, а мы так и не назначили двойное свидание. И вот тогда мне на ум пришел галстук...

Я стучу карандашом по костяшкам ладони.

— Майкл.

— Да я просто стебусь. Ты мой самый лучший третий лишний.

— Очень смешно, — тут телефон вибрирует от пришедшего сообщения. С момента нашего последнего разговора мама звонила мне еще два раза — уверен, чтобы спросить, поговорил ли я с Джоной — но я ей еще не перезванивал. Это плохо, я и сам знаю, и если это она мне сейчас пишет, в моем распоряжении есть два варианта: собрать всю свою мужественность в кулак и все-таки позвонить брату или же во время следующего приезда придется учиться самому готовить лазанью. Чего *совершенно* бы не хотелось, потому что моя мама готовит лучше всех на свете.

Убрав от уха телефон, я вижу, что на экране высветился не мамин номер. Это Иви, и за это время она уже успела мне отправить несколько смс.

— Я тебе перезвоню, — говорю я Майклу и тут же отключаюсь.

«Привет, незнакомец».

«Особых подробностей не надо, но ты знаешь агента Эльзу Типпетт?»

«Она была здесь на собеседовании».

«Сегодня мы с ней встречаемся, а Стеф упомянула, что ты с ней работал».

«Ага, я работал с ней у Брэдфорда».

«Она хорошая».

«И привет!»

Проходит несколько минут, и мне интересно, напишет ли она что-нибудь еще.

У Брэдфорда Эльза работала четыре года, три из которых со мной плечом к плечу, прежде чем я переехал в Лос-Анджелес. Кое-кто из мерзких мужиков называл ее Коллекционершей за ее склонность спать чуть ли не со всеми в офисе. Для справки: я с Эльзой не спал и так ее не обзывал. Но от мысли, что Эльза обсуждает меня с Иви, я ощущаю легкую тошноту.

Я возвращаюсь к лежащему у меня на столе сценарию. Какое-то время читаю. Потом проверяю пришедшие сообщения. Ничего. Проходит еще минута. Я на середине страницы и не понимаю, о чем тут вообще написано. Снова смотрю на телефон.

Может, стоило побольше рассказать об Эльзе? Или о чем-нибудь еще?

Наверное, да.

Может, пригласить ее поужинать? *Думай, Картер.*

Мой телефон жужжит снова.

«В ее подтверждающем встречу письме она упомянула твое имя...»

«Судя по всему, у нее есть несколько историй об Картере Аароне».

«О боже».

«Заинтригована».

«У меня нет никаких историй об Эльзе».

«А вот какие-нибудь еще...»

«Мне пора».

«Отпишусь попозже».

В течение следующего часа от Иви ничего нет, и к моменту, когда я уже забыл о переписке, ее имя высветилось на экране телефона.

«Ну ничего себе. Эльза тебя ОБОЖАЕТ».

«Ну ничего себе».

«Это как лицезреть вживую письма из «Пентхауса».

«Она начала у нас работать через год после меня».

«И, видимо, она... знает кого-кого из мужчин там».

«Но я не один из них».

«Э-э-э, меня слегка подташнивает от мысли, какие байки она сейчас рассказывает».

Проходит пять минут. Десять. Ничего. Блин.

«Злючка, ты тут?»

После двухчасового просмотра телевизора я наконец получаю ответ.

«Все, встреча закончилась».

«И да, ее истории несколько переоценены».

«Злючка, значит? Ржу».

«Я же говорил».

«Это все автокоррекция».

«Будто мой телефон знает, как на самом деле надо».

«А я-то понадеялась на грязное бельишко».

«Но мы выяснили, что ты милый, сексуальный и ответственный».

«Бгг».

«Хочу отдельно отметить, что ты назвала меня сексуальным».

«Как насчет поужинать на следующей неделе?»

«Да. Давай».

И, естественно, я тут же пишу Майклу Кристоферу.

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ СЧАСТЛИВЫЙ ГАЛСТУК!»

«Нет».

«Да».

«НЕТ!»

«ДА!»

«Мы пойдем ужинать».

«О ДАААААААААААААА».

«Ору и бегаю без штанов!»

«О НEEEEEEEEEEЕТ».

— глава пятая —

Иви

— Нервничаешь?

Лежа на спине на тренажере для ног, я смотрю на Дэрил.

— Из-за чего? — пугаюсь я. — Ты добавила веса? — она не мигая смотрит на меня, а потом, преувеличенно вздохнув, оглядывает зал. — А-а. Из-за Картера?

— Да, из-за Картера, — ворчливо отвечает она. — Поверить не могу, что ты втянула меня в эту мыльную оперу. Моя социальная жизнь обычно напоминает Сахару, а твои сообщения помню наизусть. Что я творю со своей жизнью?

— Извини, я стараюсь не думать обо всем этом, — говорю я. — Или же притвориться, будто просто встречаюсь с давним коллегой, так что ничего особенного.

— Мне до сих пор не верится, что ты пригласила его на свидание, — Дэрил делает глоток воды из бутылки. — Обычно ты не изменяешь своим принципам. Делаю вывод, что собираешься с ним переспать.

Я зажимаю себе уши. Не поймите меня неправильно. Я действительно хочу с ним переспать, но пока всю прошедшую неделю мы с Картером переписывались, с каждым полученным сообщением он *нравился* мне все больше и больше. Вот поэтому мои нервы и на пределе. Легко флиртовать через смс. Когда есть время придумать остроумный ответ, облажаться почти нереально. А вот при личной встрече шансы сильно увеличиваются, верно?

Как бы я ни старалась не думать в таком ключе, тяжело удержаться от цинизма. Как и любая другая одинокая женщина моего возраста, я прочесала все места от бара до книжного магазина; у меня было немало провального секса на одну ночь; плюс успела попробовать свою удачу на сайтах знакомств. И лично я предпочла бы умереть одинокой в окружении кошек в одинаковых милых свитерочках, нежели пройти через все это снова.

Я старалась игнорировать прессинг общества, твердившего мне обзавестись парой, но об этом говорят повсюду. Практически во всех фильмах, книгах и песнях на первый план выходит романтическая история. А еще у меня есть биологические часы, продолжающие настойчиво тикать. Моим родителям — я их поздний ребенок — почти семьдесят. Они давно на пенсии и, закончив свою карьеру в Голливуде, сейчас занимаются садом и своей ши-тцу. И постоянно спрашивают меня про мою личную жизнь.

Нет, конечно, есть еще придирчивый внутренний голос, заявляющий, что меня все это не должно волновать и что, может, уже пора сдать и купить кошек. Вот только проблема в том, что я их не люблю. У меня и так есть все шансы однажды стать плохой женой, кошатница же из меня получится в разы хуже.

— Иви?

— Извини, — со вздохом отвечаю я и толкаю вес вверх, выпрямляя ноги. — Просто размышляла, можно ли стать чокнутой кошатницей, не заводя при этом ни одного животного.

— Не говори глупостей, — говорит Дэрил. Помогая мне встать, она напоминает: — Это

всего лишь свидание. Если дело закончится постелью, завтра ты поведаешь мне все самые развратные подробности. А если все сложится хреново, поедешь домой, а потом мы составим план, как поженимся, покончив со всеми этими свиданиями, а заодно получим налоговые льготы.

— Будет здорово, — я восстанавливаю дыхание и смотрю, как Дэрил занимает мое место на тренажере. — Слушай, а как твой новый ассистент?

Громко хохотнув, Дэрил поворачивается ко мне, пока делает упражнение.

— Эрик? Скажем так, его работу скорее выполняю я, нежели он.

— О нет.

Среди всех творящихся на работе странностей вишенкой на торте стало назначение для Дэрил нового ассистента: племянника Брэда Кингмана. Недавно получивший травму во время игры в университетской сборной UCLA, Эрик Кингман был квотербеком великолепным, 1,90 м ростом и не особо блестящим умом. У него ушло два дня, чтобы осознать, что когда люди звонят на телефон, стоящий на его столе, и просят Дэрил, они как бы не ошиблись номером.

Я еле заметно улыбаюсь.

— То есть лучше не стало?

— Я бы так не сказала, — она садится, а потом, пожав плечами, встает. — У него дома сушилка пересушивает белье, и все его рубашки немного сели. Так что за последнее время вид из двери моего кабинета значительно улучшился.

Улыбнувшись, я вместе с ней направляюсь к беговым дорожкам. Моя помощница Джесс — это настоящий дар небес, и я готова укокошить любого, кто посмеет на нее посягнуть.

— Секси он или нет, я бы на это не купилась.

Дэрил пожимает плечами.

— Он милый и смешной, но грядет набор новых сценаристов для будущего сезона, и спалю дотла все здание, если он не научится отвечать на чертовы письма.

Уверена, Дэрил справится — она всегда делает больше, чем от нее ждут, а еще она очень красивая и в достаточной мере очаровательная, чтобы какое угодно агентство старалось ее удержать.

— Ты всегда так здорово со всем управляешься, Иви, — говорит она. — Со стрессом и всякими небезызвестными личностями, — надув щеки, Дэрил делает долгий выдох. — Эрик, наверное, не удержит в памяти все то, о чем я ему говорила на этой неделе. Надеюсь, что Брэд рано или поздно поймет, что парнишка для этой работы совершенно не годен.

А я надеюсь, что в ошибках Эрика не станут обвинять Дэрил. Потому что это правда — запомнить нужно миллион мелочей, и можно головой поехать, прежде чем пройдешься по всему списку. К тому же организация работы в «П&Д» — это форменный идиотизм. И состоит из мелких, невероятно раздражающих и нелепых придиорок.

Типа нежелания юридического отдела читать электронные письма и контракты, если они не написаны одним-двумя специально оговоренными шрифтами.

Или странной — и излишне драматичной — брезгливости Джона Файнмана по отношению к сценариям, где фигурирует персонаж по имени Мария.

Или взять тот факт, что однажды Брэд мгновенно уволил помощницу, чьи каблуки стучали по мраморному полу слишком громко.

Работать агентом — значит держать фокус на очень многом: в необходимой степени поглаживать чужие эго, координировать проекты, управлять ожиданиями и, прежде всего,

приносить прибыль, — но что мы сюда никогда не вкладываем, — это свои чувства.

Мы с Дэрил погружаемся каждая в свои мысли, а когда я надеваю наушники, меня осеняет. Возможно, одна из причин, почему я не в отношениях, это что я и живу именно так: исходя из посыла не вкладываться эмоционально.

Мы с Картером договорились встретиться в Eveleigh, в ресторане в рустикальном стиле на бульваре Сансет в Западном Голливуде. Он расположен как раз между нашими офисами, чтобы сразу после работы мы могли приехать напрямик сюда. И хотя в нашей переписке флирта стало появляться все больше, я пожалела, что поздновато догадалась о том, что ужин будет больше похож на встречу коллег, поскольку по мне более чем заметно: я точно не приехала прямо с работы. Не выгляжу ли я готовой на все? А имеющей слишком много запросов? Я уже придумала подходящее объяснение, с чего это вдруг нарядилась на работу в черное без бретелей платье и золотистые босоножки, но когда протягиваю ключи парковщику и оглядываю зал под украшенным винной лозой тентом, то вижу Картера — в свежей рубашке и отутюженных брюках. Он выглядит слишком безупречно; уверена, он тоже не прямо с работы.

С момента последней нашей встречи я как-то умудрилась убедить себя, что он ну никак не может быть таким симпатичным, как мне запомнилось. Что тоже было бы хорошо, потому что он мне интересен как человек. Но нет, Картер *очень* даже симпатичный и выглядит еще лучше, чем мне нарисовала память — с темными взъерошенными волосами, резко очерченной челюстью и мягким и серьезным взглядом за стеклами очков. А когда он улыбается, его харизма буквально разливается по залу, выплескиваясь на улицу.

— Привет, Злючка, — подойдя ко мне, говорит он.

Обнять его совершенно не ощущается чем-то неуместным.

Он обнимает меня в ответ, и меня бросает в дрожь, когда я чувствую его твердое тело всем своим.

— Рад тебя видеть.

Только без грязных мыслей. Только без грязных мыслей.

— Я тебя тоже, — отвечаю я.

Объятие не прекращается, словно мы давние друзья, встретившиеся после долгой разлуки. И это не ощущается странно — просто комфортно, как и все наше с ним общение.

Я знаю, что отношения — это работа. Мама говорит мне об этом постоянно — как и о балансе, необходимом, чтобы соединить жизни двоих в одну. Но меня не оставляла в покое мысль, что поначалу они не должны быть работой. Много позже — да. Я понимаю, что по окончании медового месяца стоит приложить ряд усилий, особенно когда приходится признаться самой себе, что оставленные на диване носки и шумное хлюпанье молоком в миске с мюсли действительно раздражают. Но в самом начале должно быть ощущение легкости и естественности.

Такое сильное влечение я не чувствовала никогда и ни к кому; Картер здесь исключение. От близости к нему все тело словно вибрирует, и я не перестаю улыбаться. От него так приятно пахнет, и обнимает он меня так крепко. Сжав сильнее напоследок, Картер меня отпускает.

Выпрямившись, он оглядывает мое лицо.

— Кажется, я забыл, какая ты красивая.

— Я тоже.

Минуточку. Что это я несу?

— Ой-ой, — со смехом говорит он. — А мне нравится, что ты считаешь меня красивым.

Сплетя наши пальцы, он ведет меня к стойке хостес. Его рука большая и надежная — так плотно обхватывает мою — от чего я не могу перестать фокусироваться на своих ощущениях. Все-таки это не обычная встреча с коллегой.

Держаться за руки — самый простой способ обозначить близость и влечение, но ощущения моей ладони в руке Картера никак нельзя назвать простыми.

Говорят, на кончиках пальцев у нас больше нервных окончаний, чем на губах, и пока мы идем через зал к нашему столику, честное слово, я чувствую каждый миллиметр контакта между нами.

А когда он отпускает мою руку, чтобы мы сели, становится холодно всему моему телу.

Он сглатывает, и я замороженно смотрю на его шею, слежу за движением его адамово яблока и за тем, как медленно приподнимаются уголки его губ.

— Ты молчишь, — говорит Картер.

— Я очень рада быть здесь, — отвечаю я. Такая подчеркнутая вежливость мне совершенно не свойственна, но ничего не могу с собой поделать. Видимо, по дороге от входа к столику что-то произошло с моей манерой говорить.

— Я тоже, — соглашается он и поворачивается к подошедшему официанту, который, рассказав нам о специальных блюдах, принял заказ на напитки.

— Я буду «Ред Булл» с водкой, — заявляет Картер, и я фыркаю. Еле заметно удивившись, официант тем не менее начинает записывать, но Картер тут же его останавливает. — Вообще-то, нет. Извините. Я пошутил. Этакая шутка только для своих. Дурацкая, м-да. Я буду IPA [крафтовое пиво — прим. перев], какой у вас есть.

Без тени улыбки официант уточняет:

— «Стоун» или «Лагунитас»?

— «Лагунитас», — отвечает Картер и кончиком языка проводит по нижней губе.

Я не могу отвести от него взгляд.

Официант поворачивается ко мне.

— Бокал «Престон Барбера».

Когда официант уходит, Картер опирается локтем на стол.

— Твои плечи.

— Я... Что?

Он кивком показывает на мое платье.

— Я про платье. И плечи, — откашлявшись, он тихо добавляет: — Ты выглядишь... просто потрясающе.

— Спасибо, — шепотом отвечаю я и делаю большой глоток ледяной воды, чтобы остудить разгоряченные мозги. — Есть свежие новости из Картер-ленда?

В ответ на смену темы он ухмыляется.

— Работаю. Игнорирую звонки родителей. Переписываюсь с одним симпатичным агентом. В общем, сама знаешь.

Я краснею и снова выбираю нейтральную тему.

— Игнорируешь звонки родителей?

— Они хотят, чтобы я прилагал больше усилий в отношениях с братом, но на самом деле так проявляется их нескончаемое недовольство моим переездом сюда.

— Ох.

Но он отмахивается.

— Мама уверена, что я закончу свои дни бомжом, покупающим метамфетамин у парня, живущего в коробке на свалке где-нибудь в Скид Роу. Я пытался сказать, что в доме, где я живу, есть швейцар, а где находится Скид Роу даже понятия не имею, но ее не переубедить.

Официант приносит нам напитки и хлеб и достает блокнот, чтобы записать заказ.

— Мои родители сейчас живут в Бёрбанке, — как только мы снова остаемся одни, говорю я, — поэтому я вижусь с ними несколько раз в месяц, но вполне могу себе представить, как беспокоилась бы мама, живи я на другом конце страны.

— Да, но мой брат переехал сюда в свои восемнадцать, и тогда никаких истерик не последовало.

Я отламываю кусочек хлеба.

— Кажется, я ничего про это не знаю.

— Джона, — отхлебнув пива, говорит он, — просто взял камеру, немного одежды и уехал. В один из первых своих уик-эндов попал на вечеринку и сделал несколько фото, которые появились в Rolling Stone,

— Да ладно.

— Ага. Потом был Elle, потом People. Родители решили, что в одно генеалогическое дерево дважды молния не ударит, а значит я обречен на провал.

Я хотела ответить, что все родители всегда будут беспокоиться за своих детей, и если есть место, где количество провалов зашкаливает, — то это как раз Голливуд, но тут до меня доходит, о ком именно он говорил.

— Погоди-ка, твой брат — Джона Аарон?

— Ну... да, — его глаза округляются, а рука с кусочком хлеба замирает на полпути ко рту. — Пожалуйста, только не говори, что ты с ним спала.

Кашлянув, я смеюсь.

— Нет. Но почему-то мне думается, что моя подруга Амелия — да, — сделав глоток вина, я начинаю вспоминать. — Кажется, они познакомились на вечеринке Vanity Fair или где-то еще.

Картер отвечает мне печальной полуулыбкой.

— Наверное, мне стоит найти ее и извиниться от имени всей своей семьи, — когда я снова смеюсь, он понимает, что сейчас сказал. — То есть нет, — поправляется он, нахмутив брови. — Секс с мужчинами из семьи Аарон первоклассный. Лучший в жизни любой женщины. Я просто не мог не пояснить... Теперь давай дальше. Как дела на работе?

Когда из меня снова вырывается хохот, я прижимаю салфетку к губам.

— Очень хорошо. Формирую пакет наших услуг — кажется, он довольно объемный, — в Картере есть что-то такое, отчего мое инстинктивное желание держать информацию о своих делах при себе тает, и я еле сдерживаю себя от того, чтобы не разболтать все детали.

Но если он и заметил, что я чуть было не потеряла контроль, то вежливо не стал подавать виду, а только постучал по столу.

— Ты суеверный? — интересуюсь я, но он воздерживается от ответа, когда к нам подходит официант с едой.

Запив кусок стейка пивом, Картер ставит стакан на стол.

— Отвечая на твой вопрос: я бы никогда не назвал себя суеверным, потому что это к неудаче. Поэтому скажу, что это просто одна из не самых привлекательных моих черт.

Усмехнувшись, я накалываю на вилку брокколи.

— В основном, я считаю это своим закидоном, — говорит он. — У меня есть счастливый галстук. Постучать по дереву — в числе любимых. Бросаю рассыпавшуюся соль через левое плечо. И все знают, что я часто желаю всем удачи и не беру трубку до второго звонка.

— Такие очаровательные пунктики, — говорю я.

— А ты чем можешь похвастаться?

— Уверена, друзья про меня скажут, что закидонов у меня пруд пруди.

Картер откидывается на спинку стула и жестом просит продолжить.

— Свою способность запоминать сюжеты фильмов я уже успела продемонстрировать.

— Не знаю, идет ли это в зачет — учитывая специфику твоей работы. Давай что-нибудь позакидонистей, Злючка.

Я улыбаюсь.

— Я не ем в буфетах — и это проблема, потому что на большинстве мероприятий шведский стол. Обычно смотрю на ни в чем не повинную ложку и все, о чем могу думать, — это как много немытых рук ее хватали. Всегда смотрю двадцатичетырехчасовой марафон Рождественских историй и помешана на кремах для рук. Люблю, когда хорошо смазано.

Он замирает с вилкой у рта.

— Ты же сейчас не о том, что пронеслось у меня в голове, да?

Я легонько пинаю его под столом, но он ловит мою ногу и удерживает ее между своих ступней.

— Когда я говорю по телефону или просто сижу за рабочим столом и что-нибудь обдумываю, то всегда, совершенно не задумываясь, хватаюсь за тюбик. И чем дольше длится звонок, тем больше крема я намазываю. А под конец даже трубку в руках не могу удержать.

— Вот это уже годится, — потирая ладони, говорит Картер. — Давай я поделюсь с тобой еще одним фактом, чтобы ты не чувствовала себя в перевесе со своей боязнью микробов и кремами для рук. Без утреннего кофе я даже дышать не могу. Знаю, так многие говорят, но в моем случае это почти заболевание. Без него я не раз чистил зубы кремом для бритья, а однажды опорожнил мочевой пузырь в горшок с маминой любимой пальмой.

— На твоём месте я бы не стала делиться последним эпизодом, — шепотом отвечаю я.

Вытерев рот, Картер кладет салфетку перед собой.

— У тебя очень хулиганистая улыбочка, Злючка.

— У меня? — я показываю на себя. — Видел бы ты свою.

Он подается вперед.

— Это потому что мне нравится быть с тобой. Такое же будоражащее чувство меня охватывает, когда я вижу твит кого-нибудь из клиентов без единой грамматической ошибки.

Это ужасно смешно, потому что я прекрасно понимаю, о чем он говорит.

— Будоражит, согласна.

Втянув нижнюю губу в рот, он внимательно смотрит на меня.

Не могу припомнить, чтобы в нашу первую встречу Картер был так невероятно сексуален. Может, потому что тогда мои плечи были закрыты или мы оба были по-детски одеты, но сейчас он безмерно горяч.

Попивая пиво, Картер смотрит на улицу. В этом районе всегда оживленно, но поскольку сегодня не так жарко, то улица полна людей, праздно шатающихся или идущих по делам.

— Здесь так тепло осенью, — снова поднеся стакан к губам, замечает он. Глядя, как он

сглатывает, я ощущаю тяжелое беспокойство, потому что — черт! — он мне нравится. — Не перестая удивляться.

Очень нравится.

— Здешнее лето всегда позднее, — говорю я. — Июнь с июлем очень приятные. А настоящая жара начинается в августе и длится до октября.

Картер поворачивается ко мне и улыбается.

— Интересно, я когда-нибудь привыкну?

— Трудно было принять решение уехать из Нью-Йорка?

Он качает головой.

— Не очень. Я думал об этом несколько лет, но все не решался, потому что казалось, будто это территория Джоны.

— Понимаю.

— Но когда карьера пошла в гору, Лос-Анджелес стал очевидным следующим шагом, — он крутит вилку, рассеянно глядя на нее. — В Нью-Йорке не так много агентов по поиску талантов — театральная сфера, конечно, огромна, но... не знаю... — Картер делает глубокий вдох и, кажется, о чем-то размышляет, но потом выдыхает и, повернувшись ко мне лицом, снова улыбается. — Мне нужно заняться чем-нибудь другим. Мне нравится TV-Lit, но хочется больше фильмов. Так что пока небольшими шагами.

Степень его искренности поражает меня уже не в первый раз. Картер кажется прямодушным и открытым, но при этом сложным. Неудивительно, что он хорош в своей работе.

— Ты когда-нибудь допускала мысль об отъезде из Калифорнии? — спрашивает он.

— Вряд ли, — сморщив нос, отвечаю я. — Я слишком большой фанатик кино, чтобы уехать от него.

— А где ты выросла?

Я показываю куда-то себе за спину, словно ему отсюда видно городок.

— Не в самом Лос-Анджелесе. В Сан-Димасе.

— Билл и Тед! [имеется в виду фильм «Невероятные приключения Билла и Теда — прим. перев.] — нараспев говорит он.

— Все сразу же вспоминают про них, — смеюсь я. — И да. Маленький городок. Я была таким ботаником в школе.

Картер недоверчиво хмыкает.

— Правда-правда, — уверяю я.

— Я был еще большим ботаником — основателем школьного клуба «Magic: The Gathering» [настольная игра — прим. перев.]

Кивая, я отвечаю:

— А я была президентом и единственным членом клуба аниме еще до того, как оно понравилось всем.

— Аниме — это же круто.

— В те времена нет, уж поверь.

Картер наклоняется, явно готовый дать залп из тяжелой артиллерии.

— В школе я ни с кем не встречался до выпускного класса, потому что любил мелодии из телешоу, и девочки думали, будто я гей. Парни, правда, тоже не звали потусить, поскольку считали меня снобом. Ну, и не натуралом.

— Мой первый поход на концерт был на Хэнсонов, — я делаю паузу и наблюдаю за

ним. — И худший из страхов был, что кто-нибудь запостит видео, где я стою в сторонке и трясу башкой, якобы такая рокерша.

— Пытаешься напугать? — он достает телефон и в течение полминуты что-то пролистывает, после чего поворачивает его ко мне экраном. — Только взгляни на этот ужас.

На фото Картеру, наверное, лет четырнадцать. Его нос слишком сильно выделяется на лице. А волосы пострижены так, будто это делал кто-то из родителей и пару раз на что-то отвлекался. Он смеется, демонстрируя скобы на зубах.

— Бывает и хуже, — достав свой телефон, я открываю мамину страничку в Фейсбуке и тут же нахожу альбом с давними фото. И себя в десятом классе. Лазерную коррекцию я сделала позже, так что на фотографии я в очках с линзами толще пепельницы и в галстуке — я тогда опрометчиво воспользовалась советом в игре-одевалке.

Прищурившись, Картер подается вперед, чтобы разглядеть получше.

— Что ты имеешь в виду, Иви? Ты тут симпатичная.

Ну ничего себе. Да он слепой.

— Картер.

— Что?

Он смотрит мне в глаза, и во мне что-то — а может, и все — тает. Идут секунды, но мягкий взгляд его глаз никуда не исчезает; наоборот — даже усиливается, когда он оглядывает мое лицо и задерживается на губах.

— Что? — уже с улыбкой спрашивает он снова. — Ты же знаешь, я все равно надеюсь тебя сегодня поцеловать, вне зависимости от количества идиотских фоток, которые ты мне покажешь.

Мое сердце пускается вскачь, устроив в грудной клетке дикое барабанное соло.

— Я старше тебя, — невольно вырвалось у меня.

Картер пожимает плечами, будто в моих словах нет ничего такого.

— Ну и что?

— И мы в одной индустрии.

Я смотрю, как, покусывая губу, он обдумывает сказанное.

— Наверное, ситуация не самая идеальная, но чтобы держаться от тебя подальше, на это нужна более весомая причина.

Сердце грохочет уже где-то в горле.

— Все знают, что я давно в браке со своей работой.

— Это очень удобно, потому что я тоже. Это будет типа измены своим работам *друг с другом*, — он говорит так, словно нашел великолепную лазейку.

Внезапно я с особенной ясностью осознаю свое тело на стуле, вижу других женщин, сидящих за соседними столиками и откровенно глазающих на нас. Где-то на улице слышен вой автомобильной сирены, а позади меня позвякивают тарелки, которые собирает со стола официант. У меня такое чувство, будто Картер видит, как я замечаю и реагирую на все это вокруг, но это не беспокоит его ни в малейшей степени.

— Я слабовато на все это гожусь, — признаюсь я. — Но у меня есть запасной план, если что, по которому заведу маленьких пушистых животных в свитерочках, став их предводительницей.

На его лице медленно расцветает теплая улыбка, а когда она достигает его глаз, в моей грудной клетке что-то наконец сдает свои позиции.

— Этот сценарий тоже крутой.

Пока длится молчание, передо мной будто разверзается огромная дыра, и я решаю в нее прыгнуть.

— Хочешь заехать ко мне после ужина?

Мой вопрос застаёт Картера врасплох, и его глаза еле заметно округляются.

— Да.

В Южной Калифорнии все всегда за рулем, поэтому Картер едет за мной на своей машине. Я живу на Беверли-Гроув, в юго-восточной части бульвара Санта-Моника; здесь коттеджи с широкими лужайками перемежаются с большими многоквартирными домами в стиле ар-деко. Классика Лос-Анджелеса: слитые воедино город и пригород.

Дождавшись его у главного входа, я улыбаюсь, стараясь не придавать значимости моменту, но для меня это все-таки нестандартная ситуация. Последний парень, зашедший ко мне в квартиру, — это мой отец. До него был Майк — на ужине вместе со Стеф. А до этого что-то и не припомню. Может, кабельщик?

Мы явно оба не знаем, что сказать, в то время как между нами искрит воздух. Он излучает такую сексуальную харизму, с которой я вряд ли справлюсь. Я постоянно проигрываю в голове наше объятие при встрече и то, как ощущалось его тело рядом с моим, — сильные мускулы и твердые кости.

Немного успокаивает, что Картер не стремится заглушить момент праздной болтовней. Мы собираемся заняться сексом? Я чувствую его неизбежность, но я бы лучше засунула раскаленную кочергу себе в ухо, чем сейчас довериться своей интуиции.

Он мог бы спросить меня о погоде, пробках или перейти к любой другой типично калифорнийской теме, но Картер просто молча идет за мной, а, войдя в квартиру, останавливается в гостиной и смотрит по сторонам.

У меня симпатичная квартира, и я ей очень горжусь, хотя дома бываю нечасто, разве что переночевать. Здание новое, и моя квартира с открытой планировкой, что включает в себя просторную гостиную, кухню и маленький закуток у окна со столом. На нем стоит ваза с цветами, а все вокруг еле заметно пахнет перечной мятой от ароматизированной свечи рядом с плитой. Я замечаю, как Картер обращает внимание на огромный телевизор с плоским экраном, который достался мне от папы, когда он купил себе уже неприлично огромный.

— Парень, живущий в доме напротив, жонглер, — кивнув в сторону окна, говорю я. — Видимо, у этого нудиста такое хобби. Врать не стану — это круто.

— Только я хотел сказать, что это симпатичное местечко, как чувствую, что этого мало: тут потрясно, — говорит Картер. — Признаюсь честно, ни к одной из квартир, которые я отсматривал, не прилагался голый жонглер.

— Шоу обычно по утрам... — подтекст моих слов — *остаться на ночь* — почти осязаем, когда он подходит ближе, судя по всему, покончив с этапом «Исследовать квартиру Иви» и перейдя к «Исследовать саму Иви».

Стоя всего в шаге от меня, Картер протягивает руку и кладет на мое бедро. Проходит несколько секунд.

— Хочешь пить? — нервозно спрашиваю я.

Из окна доносится звук проезжающих машин, а где-то у соседей раздражающе лает собака.

Картер качает головой.

— Нет, спасибо.

— Ладно, — кусая губы, отвечаю я. — Может, тогда поесть? Сходить в туалет?

Он смеется.

— Нет.

Взяв своей дрожащей рукой за руку, я веду его по коридору.

— Иви? — он показывает себе за спину. — Мы можем остаться там...

Я мотаю головой, и он молча идет за мной в спальню.

На пороге он резко останавливается.

— Просто... Я не думаю, что мы должны... — бросив взгляд на кровать, он снова поворачивается ко мне. — Не сегодня.

— Хорошо, — тревожным шепотом соглашаюсь я. — Мне просто хочется здесь. Всю мебель в гостиной мне дали родители, и я не хочу думать об этом в следующий раз, когда они приедут в гости и сядут на свой старый диван.

Когда он улыбается, в уголках глаз за линзами очков появляются морщинки.

— Ты смешная.

Он говорит это в хорошем смысле. Даже как *комплимент*. Мы молча стоим в моей спальне и смотрим друг на друга. Я все жду, когда накатит неловкость, но этого не происходит.

Подняв обе руки и обхватив ими мое лицо, Картер улыбается.

Господи, мое сердце сейчас выпрыгнет из груди. Кажется, свадьбе с Дэрил не бывать.

— Ты в порядке? — шепотом спрашивает он, когда расстояние между нашими губами всего пара сантиметров.

— Да.

И тогда, подавшись вперед, Картер прижимается своим ртом к моему.

Я не могу... Честное слово, описать свои чувства в момент этого поцелуя я совершенно не в состоянии. Я с упоением ощущаю гладкую упругость его губ и как она контрастирует с колючей щетиной над верхней губой и на подбородке. Представляю, как та царапнет кожу моей шеи, а потом и ниже. Я поражена ощущением его рук, крепко держащих меня и скользящих по спине.

Едва его язык прикасается к моему, меня пронзает электрическим током; разряд становится сильнее, когда, еле слышно застонав, он ведет рукой по спине вниз, к моей заднице. Из-за того, что не могу насытиться его ртом, я чувствую себя подростком, стараюсь получить свое с каждым наклоном головы и ощущаю потребность в каждом из поцелуев: в долгих и коротких, глубоких и таких легких, как сейчас, — словно капли дождя.

С одной стороны, мне кажется, что я целовалась с ним уже много лет, а с другой — что до этого момента еще ни разу. Он выше меня, поэтому я поднялась на цыпочки, стараясь прижаться тесней, будто желая заполнить его в себя всеми возможными способами.

Скользнув руками мне на бедра, он мягко подталкивает меня к кровати и укладывает на спину. Последовав за мной, устраивает меня на подушках. А я еще ни разу в жизни не ощущала такого острого голода. Этого всепоглощающего желания, при котором даже просто поцелуи действуют перевозбуждающе, но моему телу и этого мало.

Склонившись надо мной, Картер двигается вместе со мной, и я чувствую его твердость, прижатую ко мне между ног. Он обхватывает мою ногу снизу, а я подтягиваю ее к груди — хочу открыться шире, хочу его ближе. Услышав его тихий грубый стон, я думаю только о

том, что мы реально хороши вместе.

От того, как он двигается и подается бедрами, внезапно чувствую, что я уже близко, потому что — господи — у меня так давно ничего не было, а сейчас это *невероятно* хорошо. У нас так идеально и слаженно все получается. И если я так себя чувствую во время «еще не секса» в одежде, как тогда смогу выжить рядом с обнаженным Картером? С Картером, имеющим доступ к любой части моего тела? Я уже ощущаю грядущее напряжение и жар, но он отодвигается. Хочу сказать ему, чтобы вернулся, хватаю его за бедра, но его рука, уверенная и горячая на ощупь, уже движется вверх по моей ноге и внутрь нижнего белья, и он хрипло стонет сквозь поцелуи, обнаружив меня влажной.

Я словно в бреду, словно прокручена через выжималку; приходится стиснуть зубы, чтобы не закричать.

Вместо этого из меня вырывается сдавленный всхлип, от которого у него перехватывает дыхание. Картер слегка отодвигается, чтобы посмотреть мне в лицо.

— Ты будто провод под напряжением, — шепчет он, а потом наклоняется поцеловать в шею. — Как мне помочь тебе разрядиться?

Не переставая двигать рукой, он скользит губами вверх по моей шее, к щеке, и даже когда я, закрыв глаза, выгибаюсь в пояснице, то чувствую, как следует за мной, как его губы не отрываются от меня, зовут прижаться поцелуем и рассказать ему, что мне нравится. Открыв глаза, я вижу, как он глаз с меня не сводит и с улыбкой наклоняется снова поцеловать.

— Все хорошо? — спрашивает Картер, и его глаза ясные и искренние.

Я киваю. В мою кровь будто впрыснут горячий наркотик.

Мы делаем это.

Я неловко вожусь с его ремнем, больше уже не беспокоясь, где мы и когда займемся сексом, а он смеется — и теплый смешок согревает мои губы. Он смеется не надо мной, а над *ситуацией* — над этой безумной возней.

Провожу рукой по его животу и еле дышу от ощущений — от восторга, что это из-за меня он такой твердый, от неожиданной власти. В ответ на мое прикосновение он подается всем телом, а я кладу ногу ему на бедро, чтобы прижаться еще ближе. Мы двигаемся — руками, бедрами и ртами — в этом жадном до ощущений тандеме.

Я вмиг забыла о своей прошлой лихорадочной беспомощности, когда позволяла кому-то другому прикасаться к себе, и об отчаянной надежде, что у этого кого-то получится доставить мне удовольствие. Потому что не прошло много времени, прежде чем я поняла: Картер сумеет и со всей уверенностью уже на полпути. Когда напряжение нарастает, я стараюсь держать глаза открытыми, но он смотрит на меня с такой интенсивностью во взгляде, что я закрываю их и отгораживаюсь от всего остального, кроме ощущения его пальцев на моем клиторе и его члена в моей руке, и... распадаюсь на части.

Звуки, которые он издает, усиливают удовольствие в разы — тихие и хриплые стоны, в то время как он начинает двигаться быстрее, трахая мой кулак и становясь еще тверже. Обессиленно застонав, он кончает, пульсируя в моей хватке и изливаясь теплом на мою кожу.

Засмеявшись снова, Картер поглаживает мои бедра такими движениями, будто уже делал так не раз. Между ними так мокро, а от интимности момента, от того, что он только что прикасался ко мне — и от того, что заставил меня кончить — меня снова охватывает болезненное желание.

Какое-то время мы молчим в темноте.

Картер наклоняется и целует меня с такой красноречивой и пресыщенной леностью.

— Все по-прежнему хорошо? — спрашивает он. Его голос глубокий и сиплый.

— Ага. А у тебя?

— Шутишь? Великолепно! Не придется делать это позже самому.

Я начинаю хохотать, но он тут же наклоняется и сцеловывает этот звук.

— Кажется, я устроил беспорядок на твоём покрывале.

Немного отстранившись, я смотрю вниз, между наших тел.

— Моя кровать сейчас такая: «Это что еще за субстанция?»

Картер хрипло смеется, прижавшись лицом к моей шее, и только я собираюсь начать волноваться, что мои слова прозвучали чересчур... *одинок*о, как он отвечает:

— Да, очень понимаю.

— Ты сногсшибательно сексуален. Ни за что не поверю, что у тебя давно никого не было.

— А ты великолепна. Но у нас нет личной жизни не потому, что нет возможностей.

Кивнув, я смотрю на него.

— Могу предположить, потому что я придирчивая. И еще немного помешана на работе.

Картер смеется в ответ и целует меня.

— Думаю, мы оба каждый день просто нуждаемся в чем-то большем.

— **глава шестая** —

Картер

Субботним вечером мы с Майклом Кристофером готовим ужин, а по факту это означает, что готовлю я, в то время как он оттаскивает Морган от каждой имеющейся в доме кастрюли и сковородки. Пока он сидит за столом, она радостно закидывает его кукурузными хлопьями.

Входит Стеф, принеся с собой с улицы аромат свежескошенной травы и порыв прохладного ветра. Несмотря на выходной день, она ездила на работу, потому что один подающий большие надежды актер оказался в тюрьме. Это напомнило мне, как Иви говорила, что она замужем за работой, и я отлично понимаю, что именно она имела в виду: пропущенные ужины и поздний приход домой.

Стеф ошарашенно смотрит на нас и на готовый ужин.

— Ого, — она даже не спрашивает, как все эти тарелки материализовались перед ней.
— Ты молодец, Картер.

— Приятно готовить на нормальной кухне с нормальной посудой.

Стеф мне сочувственно улыбается, в то время как взгляд МК скорее завистливый.

— Как у тебя дела? — интересуется она.

— Занят. Эмиль Шепард переехал в мой список клиентов, что создало головняк и немало бумажной работы.

Она морщится.

— Боже. Блейк, что, с ума сошел?

— Похоже на то. Но на самом деле он даже ухом не повел, — пожав плечами, я цепляю на вилку кусочек курицы. — Может, он спит с кем-нибудь. Потому что прежний Блейк ноги

бы мне поотрывал и ими же поколотил.

— Тогда, наверное, что-то в воздухе. А у меня сегодня был такой дерьмовый день, — поморщившись, она смотрит на Морган. — Упс. Где твои наушники, детка?

Мы все напряженно молчим, ожидая, что Морган начнет с воодушевлением повторять слово «дерьмовый». Такое уже случалось с «ублюдком», «сволочью» и «черт побери».

Но в этот раз она молчит.

Облегченно вздохнув, Стеф поворачивается ко мне.

— Как твое свидание?

МК тут же оживляется. Я не спеша жую, думая, что ответить, и надеюсь, что мое лицо меня не выдает. При воспоминаниях о вчерашнем биении сердца каждый раз заметно учащается. Много лет у меня не было такой реакции на женщину.

— Замечательно, — говорю я. — Она просто... Она охр... — остановившись на полуслове, я смотрю на Морган. — Очень замечательная.

— Замечательно, значит, — медленно повторяет Стеф с улыбкой. Она ждет, что я расскажу подробности, но, если честно, что еще я могу сказать? Я хочу, чтобы мои отношения с Иви куда-нибудь продвинулись, и серьезно считаю, что на это есть все шансы. Вот почему я сказал ей, что не хочу, чтобы мы вчера занялись сексом, хотя очень, очень того хотел.

— Она была примерно в той же степени откровенна по части подробностей, — воткнув вилку в кусок курицы, замечает Стеф. — Паршивцы вы оба.

— Типа надо рассказать про наш первый поцелуй, пока вместе делали уроки?

Она резко поднимает голову; ее глаза сверкают.

— Вы целовались!

— *Ладно*, безумица, — Майкл кладет руку ей на локоть. — Давай-ка не пугай милого мальчика. Когда захотят, они сами обо всем нам расскажут. И остается только надеяться, что они не забудут, кто их познакомил и кого назначить шафером.

— Вот, значит, что случается с людьми, когда они женятся и заводят детей, — я с ухмылкой смотрю на них. — Вам больше нечем заняться, кроме как сводить всех подряд?

Они отвечают хором:

— Мы не успокоимся.

— У нас сумасшедшая жизнь!

Решив, что их одновременные выкрики — это повод для праздника, Морган начинает дуть в трубочку, вспенивая молоко в стакане.

— Да-да, — говорю я. — Молодость и все такое. Конечно же. Но при этом вы как бы... остепенились.

— «Остепенились»? — хмурится Стеф. — Да ладно. Мы, — она показывает на себя и Майкла, — чокнутые. И общаемся с не менее чокнутыми. Уж поверь.

— По-прежнему ходите в клубы? — ободряюще закивав, спрашиваю я.

— Ну а то, — она показывает на свою руку, и после секундного замешательства я понимаю, что она имеет в виду свою татуировку в виде цветка и что в ее картине мира люди с татуировками, конечно же, посещают клубы. — Есть одно местечко, называется «Лисий хвост». Тебе нужно сводит туда Иви.

— Или в «Орхидею», да, Стеф?

— Да, тоже отличное место, — соглашается Стеф. — Фирменные коктейли, м-м. Или это, как там, — она щелкает пальцами, пытаясь вспомнить название.

— «Ареола», — подсказывает Майкл. — Вот там, — он присвистывает, — там кру-у-у-то, — протяжно добавляет он.

Стеф кивает.

А я не могу не уточнить:

— Клуб с названием «Ареола»?

— Ага. Типа самое стильное заведение Лос-Анджелеса, — говорит она. — Ой, — подумав, добавляет Стеф. — Нет, детка, кажется, не «Ареола». Это же про соски. Вроде бы «Ариэла».

— Ну да, разница в названиях довольно заметная, — кивнув, со всей серьезностью отвечаю я.

— Точно, «Ариэла», — избегая смотреть на меня, со смехом говорит Майкл.

— Вы были там?

— Мы? Что за вопрос! — со смешком, будто шастают туда каждый день, восклицает МК. — Мы... хм... не были. *Хотели* пойти, но они не открываются раньше девяти, кажется. Да, детка? — занятая извлечением из волос Морган нутовой пасты, Стеф кивает. — А для нас это... очень поздно. Ну, то есть не для нас. Для Морган.

— Она с няней не хочет засыпать, иначе бы — господи — мы давно бы пошли в этот клуб, — широко улыбаясь и пританцовывая на стуле, говорит Стеф. — Это был бы полный улет.

— Полный улет, да, — соглашается Майкл. — Угар и всяческие неприятности.

— «Ареола», — с ухмылкой бормочу я. — Надо же было такое придумать.

Когда поворачиваю направо на бульвар Санта-Моника, на лежащий на переднем сиденье телефон приходит сообщение. Не обратив на него внимания, я пропускаю перед собой еще одного спешащего в понедельник на работу и жду зеленого сигнала светофора, чтобы все мы снова начали движение и смогли бы одолеть расстояние аж в четыре метра, прежде чем снова включится красный. Наверное, я никогда не перестану удивляться, что семь километров приходится преодолевать целый час.

Только я собираюсь включить радио, как на телефон снова приходит сообщение. А потом еще, еще и еще. Глянув на него, лежащего на сиденье экраном вниз, я мысленно подсчитываю оставшееся расстояние. В Калифорнии пользоваться телефоном за рулем запрещено законом, поэтому читать и отправлять любые текстовые сообщения во время езды нельзя. Почти убедив себя, что могу подождать, я слышу, как сигнал раздается снова.

И снова.

Когда загорается красный, я осторожно кладу телефон себе на колено. Разблокировав экран, вижу множество сообщений и пропущенных звонков от Бекки.

«Мой пропуск заблокирован, и я не могу попасть в здание».

«Охрана говорит, что впустить меня они не могут».

«Так. Тара и Кайли тоже не могут войти».

«Что происходит?»

«Я не могу войти в рабочую почту!!!»

«КАРТЕР!»

«911. Пожар! SOS!»

«ПЕРЕЗВОНИ МНЕ! СРОЧНО!»

Включив Bluetooth, я набираю.

— Картер.

— Привет, — я жму на газ и еду через перекресток. На душе странно беспокойно.

— Что случилось?

— Понятия не имею, — потом кто-то что-то говорит ей на заднем плане, и она отвечает: — Хорошо, — после чего Бекка добавляет, уже обращаясь ко мне: — Зайди к себе на почту. У нас встреча где-то в Западном Голливуде. Увидимся там.

И отключается. Порядочно сбитый с толку, на следующем светофоре я захожу в почту и нахожу распоряжение о встрече всего «СТМ», адрес и инструкции быть на месте в половине десятого.

И больше ничего. Вместо того чтобы ехать прямо, я сворачиваю направо, на бульвар Лас-Сьенега.

Оставив машину на подземной парковке, я выхожу и смотрю на здание из стали и стекла. Оно выглядит как любое другое современное офисное здание — никаких названий или логотипов на фасаде.

Единственное, что могу себе вообразить, — это что мы переехали или с нашим офисом произошло что-то ужасное... но ничего подобного в новостях я не слышал. А Бекка — уравновешенная, собранная и в девяноста девяти процентах случаев сразу же берущая трубку — не ответила на мой контрольный звонок.

Когда я вошел внутрь, меня ударило в лицо потоком охлажденного воздуха, а в сочетании с бурлящим в крови адреналином, это разбудило во мне что-то типично нью-йоркское.

Как ни странно, это ощущение по-прежнему со мной.

Идя по выложенному мрамором полу холла, я еще раз проверяю телефон и снова убираю его в карман. Прямо передо мной оказывается круглая стойка ресепшн с большим логотипом «Прайс&Дики» и постерами фильмов, с актерами которых они работали.

Остановившись, мой пульс застревает где-то в глотке.

«П&Д» недавно переехали. Значит, они тут теперь располагаются?

Рядом с небольшим временно поставленным столиком с табличкой «СТМ» стоит красивая блондинка с двумя охранниками в форме.

Мы с «П&Д» теперь будем работать в одном здании? Происходит что-то странное, достаточное для того, чтобы замедлить мои шаги; в небо словно выпущена красная сигнальная ракета.

Осторожно подхожу к столику, и меня замечает блондинка с головной гарнитурой. Внутренне дергаясь, я надеваю свою лучшую улыбку.

— Здравствуйте, это, наверное, прозвучит странно, но я...

— Вы из «СТМ»? — деловым тоном спрашивает она.

Я киваю.

Она смотрит на список перед собой.

— Ваше имя.

— Аарон, — назвав фамилию, я тут же добавляю: — Картер Аарон.

— М-м, — листает страницы девушка. — Вот. Аарон Картер, — она протягивает мне планшет с несколькими прикрепленными к нему листами бумаги. — А вы знаете, что вас

зовут так же, как и парня из Backstreet Boys?

— На самом деле, его зовут Ник Картер, — говорю я. — А Аарон Картер — его младший брат. Меня же зовут Картер *Аарон*. Не Аарон Картер.

Она уже явно потеряла ко мне интерес и едва смотрит на меня сквозь неподвластные гравитации наращенные ресницы. Да и кто ее станет в этом винить? Мне не к лицу знать имя участника Backstreet Boys. А знаю я это потому, что подобный разговор в моей жизни возникал не меньше десятка раз, и приходилось объяснять.

Взяв планшет, я незаметно просматриваю список имен. Кое-кого я знаю: Кэмерон из литературного отдела, Салли из коммерческого зарубежного права и еще нескольких.

— Вы можете сказать, зачем я здесь? — спрашиваю я.

— Заполните эти формы, — кивнув на планшет у меня в руках, говорит она, — и поднимайтесь на второй этаж. А, и вот тут подпишите.

Девушка дает мне бейдж с уже написанным моим именем, и я нехотя делаю, что от меня ожидают. С вежливой улыбкой она показывает в сторону лифтов. Охранник впускает меня по своему пропуску, я вызываю лифт, и, войдя в него, нажимаю на кнопку второго этажа.

Вытащив телефон, я быстро набираю несколько сообщений Иви.

«Я почему-то в твоём здании».

«Происходит что-то странное».

«Перезвони».

Спустя мгновение, громко звякнув, лифт останавливается, открываются двери, и меня с улыбкой встречает средних лет женщина вместе с еще одной командой одинаково одетых охранников.

Ну, допустим...

Я получаю инструкции найти себе место в холле и заверения, что скоро получу ответы на все свои вопросы. Помещение яркое и просторное, с несколькими группками мягких кресел у окон, выходящих на бульвар Беверли.

В холле уже толпится народ; нескольких я узнаю. Складывается впечатление, что никто из присутствующих не в курсе, зачем мы здесь. Народу постепенно прибывает, но зловещая тишина непонятным образом остается. Кто-то входит, нечаянно скрипит стулом по полу или издает еще какой-нибудь звук, привлекающей всеобщее внимание, после чего снова воцаряется тишина. Меня не отпускает ощущение, что мне тринадцать, и я жду, что меня вызовут к директору.

— Картер.

Обернувшись, я вижу идущего ко мне Курта Элвуда, ерошащего волосы и с обычным для него мрачным выражением лица.

— Кажется, я видел твое имя внизу, — я оглядываю его с ног до головы. — Ты как, нормально? — у него нездоровый цвет лица и капельки пота над верхней губой.

Он достает пачку какого-то антацидного средства и, кинув одну таблетку в рот, морщась, жует.

— Знаешь, на что это для меня похоже?

Я окидываю взглядом холл. Все в замешательстве, но никто не паникует.

— Нет...

— На широкомасштабное сокращение штата. Нам не дали войти в здание, а там наши компьютеры и доступ к файлам.

— Что? — его предположение застигает меня врасплох, и я снова оглядываю помещение. Я-то решил, что мы всего лишь *переезжаем*. Нанять всех нас была та еще задачка, поэтому мысль о сокращении мне даже в голову не пришла.

— А ты что, считаешь, они так не могут поступить? — спрашивает Курт. — Features-отдел давно не платит по счетам. Люди стали меньше ходить в кино. Пиратство растет, а доходы падают. Даже вы, парни, с TV-Lit не в безопасности — «П&Д» те еще монстры, — он смотрит на меня с вытаращенными глазами. — А что? Думаешь, они нас тут подарками одаривать будут, а потом отпустят по своим делам? Нет. Они разделили нас с остальными, чтобы свести скандалы до минимума. Почему, по-твоему, тут не все?

Он достает еще одну таблетку, изучает ее взглядом, бросает в рот и начинает пережевывать.

— Все признаки были заметны уже несколько последних недель.

Я разрываюсь между нежеланием созерцать розовые от антацида зубы Курта и желанием услышать больше. Наряду с вопросом, как много правды в его словах, в памяти всплывают все странные и необъяснимые события последнего времени. Эмиль Шепард был не в большом восторге от «СТМ». Если он о чем-то пронюхал, то после попытки поработать со мной и после моего увольнения он так же мог бы уйти. Без каких-либо скандалов он был бы совершенно свободен. И если об этом знал и Блейк, то это объясняет его необычное спокойствие насчет Эмиля.

— Господи, мне сорок два года, — врывается в мои мысли Курт. — В наши дни агенты средних лет и средних способностей вообще никому не нужны. Всем подавай акул бизнеса. И чтобы агенты выглядели так же хорошо, как и актеры. Я не смогу конкурировать! О боже, — стонет он. — Я недавно лодку купил!

— Так, давай лучше дыши, — я надеюсь, мои слова звучат более успокаивающе, нежели мои мысли. — Мы даже не знаем, что происходит на самом деле. Так что давай не будем делать поспешных выводов. Зачем нас притащили в «П&Д», если бы хотели всех поувольнять? Почему бы не сделать это в холле нашего офиса?

Я стараюсь держать его подальше от основной группы людей, но, хлопнув меня по плечу, он смеется.

— Молодой, полный надежд наивный Картер. Думаю, тебе тоже стоит принять, — он поворачивает мою руку ладонью вверх и кладет таблетку. — Помни мое слово: к обеду у всех у нас не будет работы.

— **глава седьмая** —

Иви

Прижимая телефон к уху, я иду по парковке и попутно роюсь в сумке в поисках своего бейджа. Я страшно опаздываю, а этот звонок сильно затянулся, но если я все улажу, потом точно не пожалею.

— Так. Давай серьезно, — говорю я, наконец обнаружив на дне сумки бейдж. — Я без проблем организую тебе встречу с Тайлером, но ты должен пообещать, что будет присутствовать и режиссер. Тайлер вернется не раньше ноября; помимо работы у него плотный график, и он хочет больше времени проводить с женой и ребенком. Поэтому если это не просто посиделки, я забронирую время.

Войдя в стеклянные двери, я иду напрямиком к лифтам.

— Хорошо, — говорю я и провожу картой по считывающему устройству рядом с постом охраны. — Проанализируй тогда свое расписание. А сегодня днем я проинструктирую Джесс, — моя ассистент обычно молча присутствует на каждом рабочем звонке, но этим утром куда-то пропала.

Пропуск не срабатывает, и я снова несколько раз провожу им по слоту. Лампочка не загорается, звуковой сигнал не раздается.

— Поговорим позже. Спасибо, Нев.

Сунув телефон в сумку, я иду через все лобби к главному посту охраны, опасливо поглядывая на временно поставленный рядом с ним столик с двумя охранниками.

Перегнувшись через широкую мраморную стойку, я замечаю сидящего тут знакомого охранника.

— Привет, Джейк. А что это за стол?

Джейк поднимает голову и смотрит мне за спину в сторону лифтов.

— Мисс Эбби, ваш пропуск не сработал?

Трясущейся рукой я протягиваю ему его.

Линзы его очков поблескивают, когда он смотрит на монитор компьютера, после чего встает.

— Ваш пропуск заблокирован. Вам нужно подняться на второй этаж.

— Блокирован? — на второй этаж? Там основное лобби «П&Д» и конференц-зал. В общем-то, там не работают.

— Это все, что я могу сказать, мисс Эбби, но пропуск заблокирован не у вас одной. Давайте я провожу вас наверх, — он обходит стойку и кивает другому охраннику, что скоро вернется.

— Бессмыслица какая-то, — говорю я и снова достаю телефон. — Сейчас позвоню Амелии, она узнает, что происходит.

— Думаю, мисс Бейкер уже на месте, — отвечает он, пропускает меня по своему бейджу и вызывает лифт. — Не беспокойтесь. Думаю, все будет в порядке.

Уже в лифте я едва не швыряю телефон о стену, увидев, что он все утро почему-то был на бесшумном режиме, и я пропустила сообщения от Дэрил и Картера, и еще одно от Стеф. Самое последнее — от Джесс, капсом, что она делает крайне редко:

«ИВИ, ЧТО ТВОРИТСЯ?»

Трясущейся рукой закрываю сообщения и, открыв браузер, перехожу на Variety.com, зная, что обо всем происходящем в городе Variety — как и Твиттер — обычно узнает первым. Ну и, конечно же, ссылка только начала загружаться, когда с громким звяканьем открылись двери.

Этот звук эхом прокатывается по большому лобби, сейчас заполненному людьми, которые обернулись и смотрят на меня.

Стоящая ко всем лицом женщина улыбается мне и говорит:

— Пожалуйста, присаживайтесь. Мы только начали.

Обычно полупустой холл сейчас заставлен стульями, две трети из которых заняты. Тихо извинившись, я убираю телефон и быстро иду к первому попавшемуся свободному стулу.

— Еще раз всем доброе утро, — с широкой и немного неестественной улыбкой говорит женщина. Ее рыжие волосы крупными волнами доходят до лопаток. Понятия не имею, кто она такая, но немного похожа на ведущую программы новостей. Ухоженная и выглядящая в

точности так, как человек, который рассказывает зрителям, что все будет хорошо... или что пора приступать к эвакуации. — Уверена, большинство уже тут. Меня зовут Лиза, я работаю в HR нью-йоркского офиса «СТМ».

Что-что? Где она работает?

Уже решив поднять руку и задать вопрос, какого черта вообще происходит, я вдруг впереди замечаю обернувшееся ко мне знакомое лицо со знакомыми зелеными глазами.

Картер.

Увидев сообщение от него среди входящих, поначалу я оптимистично предположила, что он хочет узнать, есть ли у меня время для еще одного сеанса поцелуев (и не только) в машине во время обеденного перерыва. Но он здесь, среди этого молчаливого недоумения. Я пытаюсь сделать какие-то выводы, но в моей голове засела всего одна мысль: *представитель «СТМ» выступает в лобби «П&Д».*

В доказательство его собственного замешательства Картера в ужасе округляет глаза, после чего отворачивается.

Что за херня?

Откинувшись на спинку стула, какое-то время я сверлю взглядом его затылок, потом смотрю по сторонам в поисках знакомых лиц. Дональд из бухгалтерии; Роуз, которая работает со мной в Features; и еще несколько. Увидев впереди копну темных локонов, возвышающуюся над остальными, я мысленно благодарю всех богов: Джесс здесь. А на последнем ряду наконец замечаю Дэрил.

Она поднимает обе руки вверх, словно говорит: «Ну наконец-то, явилась!» — и по выражению ее лица мне становится ясно, что она тоже не в курсе происходящего. Она показывает на свой телефон, и в этот же момент наше внимание привлекает стук каблучков.

Лиза протягивает стопку файлов рядом стоящему мужчине.

— Всем вам, наверное, интересно, в чем дело. А может, кто-то уже слышал, что произошло слияние «СТМ» и «Прайс&Дики».

Она продолжает говорить, но мой мозг завис на несколько секунд, чтобы должным образом обработать эту мысль. В голове возник звук визжащих шин при резкой остановке.

Слияние «СТМ» и «П&Д».

Мы теперь одно агентство.

Одно агентство, в котором деятельность во многом продублирована.

Живот скрутило, от чего под ребрами словно образовалась пустота.

Я смотрю на Дэрил, которая, кажется, пришла к схожим выводам. Потом оглядываю лобби. Несколько человек кивает, но таких меньшинство. В основном все побледнели.

— И если вы *не* слышали, — продолжает она, встретившись взглядом с несколькими из нас, — то не волнуйтесь. Новость была объявлена всего полчаса назад.

Полчаса назад.

Я вспоминаю все странности, творившиеся в офисе в течение последних нескольких недель, понимая, что такие дела не вершатся в одночасье. Несколько человек из руководства, конечно же, были в курсе и подготовили стратегию поведения. Интересный вопрос — как давно они готовились. Еще более интересный — кто именно из них. Кто знал?

Кажется, меня начинает мутить.

— Откровенно говоря, мы не совсем уверены, что слияние полностью завершено, — говорит Лиза. — Должна осесть пыль, прежде чем будем знать, как именно оно будет выглядеть и как эта новая структура будет работать. Но поскольку новость в скором времени

будет известна всем, мы решили собрать всех вас здесь и проинформировать.

Несколько человек ерзают на своих стульях. А парень, сидящий рядом со мной, открывает Твиттер, вероятно, в поисках информации.

— Как многие из вас знают, — продолжает Лиза, — и у «СТМ», и у «П&Д» есть корпоративные офисы как в Нью-Йорке, так и в Лос-Анджелесе. «П&Д» выступает как поглощающая компания и объединит персонал из обеих, в то время как кого-то отправит в Нью-Йорк, — от таких слов у меня падает челюсть, и я с трудом слышу, что она добавляет: — Эти детали вы обсудите с вашими непосредственными руководителями. Но суть в том — и это хорошая новость — что если вы сейчас здесь, то вполне вероятно, у вас по-прежнему есть работа в одном из офисов.

...вполне вероятно, у вас по-прежнему есть работа в одном из офисов.

Ну то есть... Это хоть что-то, верно?

Большинство присутствующих с облегчением выдыхают. Я смотрю на Картера. Насколько могу судить со спины, он сидит неподвижно.

— Простите, можете пояснить? — напряженным шепотом говорит он. Ему приходится откашляться, прежде чем продолжить: — Кого-то переведут в Нью-Йорк, а кто-то останется здесь? И когда это будет решаться?

Лиза поворачивается к нему и так улыбается, словно он спросил о чем-то отвлеченном, например, в автоматах будет Пепси или Кока?

— Кто останется — а кого переведут — будет решаться в ваших отделах.

Она говорит это почти с журналистским равнодушием, и это совершенно не помогает мне укротить нарастающую панику. Я зажимаю ладони между коленей, чтобы никто не видел, как они дрожат. Ощущение, словно кто-то вырвал ковер из-под ног.

Холл начинает заполнять всеобщее тихое бормотание — на грани злости.

— Я честно хотела бы рассказать больше, — не вовлекаясь в разговоры, увещевает Лиза, — но как вы видите, мы по-прежнему не знаем всех деталей.

Боковым зрением я вижу, как Картер немного ссутулился и наклонил голову. Он выглядит в точности, как я себя чувствую: словно хочет наклониться ниже и опустошить желудок.

Снова встретившись взглядом с Дэрил, я гадаю, не об одном и том же мы думаем: мы работаем в поглощающей компании. Значит, у нас есть преимущества, да?

Сегодня непременно заем стресс коробкой печенья — такой большой, какую еще белый свет не видывал.

Спустя короткое время нас отпустили, вручив предварительно по пачке документов и сказав, куда обращаться за дополнительной информацией. У каждого присутствующего в этом холле график плотно забит настоящей работой — у меня так точно — но все внесли в него изменения и никуда толком не расходятся. Все мы ждем, когда руководители отделов выяснят наконец, какого черта теперь делать.

Картер один на один беседует с Лизой, а я двинулась напрямик к Дэрил.

— А где Амелия? — спрашивает она, и я понимаю, что этим утром я ее не видела.

— Не знаю, — я снова окидываю взглядом лобби. Амелия работала здесь дольше, чем мы с Дэрил. Они ее не уволят. Правда ведь? — Погоди, — вспомнив, говорю я, — Джейк внизу мне сказал, что она уже здесь.

— Уже пишу ей, — набирая сообщение, отвечает Дэрил. — Она не могла просто взять и не сказать нам... — она делает паузу, и я понимаю, какой оборот принимают ее мысли.

— Даже если бы она и знала, у нее могло не быть возможности нам сказать, — говорю я, и плечи Дэрил опускаются.

— Ну и хрень творится, — она теребит кончик косы и оглядывает холл. — Сейчас вернусь. Там Эрик, а я хочу понять, знает ли он что-нибудь. Сомневаюсь, конечно, но ведь его дядя — наш чертов босс.

Остановившись на полпути, она поворачивается ко мне.

— Если только это не означает, что теперь мы избавлены от Брэда.

— О боже. Это... — глянув по сторонам, я наклоняюсь к ней. — Это вообще возможно? — я не могу скрыть надежду в своем дрожащем голосе.

— А почему нет? О подобном лично я не догадалась бы и за миллион лет. А сейчас возможно вообще что угодно. Вернусь через секунду.

Едва она уходит, меня тащит в сторону Картер. И мой пульс снова ускоряется.

— Какого хрена тут происходит? — его рука крепко обхватывает мое плечо, и спустя несколько нервных секунд происходящее кажется почти комичным.

— Понятия не имею, — говорю я. — Я все утро была на телефоне, а потом просто не смогла пройти к лифтам. И если ты заметил мое не сильно изящное появление, я только что пришла. Моя подруга Амелия работает в HR, и мы хотим знать, была ли она в курсе, но... Не уверена, что она имела возможность нам рассказать.

— Это полный дурдом. Слияние означает сокращение штата.

— Знаю, — на своей должности в «П&Д» я чувствую себя в относительной безопасности, но в этот момент, даже с учетом всех побед, перечисленных в моем резюме, в голове оглушительно протрубил тот самый мой «Знаменательный день».

Кондиционер в холле, наверное, поставлен на ультра-замораживающий режим, поэтому я начинаю дрожать и скрещиваю руки на груди в попытке согреться.

— Я бы дал тебе свой пиджак, если бы мы не находились в этой самой странной ситуации на свете, где внезапно коллеги ходят на свидания, — говорит он, и — о господи! — об этом я еще даже не успела подумать.

Наши телефоны одновременно вибрируют.

— Ох, ну ты только посмотри. «П&Д» прислали мне письмо, — говорит он.

— И мне.

— Для выпивки не рановато? Как считаешь?

С новым бейджем в руке я поднимаюсь в свой кабинет, где меня встречает лишь жутковатая тишина.

Какофония принтеров и разговоров по телефону исчезла. Вместо этого все звонки переадресованы на голосовую почту. А что сейчас люди могли бы ответить?

Нам сказали прийти завтра и готовиться ко всем переменам — все работники «СТМ», кто не был уволен, оказались лишены доступа к своим компьютерам и документам — но у нас, в «П&Д», доступ к нашим кабинетам есть. И чем еще тогда нам заняться?

Несмотря на чрезвычайно заманчивое предложение Картера, выпивать все-таки слишком рано. Хотя работой никто не занимается: как выяснилось, доступа к компьютерам у персонала «П&Д» тоже нет. Все собрались группками и, нервозно глядя по сторонам, вели

разговоры шепотом.

Впрочем, кто бы их стал в этом винить? Вопросы висели муляжными облачками над головами, а людей, которые могли бы дать на них ответы, нигде не было видно. *У кого сегодня еще была работа? А у кого она будет и завтра?*

Я вспоминаю о самых крупных слияниях последних лет, о которых читала. Самый худший из видов — это когда все происходит очень быстро, прежде чем руководство успевает прийти к соглашению насчет всех деталей и разработать четкий план по объединению отделов и улаживанию параллельной работы. Но в нашем случае я еще несколько недель назад начала замечать всякие странности — значит, работа какое-то время уже велась, и надеюсь, что план все же имеется.

Оглядевшись по сторонам, я замечаю множество вытянутых лиц. Большинство агентств неповоротливо, с кучей обслуживающего персонала, потому что в работу включены постоянные телефонные звонки, переписка, перекладывание бумажек с места на место и координация графиков. Это новое агентство будет неповоротливым вдвойне, и персонал — едва оставивший позади голодные студенческие дни — это понимает. Никто по домам идти не хочет, оставаться на работе дает некое ощущение контроля над ситуацией и надежду, что они могут повлиять на решение. Да и кому хочется оказаться не в курсе дел, отойдя хотя бы на шаг от своего рабочего стола?

Я иду по коридору, ни с кем не разговаривая, разрываясь между стремлением вломиться к Брэду и потребовать ответов и желанием заползти под стол. К счастью для него, Брэда так нигде и не видели: в его кабинете не горел свет, а стол стоял пустой.

В благословенной тишине моего кабинета я решаю оставить свет выключенным и без сил падаю в свое кресло. Часть меня мечтает укрыться здесь до того времени, когда будет пора идти домой. И что, придя завтра утром, я обнаружу, что все происходящее — один грандиозный розыгрыш.

Но это вряд ли. Сквозь внутреннее окно я вижу белокурую голову идущей ко мне мимо столов Дэрил. С Амелией. Ну слава богу.

— Прячешься? Хорошая мысль, — говорит Дэрил и выглядывает в коридор, прежде чем закрыть за ними обеими дверь. Застонав, она падает на мой небольшой диванчик и садится, поджав под себя одну ногу. — Надежды на Эрика пали крахом. Он тоже ничего не знает. И любопытствовал лишь о том, подключен ли еще торговый автомат — ему были срочно нужны сырные «Фритос». Ну, и да, он их заполучил, ура.

Амелия садится рядом и, откинув голову на спинку, закрывает глаза. Она выглядит измотанной.

— Ты в порядке? — спрашиваю я ее.

Поморщившись, она отвечает:

— Жаль, что я ничего не могла вам рассказать. Кое-кому из нашего отдела позвонили вчера в десять вечера и сказали, что нам нужно появиться на работе как можно раньше. Я приехала в пять утра. А вам не говорила потому что бла-бла-бла — конфиденциальность.

Скинув туфли, она вытягивает ноги перед собой.

— Хотя я знаю не больше вашего. Очевидно, «П&Д» долгое время подглядывали на «СТМ», но их партнеры не хотели продавать компанию. Должно быть, передумали. Могу предположить, что все держалось в секрете из-за истории с «Fairmount», когда лучшие агенты обо всем прознали и сбежали с тонущего корабля, прежде чем сделка была совершена, — она смотрит на меня. — Выходит, у тебя нюх, Нэнси Дрю.

— Так что же получается? Если мы все еще здесь, значит, работу мы не потеряли? — спрашиваю я, чувствуя, как начинает кружиться голова. — Они что-то решили по этому поводу?

Амелия качает головой.

— Уверена, что решают, но штатного расписания по отделам я еще не видела. Все детали буду известны завтра.

Блин, ну и кошмар.

— Смотри, на Variety вышла статья, — говорит Дэрил и поворачивает свой айпад, чтобы всем было удобно читать.

«Неожиданно стало известно, что в понедельник утром одно из лучших агентств по поиску талантов «Прайс&Дики» совместно с инвестиционной компанией «Уильям Трейнер Групп» приобрело агентство «Creative Talent and Media», давно составляющее конкуренцию на рынке.

Новая компания сохранит название «П&Д» и, по словам СЕО Джареда Хелмсворта станет многопрофильной. В своем заявлении Хелмсворт сказал:

«Имея представительства в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и Лондоне, это партнерство позволит предоставлять нашим клиентам доступ к самым лучшим и креативным бизнес-умам, что повлечет за собой больше сделок в области цифрового контента, телевидения, кино, книг, спорта, лицензирования и публичных выступлений».

Стоимость приобретения не разглашается. Вполне вероятно, что в ближайшие дни реорганизованное агентство будет вынуждено уволить сотни сотрудников, а также самих агентов, но когда Variety попытались получить от представителя компании какой-либо комментарий, нам ответили:

«Любые предположения на этот счет пока что преждевременны».

— читать далее —

Мы сидим, погруженные в беспокойное молчание.

— Тут вроде не так много информации, — говорит наконец Дэрил, — но почему тогда мне стало еще хуже?

Амелия прикрывает глаза.

— Говорила ведь мне мама выйти замуж за богатого.

— Сомневаюсь, что тебе есть о чем беспокоиться. Ты практически руководишь своим отделом, — говорю я, а потом, повернувшись к Дэрил, спрашиваю: — Когда у тебя заканчивается контракт?

— Через полтора года, — за последний час она впервые улыбается по-настоящему. — Могу продлить это время отпуском за свой счет. А у тебя?

В каждом агентстве свои порядки, но в «П&Д» мы заключаем с компанией контракты на определенное количество лет. И худшего времени для окончания моего трудно даже представить.

— Через пять месяцев, — отвечаю я.

В животе тяжело осела свинцовая гиря.

Могу сказать, что моим подругам никогда не стоит играть в покер, потому что от выражения их лиц мне тут же становится дурно. Уволить меня можно легко и совершенно без потерь.

Амелия быстро берет себя в руки.

— Иви, тебе не о чем волноваться. Сейчас не самое лучшее время, но все будет хорошо.

Ты тут всем надерешь задницы.

— А как насчет Брэда? — напоминаю я. — Он будет вне себя от радости вышвырнуть еще одну вагину на ножках за борт.

— По крайней мере, вагину, до которой не добрался, — вставляет свои пять копеек Дэрил.

Мой смех больше похож на настороженный стон.

— Или же в следующие месяцы он будет помыкать мной, после чего просто не продлит контракт, — я откидываюсь на спинку своего кресла. — О! И это еще помимо ситуацией с Картером, — я тру руками лицо. — Я наконец-то познакомилась с парнем, который мне нравится — натуралом не живущим с мамочкой — а он в итоге оказывается у нас на втором этаже, на общей встрече.

— Что? — глаза Дэрил увеличиваются вдвое.

Я киваю.

— Он же из «СТМ», помнишь? И похоже, что прошел первый этап отбора. Теперь работает с нами.

Амелия таращится на меня со смесью радости и шока, но Дэрил быстро находится с ответом:

— Так, для начала давайте-ка все глубоко вдохнем. И *вы-ы-ыдохнем*. Далее. Ситуация с Картером разрулится сама собой. Давай для начала посмотрим...

Дэрил замолкает, и я в точности знаю, что она хотела сказать. *Давай для начала посмотрим, будет ли у тебя завтра работа.*

— Давай просто посмотрим, как все развернется, — наконец находит слова она. — И третье. Мы даже не знаем, работает ли еще тут Брэд. Никто не знает, где он. Кайли тоже куда-то запропастилась. И если он тут не работает, твой послужной список — за исключением пары шероховатостей — по-прежнему блестящий. Не вычеркивай себя раньше времени. У меня хорошее предчувствие.

Господи, хоть бы она была права.

Могу предположить, что Картер, как и я, укатал бутылку вина в одиночестве, потому и пропал с радаров.

Ну, по крайней мере, именно это я не перестаю себе говорить.

Достаточно сказать, что во вторник утром лично я оказалась не лучшей версией Иви. Мама, регулярно читающая *Variety* и *Deadline*, за вчерашний день успела позвонить семь тысяч раз. Я наконец решила перезвонить ей, забежав за утренним кофе в *Verve*, после того как ночью поспала максимум два часа.

— Иви, детка, — говорит она, — я уже готова к тебе выезжать.

— Мам, не надо. Я уже не дома.

— Я тебя перехвачу. Скажи, куда подъехать.

Сидя за маленьким угловым столиком, я вздыхаю. Спрашивать мне не нужно — я и так знаю, как работает ее мозг.

— Я не хочу, чтобы ты возилась с моими волосами.

Мама делала укладки практически всему городу на протяжении тридцати пяти лет. Венцом ее карьеры были эпизоды «Династии», когда она отвечала за стрижку и укладку Джоан Коллинз в 1984 году. По мнению мамы, нет таких проблем, которую не смог бы

устранить хороший фен.

— Ты сразу же почувствуешь себя лучше, — говорит она, и на заднем плане я слышу песню «Доброе утро, Америка». Моя мама уверена, что даже самый плохой день вмиг улучшит свежая укладка, массаж головы и немного лака для уверенности. — Давай, я тебе подровняю кончики? У тебя так отросли волосы, и они вечно выглядят неровными на концах.

— Все будет в порядке. И мне не нужна стрижка. Постриги лучше папу. Люблю тебя. Мне пора на работу.

Хотя я понятия не имею, что меня там ждет...

Когда выхожу из кафе с кружкой в руке, телефон звонит снова. Увидев имя на экране, я перепроверяю, посмотрев на него дважды.

Картер.

— Алло?

— Привет, — говорит он, и если я не ошибаюсь, у него тоже легкое похмелье и отчаянная потребность в кофеине. — Ты как?

Мне хочется рассмеяться над его тоном. Голос Картера звучит именно так, как себя сейчас чувствую я: слой спокойствия над бушующим ураганом.

— Хорошо. И немного... устала.

— И не говори, — грубоватым голосом отвечает он. — Я хотел предупредить тебя, что утром буду в «П&Д». Мой офис уже переехал, кстати: компьютеры, документы, — все увезено. Видимо, они все сделали ночью — сразу после того как уведомили нас про слияние и об увольнении... первом из многих.

— Ой. Звучит жестоко.

— В общем, — говорит Картер, — просто хочу, чтобы ты знала. И понимаю, что это звучит странно. Мягко говоря.

Мое сердце подпрыгивает в груди. Картер очень хороший. От этого все становится еще более заковыристее.

— Ну, по крайней мере я увижу тебя завтра, — говорю я. — Как там у тебя народ с этим справляется? Стеф сказала, у Альтермана все на нервах — боятся оказаться втянутыми.

— Вчера я разговаривал с Майклом Кристофером и пошутил, что, наверное, мне придется переехать к нему в комнату для гостей, если потеряю работу, — говорит он, и мне хочется дотянуться как-нибудь к нему через телефон и обнять. Мое агентство пусть и небольшое, но беспощадное. — Ты что-нибудь слышала от своих?

— Мало чего. Вчера вечером пришла рассылка от имени компании, но обо всем написанном мы и так уже знаем.

Картер вздыхает.

— Так и думал.

— А ты как? Нормально?

— Бывало и получше, — он издает сдержанный смешок. — Ну, то есть у меня как минимум пока еще есть работа. В отличие от моей помощницы. Потому ее и не было на вчерашней встрече.

— Господи, Картер. Мне так жаль.

— Спасибо, — отвечает он. — Честно говоря, Бекка была потрясающей. Я и в обычный день без нее как без рук. А как пройти через все это... вообще не представляю.

Я переживаю за него, прекрасно понимая, как бы чувствовала себя без Джесс, тем более

сейчас.

— Но не все так плохо, — добавляет Картер. — Похоже, я наконец встречусь со знаменитым Брэдом Кингманом.

У меня под ногами словно открылся люк.

— Прости, что ты сейчас сказал?

— Брэд Кингман.

— Но ведь он возглавляет мой отдел. Features. Не TV-Lit.

— Я знаю, — по его голосу я понимаю, что он пожимает плечами. — Я сначала так и ответил, когда мне сказали, что у меня сегодня утром встреча. С Брэдом.

— **глава восьмая** —

Иви

Без пяти десять на рабочем столе звонит телефон. Не отрывая взгляда от монитора компьютера, я с облегчением вздыхаю, когда после второго гудка телефон смолкает. «Вот и хорошо, — думаю я, заканчивая писать письмо. — Сегодня ни с кем не хочу разговаривать».

Меньше минуты спустя раздается стук в дверь, и, подняв голову, я замечаю стоящую в дверях Джесс.

Она кивает в сторону телефона.

— Несмотря на выключенный свет, — Джесс показывает на внутреннее окно моего кабинета, — я знала, что ты здесь.

— Извини, — виновато отвечаю я. — Ты перестанешь меня уважать, если я скажу, что боюсь?

Засмеявшись, она входит в кабинет и закрывает за собой дверь.

— Теперь, когда дали доступ к компьютерам, все либо в LinkedIn, либо гуглят «как выжить во время слияния».

Отправив письмо, я поворачиваюсь к ней.

— Все же не понимаю, от кого и чего мы прячемся. Брэда никто не видел, а вчера творилось так много сбивающей с толку ерунды; хочется уверенности, что сегодня хуже ничего не произойдет.

Джесс осторожно покашливает, и я смотрю на нее, подозрительно прищурившись.

— Что?

— Ну, собственно, почему я тебе звонила... — она слегка морщится. Золотые сережки-гвоздики в ее ушах поблескивают на свету, когда она крепко хватается за спинку стула, на который облокачивалась. — Он здесь. Когда ты не ответила, он позвонил мне.

— Брэд?

— Брэд.

Я тяжело откидываюсь на спинку стула.

— Вот блин.

— Он уже успел созвониться с несколькими людьми, и видимо, сейчас твоя очередь. Или, как он говорит, «На поле!»

Я издаю стон.

— Значит, он все-таки *остается*.

Все поднимают голову, когда я иду мимо них в кабинет Брэда. Если он все утро созванивался с сотрудниками, тогда кто знает, свидетелями чего они были? Облегчению? Истерики? Слезам? Возможно все.

Я уже давно не переживаю насчет своей внешности — сей дар мною был получен, едва исполнилось тридцать — но когда вот так все на меня таращатся, я чувствую себя неуклюжей моделью на подиуме. Надо было надеть бюстгальтер, увеличивающий грудь.

Краем глаза замечаю, как несколько человек смотрят куда-то в противоположную сторону коридора. Я поворачиваюсь.

Картер.

Темно-серый костюм сидит на нем так хорошо, словно его вручную сшил какой-то волшебный эльф. Обнимая плечи, ткань спускается к талии и превосходно обрамляет тело. Я дергаю вниз подол своего платья, внезапно почувствовав себя одетой как бомж.

Благодаря длинным ногам он сократил расстояние между нами всего за несколько шагов.

— Привет.

Я стараюсь фокусироваться на чем-нибудь безопасном: на галстуке. Он синего цвета в еле заметную зеленую крапинку, и, даже не понимая головы, я знаю, как хорошо эти оттенки подчеркивают цвет его глаз.

О да... Так и есть.

— Привет, — я кожей чувствую, что за нами наблюдают. Отчего бы им не понаблюдать за этой катастрофой? На их месте я бы точно не отказалась. Никто, конечно, не знает, что всего пару дней назад я держала его пенис в руке, а теперь мы работаем вместе, но уверена — все это написано у меня на лице...

Или же они смотрят на нас не из-за меня. Их взгляды прикованы к Картеру, который здесь новичок, при этом шикарный парень.

Я чувствую странную смесь из собственнического инстинкта и беспокойства.

— Я иду к Брэду, — мне не терпится хоть немного отстраниться от него; в офисе полным полно зевак. — А у тебя как прошла встреча?

— Еще не знаю, — отвечает он. — Была назначена на восемь, но отложились. Так что я иду туда сейчас. Только что поговорил с Кайли.

И только в этот момент я замечаю помощницу Брэда Кайли, стоящую от нас в паре шагов и как ни в чем не бывало рассматривающую задницу Картера. Встретившись со мной взглядом, она подходит ближе. Когда Картер ей улыбается, она улыбается в ответ, а по шее и щекам разливается румянец.

Вот это я называю прямым ударом. В голове зудит пугающее предчувствие беды.

Покашляв, Кайли обходит нас, ведет к кабинету Брэда и останавливается у двери.

— Можете входить, — ее улыбка Картеру длится дольше нормального, что выглядит реально странно. Или это только кажется странным, поскольку рядом нахожусь я, таращась на нее, словно своими взглядами на него она нарушает закон. — Он ждет вас обоих.

— Прошу прощения, Кайли, — говорю я, — ты сказала, он ждет нас обоих? То есть... вместе?

— Все верно.

— А ты знаешь, почему? — память подсовывает мне образ члена Картера в моей руке. Он кончил мне на...

Я трясую головой. Брэд никак не смог бы об этом узнать, но это единственная причина, которая приходит мне на ум.

— Не-а, — она смотрит то на меня, то на него. — А что, есть проблема?

— Никаких проблем, — Картер жестом дает мне понять, чтобы я заходила. — Спасибо, Кайли.

— Всегда пожалуйста, — она поднимает два больших пальца вверх и шепотом добавляет: — Ты справишься!

Вселенная, ты что, издеваешься надо мной?

Неловко покашляв, Картер держит взгляд опущенным, пока я прохожу мимо него, после чего мы оба оказываемся в кабинете Брэда.

Вокруг Брэда всегда есть эта аура — ну, та, которая дает понять, что он чуточку лучше, в разы умнее и гораздо сильнее связан с этим городом, чем его собеседник. Еще он большой мастер запугивать людей, когда смотрит прямо на тебя во время разговора. Если же настала ваша очередь говорить — и если вы достаточно важны, чтобы он вообще стал слушать — то он будет слушать так, будто вы самый интересный человек на свете. Но будьте готовы: начав, вы должны точно понимать, о чем хотите сказать. Если вы в его кабинете, и разговор закончен — уходите быстро. Вежливые разговоры ни о чем он не практикует, а сплетнями не интересуется.

Но едва Картер переступает порог его кабинета, из-за стола, чтобы поприветствовать его, поднимается Брэд Кингман, которого я ни разу не видела.

— Картер, — широко улыбаясь, говорит он. Обойдя стол, протягивает ему руку. — Рад знакомству, сынок.

Сынок?

Застигнутый врасплох и чуть было не попятившийся, Картер быстро берет себя в руки.

— Я тоже рад знакомству, — отвечает он. Развернутые плечи, высоко поднятый подбородок, крепкое рукопожатие. Картер выглядит спокойным.

Неплохо подготовился, молодец.

Хлопнув его по спине, Брэд жестом показывает ему на стул напротив рабочего стола. Потом поворачивается ко мне и говорит:

— Иви, тут был настоящий сумасшедший дом, да?

Он пододвигает мне второй стул, и я улыбаюсь в ответ.

— Еще какой.

Обойдя свой большой и дорогой стол из дерева ореха, Брэд какое-то время рассматривает нас.

— Вы знакомы?

Посмотрев на Картера, я вымученно улыбаюсь.

— Да, знакомы.

— Видишь, об *этом* я всегда и говорю, — говорит Брэд. — Команда. Картер, я хочу, чтобы ты знал, что Иви здесь стала моей младшей правой рукой. Если у тебя возникает любой вопрос и любая просьба, Иви — наша главная девочка, к которой ты должен обратиться. Понимаешь?

Я чувствую, как начинают гореть щеки от такой смеси комплимента и подчеркнутого отношения с высока.

— Конечно, — бросив на меня немного смущенный взгляд, отвечает Картер. — Я знаю ее как готовую помочь.

Постучав костяшками по столу, Берд откидывается на спинку своего кресла.

— Рад слышать. Итак. Если бы я хотел догадаться, что происходит этим утром в ваших головах, то сделал бы предположение о недопонимании происходящего. Я прав?

— Совершенно прав, — со смешком отвечает Картер.

— Это я понимаю. Правда, — Брэд подается вперед и складывает руки перед собой на столе. — Иви попозже расскажет тебе, что я имею в виду, когда говорю о команде. А здесь, в «Прайс&Дики», мы сильны ровно настолько, насколько силен наш самый слабый игрок. Верно, Иви?

— Верно, Брэд, — сквозь зубы соглашаюсь я.

— То есть мы хотим, чтобы каждый игрок блистал. Я позвал вас сюда вдвоем по нескольким причинам. Во-первых, считаю вас обоих лучшими из всех. Я слышан о тебе, Картер. Поэтому и притащил тебя из TV-Lit: твое место здесь, в Features. А вдвоем вы поднимете наш отдел на прежнюю высоту, — он достает из стопки два нижних файла и один из них открывает.

— Ты начал в качестве технического сотрудника по финансовым вопросам в рекламном бутик-агентстве в Нью-Йорке? — спрашивает Брэд, и Картер кивает. — И чему ты там научился?

Поерзав на стуле и глянув на меня, Картер возвращается вниманием к Брэду. Я не знала об этом.

Очевидно, есть немало всякого, о чем я не знала. Вот, например, номер один: узнавать подробности о своем потенциальном бойфренде во время недвусмысленного допроса с пристрастием в кабинете босса.

— Конечно же, я слышал немало сплетен, — говорит Картер и расслабленно улыбается. — Там работали агенты, которые говорили и вели себя так, словно все всех касалось.

На мой вкус, он словно зачем-то обесценивает себя и по-прежнему не раскрывает карты. И если я не ошибаюсь, Брэд это тоже понимает.

— И все? — интересуется Брэд.

Картер секунду медлит.

— Это был хороший способ узнать, наблюдая со стороны, как люди справляются с давлением. Изучив реакции каждого, можно спрогнозировать, кто и как себя поведет, когда начнется полный пиздец.

Брэд улыбается, а поскольку я знаю Брэда, то могу сказать, он позабавлен небрежной способностью Картера ругаться. Кстати, он бы поморщился и отчитал меня, скажи я такое. Меня начинает подташнивать. Я знала, что Картер обаятельный, но втайне надеялась, что это всего лишь результат моего желания с ним переспать. Как видно, нет, потому что он и Брэда очаровал.

— Чтобы пробиться наверх, начинать нужно снизу, — кивая, говорит Брэд.

Картер улыбается, и его харизма словно брызжет в разные стороны.

— Что-то типа того.

Сделав пару замечок, Брэд поворачивается ко мне.

— Иви может уговорить кого угодно на что угодно. Тебе стоит перенять это умение, Картер. Много кто может быть хорошим агентом, но чтобы найти талант и тем более удержать его — на такое способен только особенный. У Иви случались неудачи, — он делает многозначительную паузу, — но по большей части она доказала, что заслуживает

своего места рядом с большими мальчиками. Черт, да она обучала нескольких лучших агентов в этом городе.

Прикусив язык, я молчу. Открыто расхваливать меня — это так непохоже на Брэда. Мысленно готовлюсь, гадая, к чему он клонит.

— Я уже сказал, что считаю вас лучшими, но все же должен быть честен. Сомневаюсь, что мы можем оставить обоих...

— *Что?* — одновременно восклицаем мы.

Брэд поднимает руки, давая понять, что еще не закончил.

— У вас сопоставимые зарплаты — поэтому я и вызвал к себе вас обоих — так что сомневаюсь, сможет ли «П&Д» себе позволить обновить два ваших контракта. Не в Лос-Анджелесе, по крайней мере.

Мы с Картером ошарашенно смотрим прямо перед собой. Я чувствую, как краснеет лицо, а в животе все завязывается узлом. Я старше Картера на пять лет и так или иначе занята в этом бизнесе с девятнадцати. Судя по тому, что видела, Картер, наверное, отличный агент, но в Лос-Анджелесе он всего два года, а в моем отделе вообще новичок. *Только что пришел* в буквальном смысле. Это в каком таком мире мы сопоставимы? Просто потому, что он мужчина? Не знала, что пенисы настолько ценны.

— Брэд... — с мрачным выражением лица начинает Картер. Я сжимаю руки в кулаки и заставляю себя сделать глубокий вдох.

— Еще точно не решено, что один из вас подвинет другого, — добавляет Брэд, — но буду честен: похоже на то. Нам всем нужно будет поработать и решить, кто лучше впишется в обновленную команду Features-отдела.

— Не понимаю, — говорю я. — «П&Д» одно из самых успешных агентств в стране. Почему нельзя оставить нас обоих? — бросив взгляд на Картера, я снова поворачиваюсь к Брэду. — Брэд, посмотри на мою прибыль, она превышает...

— За минусом одной маленькой кочки в виде твоего «Знаменательного дня», — высокомерно кивнув, добавляет Брэд, и я сажусь ровнее. Да пошел он! Какого хрена упоминать об этом сейчас? — Слушай, девочка. Простой факт: доходы кинобизнеса падают. А расходы на него растут. В ситуациях, подобных этой, и прибегают к сокращениям штата. Такие дела. Вы двое не единственные пострадавшие.

Я поворачиваюсь в сторону Картера. Он смотрит прямо на Брэда.

— Когда вы сказали «Не в Лос-Анджелесе», — осторожно начинает Картер, — это означает, что тому, чей контракт здесь не будет продлен, будет предложена должность в Нью-Йорке?

Брэд кивает.

— Конечно. Есть такая возможность. В идеале должны быть две позиции здесь, но об этом слишком рано говорить. Обо всем этом.

Мы оба молчим. Я смотрю в одну точку на огромной полированной деревянной поверхности стола Брэда. Жаль, что я не могу нажать на рисунок сучка, как на кнопку, и смыть всю эту ситуацию в унитаз.

— Чего я от вас обоих жду в краткосрочной перспективе, — привлекая мое внимание, говорит Брэд, — так это выбросить происходящее из головы. У каждого из вас пока что есть контракт с «П&Д», а потом мы их снова рассмотрим. Иви, у тебя осталось пять месяцев до истечения срока. С Картером мы заключили контракт на полгода. К моменту заключения нового места будет только для одного. Но при этом вы не конкуренты. Не совсем.

Слова «не совсем» — словно падающие с десятиметровой высоты кирпичи.

— Картер, познакомься с агентами, персоналом поддержки, — продолжает Брэд, привычно не обращая внимания на реакцию собеседников на свои слова. — Пообщайся с приехавшей сюда нашей командой из Нью-Йорка. Попробуй предвосхитить реакцию твоих прошлых клиентов и найди возможность оставить их у себя — и мы еще поговорим об этом на следующей неделе, — он поворачивается ко мне. — Иви, удержать твоих клиентов не будет большой проблемой, ведь они изначально были в «П&Д», поэтому я буду рад, если ты поможешь Картеру осмотреться и обо всем ему расскажешь. Может, познакомишь его с кем-нибудь из коллег или полезных контактов.

Мне становится дурно. Так же, как и в случае с Джоном Файнманом, Брэд заставляет меня поделиться с коллегой своими нелегко доставшимися контактами. И не просто с коллегой: с *Картером*, моим новым почти бойфрендом, с которым я «не совсем» буду конкурировать за рабочее место.

— Конечно, — отвечаю я. Ну а что еще я могу сделать?

— Картер, — поворачиваясь к нему, говорит Брэд. — Твоей харизмы более чем достаточно, чтобы захватить весь этот город, и я думаю, ты это сделаешь. Слушай Иви, учись у нее; она знает, о чем говорит. Считаю, что из вас — пусть и временно — получится замечательная команда, — откинувшись на спинку стула, добавляет он. — Постарайтесь увидеть все это в таком ключе.

Он улыбается, потом подается вперед и, опершись на сцепленные руки подбородком, терпеливо смотрит на нас холодным взглядом.

Брэд Кингман разговор с нами закончил.

Выйдя в коридор, каждый из нас изучает взглядом пол, стены, рабочие столы сотрудников в стороне. Кажется, нам не просто есть что сказать после встречи — нереально много есть чем поделиться. Но как ни странно, несмотря на удовольствие от встречи с ним, от воспоминаний о его поцелуях и его пенисе, Картер — это последний человек, с кем мне сейчас хочется разговаривать.

Я вижу, как он напряжен. В общем-то, мы оба напряжены. Но мне сначала нужно все уложить в своей голове, прежде чем начинать помогать ему осваиваться.

— Невероятно, — тихо присвистнув, замечает он.

— Согласна, — мне приходится заставить себя отвести взгляд от его напряженной челюсти.

— Когда я слышал о слиянии, мой самый большой страх был, что будет трудно работать вместе с моей недавно появившейся девушкой.

От его слов мое сердце ухнуло куда-то вниз.

— Но сейчас все это... — покачив головой, он проводит рукой по своим густым волосам. — Мне необходима эта работа. Я переехал сюда ради этой работы.

— А здесь вся моя жизнь, — напоминаю я ему. — И в «П&Д» я работаю уже пять лет. Я понимаю, что вся эта ситуация для тебя просто жуть, но я много работала над созданием связей в этом городе. Я строю здесь свою карьеру.

Твоей харизмы более чем достаточно, чтобы захватить весь этот город, и я думаю, ты это сделаешь.

Слова Брэда не выходят у меня из головы, и я сжимаю руки в кулаки. Брэд хочет, чтобы

Картер захватил город. И где при этом останусь я?

Когда он смотрит на меня, я замечаю вспышку раздражения в его зеленых глазах. Но он тут же прячет ее.

— Сейчас, наверное, не самое удобное время для разговора, — закрыв глаза, он делает несколько глубоких вдохов. — Слушай, это худшее, что могло с нами произойти, я это понимаю, — он кладет свою горячую руку мне на предплечье. — Но мы что-нибудь придумаем. Не беспокойся.

Его по идее ободряющие слова обеспокоили меня еще больше. Он прав, что ситуация не из лучших, но я не нуждаюсь в его покровительстве и уверениях, что все якобы будет хорошо, в то время как он знает о происходящем не больше меня. И уж тем более мне не нужно его успокоение, после того как он признался, как сильно ему нужна эта работа.

Больше не сказав друг другу ни слова, мы одновременно двинулись в разных направлениях: я чтобы попить воды в комнате отдыха, в то время как Картер пошел в сторону туалетов.

У меня в сумке с самого утра лежит батончик «Luna», но мой желудок, как оказалось, закрылся на переучет.

Чтобы помочь реорганизовать дела, «П&Д» вызвала из Нью-Йорка нескольких членов команды. И как и порекомендовал Брэд, я утром встретила со старшим агентом, с которой пересекалась несколько раз, — с женщиной, которой глубоко восхищаюсь. Ее зовут Джоан Симмс, и она настоящая акула. Начав с игрового кино, она переключилась на телевидение, но все равно знала всех и вся. На первый взгляд она казалась самым милейшим человеком на свете. Но переговоры вела «по-взрослому». Она моя Кэти Бейтс в «Жареных зеленых помидорах». Если встанете на ее парковочном месте, она врежется вам в зад без малейшей тени сомнения. А потом еще и подожжет.

Из ее временного углового кабинета открывается чудесный вид на центр города и горы вдалеке. Совсем недавно этот кабинет принадлежал Тому Хетчуму, главе юридического отдела «П&Д». Том с нами уже не работает.

Джоан жестом приглашает меня войти, пока сама заканчивает телефонный разговор, и я, встав у окна, пытаюсь успокоить колотящееся сердце. Мне нравится, какой вид на Лос-Анджелес открывается с этой стороны здания. Это напоминает мне, как много людей здесь живут, как много возможностей и места может каждый себе найти среди высотных зданий.

Я не то чтобы пессимист, но и не оптимист. Предпочитаю подождать, когда появится больше информации. Лучше девяносто процентов времени выждать, после чего наброситься как ястреб.

А прямо сейчас мне необходимо, чтобы Джоан закончила разговаривать и сказала мне, что все это чушь собачья и что все будет хорошо.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но она этого мне не сказала. Правда в конце встречи меня не покидала надежда. Джоан уморительно смешная, она любит свою работу. И она та женщина, которая никогда не позволяет мужским играм ей помешать. Она воплощает в себе ту, которой хочу стать я.

Мы поговорили о списке ее успехов, о моем и о том, куда бы он мог меня привести. Обсудили клиентов, которых я, скорее всего, получу от уволенных агентов, и о том, как умерить панику моих текущих клиентов, кто только что узнал. Наш с ней разговор похож на

долгосрочное планирование, и хотя я не работаю с Джоан, поскольку она живет в Нью-Йорке и работает в другом отделе, находиться рядом с ней вселяет надежду.

Под конец встречи я чувствую себя в миллион раз лучше относительно своего места здесь, и вообще — думаю, что мы с Картером найдем способ сделать так, чтобы все получилось. По крайней мере, я ощущаю себя нужной — и высшее руководство «П&Д» знает это.

Когда выхожу от Джоан, в коридорах стоит тишина, поэтому пользуюсь возможностью посидеть и проанализировать сегодняшнее утро. Чуть раньше я видела, как Картер заходил к Джону Файнману, и мне инстинктивно хочется дождаться его возвращения. После общения с Джоан мне гораздо лучше, и с некоторым оптимизмом я хочу настоять на разговоре с Картером. Но увидев его, тут же понимаю, что его встреча прошла не очень хорошо. Его походка не такая уверенная, как моя; он нравится мне еще больше. Мое нежелание переезжать в Нью-Йорк ничуть не больше нежелания, чтобы уезжал он.

— Как все прошло с Джоном? — спрашиваю я.

Он сухогато улыбается.

— Кажется, говорил в основном я.

Я смеюсь.

— Джон знаменит отнюдь не своими навыками переговорщика. Однажды я сидела рядом с ним за корпоративным ужином в честь Рождества. Скажу откровенно, по совершению сделок он мастер, но с общительностью... все хуже, — я отдаю себе отчет, что слегка помечаю свою территорию, подчеркивая знакомство с людьми, с которыми ему только предстоит наладить контакт. Наверное, стоит все же притормозить и побыть командным игроком — Картер здесь новичок, в конце концов. Поэтому решаю его ободрить: — Уверена, все прошло отлично. Готова поспорить, тебя все любят.

Какое-то время Картер молча изучающе смотрит на меня, и кажется, он раскусил мой маневр.

— Похоже, с Джоан у тебя встреча прошла хорошо.

Я с улыбкой киваю.

— А ты когда с ней встречаешься?

— На этой неделе.

— Хочешь пойти пообедать? — предлагаю я. — Могу поведать тебе все сплетни. Кто с кем спит и где спрятан хороший кофе.

Он хмуро смотрит в сторону, прищурившись в никуда.

— Думаю, я просто съем сэндвич и засяду за почту, — отвечает он. — Меня ждут миллион дел. Давай в другой раз?

Я знаю людей. И сразу же понимаю, когда нужно отступить.

— Хорошо.

Картер сжимает переносицу.

А когда поднимает голову, смотрит на меня со страдальческой улыбкой.

— Увидимся позже, ладно?

Развернувшись, он идет по коридору, и его осанка тут же меняется. Плечи ровные, а в этих темных брюках его задница выглядит просто потрясающе. Головы присутствующих поворачиваются. Наклонившись друг к другу, женщины обсуждают его, когда он проходит мимо. А все мое ликование от встречи с Джоан испаряется, когда я вижу то же, что и они: уверенность, харизма...

И готовность к соперничеству.

— глава девятая —

Иви

— Как тебе может не нравиться брюссельская капуста? — интересуется у Дэрил Амелия, держа вилку у ее сморщенного от отвращения лица. Мы устроили срочный сбор, с едой вместо напитков. Бывают люди, заглушающие стресс алкоголем. Ну а я едой.

Дэрил мягко отталкивает ее руку.

— Потому что они на вкус как задница.

— Я не против вкуса как задница, — говорю я. — Давай сюда ее порцию.

Амелия кладет мне на тарелку капусту.

— Поосторожней с такими выражениями.

— Кстати! Нам нужно было пригласить Картера, — говорит Дэрил. — Он милый и, наверное, в прострации не меньше нашего.

Отдел Дэрил был перетасован чуть иначе, чем Features. Увольнения есть и там, но Дэрил дешевле оставить, чем расстаться с ней. Так что как минимум на год она в безопасности.

Помотав головой, я проглатываю огромный кусок.

— Он *не захочет*.

До сих пор я поделилась с ними лишь основными моментами:

* я пряталась в офисе, боясь, что меня уволят;

* встречалась с Брэдом;

* решила, что меня могут и оставить;

* сюрприз! Оказывается, для нас обоих у компании есть только одно рабочее место;

* то есть уволят или меня, или парня, с которым я хочу переспать.

— А вы... Ну, *ты понимаешь*... — сделав рукой грубый сексуальный жест, Дэрил добавляет: — Несколько ночей назад...

— Говори уже как взрослая, Дэрил, — ворчит Амелия.

— Дошли до третьей базы, — отвечаю я. — И это был божественный опыт. *Оргазмус максимум*. Мы с моим покрывалом надеемся на повтор.

— И как теперь это будет? — интересуется Амелия. — Вы ведь не сможете и работать вместе, и спать вместе, так?

— Или же работать вместе не будете, а спать — да, — добавляет Дэрил.

— Замечательно! Вот только при таком раскладе один из нас станет безработным бродягой. А бездомное существование сильно снизит сексуальное влечение, — закинув кусочек лаваша в рот, я жую и размышляю. — На четверг назначена общая встреча, чтобы пройтись по списками наших новых клиентов. И после нее, судя по всему, нам нужно работать вроде как вместе, при этом помня, что одному из нас не продлят рабочий контракт. Встал вопрос про Нью-Йорк, но... не знаю.

Дэрил бледнеет.

— Ты что, *переедешь*?

— Черта с два. Но у «П&Д» мощные ресурсы. И я не хочу сжигать за собой мосты, пока не придет время.

— А у Картера тоже мощный «ресурс»? — многозначительно интересуется Дэрил, и Амелия дает ей «пять».

Экран моего телефона загорается, и мы втроем смотрим на высветившееся имя Картера.

— Вот черт, — шепчет Дэрил, — прямо как знает...

Я глаз не свожу с экрана.

— Может, ты ответишь уже? — говорит Амелия.

Поднимаю его и, махнув пальцем по экрану, говорю:

— Привет, Картер.

— Привет.

Я встаю и иду в тихий угол ресторана, к окну.

— Как у тебя дела? — спрашивает он.

Со смехом я провожу пальцем по подоконнику.

— Только что внимательно изучила меню закусок в Post&Beam, так что дела хорошо.

Картер тоже смеется, и сейчас я понимаю, как невесело и неловко мы себя ведем.

— Слушай, я был все еще под впечатлением от той встречи, и когда ты пригласила меня пообедать, ответил холоднее, чем собирался. Знаю, это безумие, но я не хочу, чтобы все это встало на пути того, что только-только начинается между нами, понимаешь?

Я киваю, но подбираю слова, чтобы ответить. Все стало так непросто.

— Понимаю, — наконец отвечаю я. — Мне понравились твои поцелуи.

— А мне твои, — какое-то время он молчит. — Думаешь, нам действительно придется сражаться за место?

— Брэд дал ясно это понять. Хотя не уверена, что нам нужно *именно* это. Возможно, у нас получится показать обоих незаменимыми.

— Давай для начала убедимся, что общаемся и понимаем друг друга, — предлагает он. — Если мы продолжим оставаться открытыми, то все будет хорошо, верно?

— Конечно! — вяло имитирую энтузиазм я, и после еще нескольких мало значащих слов мы договариваемся поговорить завтра.

Такое ощущение, будто мы стоим на палубе «Титаника», а он тонет и уверяет: «Я могу всплыть в любой момент».

Дата: ср, 14 окт, 05:03

От: Брэдли Кингман

Для: Эйми Миллер; Дадли Томпсон; Джон Фанйман; Тимоти Браун; Эндрю Мерфи
Картер Аарон; Ивлин Эбби; Роуз Маккалоу; Эштон Гарсия

Тема: Дэн Принтс

Особые отметки: СТРОГО КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

Команда,

вчера вечером я узнал, что Дэн Принтс покидает представляющий его интересы «Lorimas». Кто думает, что сможет его заполучить, дайте мне знать, я назначу встречу. Этот клиент может приносить нам \$5млн/год. Несколько лет назад Иви предложила его сценарий Альтерману, так что я склонен надеяться, что в этот раз он будет у нас. По всем вопросам заходите в 9 утра.

Дата: ср, 14 окт, 05:07

От: Картер Аарон <caaron@PriceDicklepartners.com>

Для: Брэдли Кингман

Копия: Эйми Миллер; Дадли Томпсон; Джон Фанйман; Тимоти Браун; Эндрю Мерфи
Ивлин Эбби; Роуз Маккалоу; Эштон Гарсия

Тема: Re: Дэн Принтс

Дай мне попробовать, Брэд. В Нью-Йорке у нас с ним есть общие друзья.
К.

Дата: ср, 14 окт, 05:08

От: Ивлин Эбби

Для: Брэдли Кингман

Тема: Re: Дэн Принтс

Буду счастлива продолжить работать с Дэном. У нас с ним отличные отношения, так что уверена, убедить работать с нами я смогу.

Спасибо,

Иви.

Дата: ср, 14 окт, 05:08

От: Ивлин Эбби

Для: Брэдли Кингман

Копия: Картер Аарон

Тема: Re: Дэн Принтс

Должно быть, мы с Картером ответили одновременно. И мы оба будем рады видеть Дэна в списках клиентов. Думаю, это хорошая возможность обсудить стратегии работы команды. Давай поговорим об этом сегодня?

Иви.

Дата: ср, 14 окт, 05:43

От: Брэдли Кингман

Для: Эйми Миллер; Дадли Томпсон; Джон Фанйман; Тимоти Браун; Эндрю Мерфи
Картер Аарон; Ивлин Эбби; Роуз Маккалоу; Эштон Гарсия

Тема: Дэн Принтс

Кто раньше встал, того и тапки, так что ты успел, Картер. Только что звонила Джоан. Дэна включают в «Список самых сексуальных мужчин планеты» по версии People — но официально еще не объявили. Он может стать для нас большим приобретением. Картер, Кайли назначила тебе встречу с глазу на глаз с Дэном на этой неделе. Отличная работа.

Брэд.

— глава десятая —

Картер

В четверг днем Майкл Кристофер сидит за столом во внутреннем дворике «П&Д». Солнце вовсю светит, а на голубом небе ни одного облачка. Когда я подхожу, он ест сэндвич с арахисовым маслом и желе.

Назвать текущую ситуацию напряженной — все равно что решить, будто Усэйн Болт быстро бежит. В то время как большинство топ-менеджеров, судя по всему, пребывают в восторге от слияния, ведь оно превращает «П&Д» в монструозный конгломерат, обычные сотрудники больше похожи на стайку напуганных птиц, поглядывающих друг на друга, будто каждый не только плетет заговоры сместить коллегу с рабочего места, но и его детей готов сожрать.

Ситуация с Иви немногим лучше. От начинающегося романа и одной из самых горячих ночей в моей жизни мы скатились в отрывочные разговоры в коридоре офиса. После нашего телефонного разговора вечером во вторник я надеялся, что мы объединимся и пообщаемся на этот счет, но она была так занята переговорами, что вчера я ее едва видел. Как и всю неделю.

Как бы мне ни хотелось думать, что перед Брэдом мы конкурируем на равных основаниях, реальность оказалась совершенно иной. Вряд ли я ошибаюсь, что я ему действительно понравился. Еще я чувствую между ними какую-то давнюю враждебность, при этом она работает с ним уже много лет. Не говоря о ее преимуществах в виде связей в Лос-Анджелесе. Еще Иви будто входит в некий круг избранных коллег. Так что готовиться к боевым действиям, надеясь при этом стать незаменимым...

Но разве мы не договорились работать сообща?

— Может, сядешь уже и поешь? — говорит Майкл. — А то мне понадобится драматин [препарат от укачивания — прим. перев.], если не перестанешь ходить взад-вперед.

Засунув руки в карманы, я подхожу и сажусь на скамейку рядом с ним. Он достает что-то из коричневого пакета вместе с упаковкой домашних картофельных чипсов.

— Ешь.

Передо мной сэндвич с виноградным желе, разрезанный по диагонали.

— Ты приготовил мне перекус?

Он пожимает плечами и продолжает есть.

— Я знал, что ты занят.

— Спасибо.

— Никаких новостей?

Во вторник с работы я направился прямиком к Майклу и Стефу и выложил им все, что знал про слияние, включая ту встречу, когда Брэд сбросил на нас бомбу. Им нечего было

сказать, и винить их в этом я не мог. Что ж, здравствуй, хреновое положение с еще более хреновым решением! После звонка Иви я решил остаться у них на сезон «Баффи» и сам не заметил, как умудрился сожрать весь пирог с кокосовым кремом.

— Никаких, — отложив еду и облокотившись локтями на стол, отвечаю я.

— Я, кстати, в курсе, что Брэд не любит Иви, — говорит Майкл, — и что он держит ее возле себя, будто во что-то играет.

Похоже на то, да.

— Он имел наглость поднять в моем присутствии историю с «Знаменательным днем». Подлю, как по мне, — застонав, я наклоняюсь и кладу голову на стол. — Она мне очень нравилась, Майкл. Нет, в настоящем времени: она мне *нравится*. Вот только нормального выхода нет, как ни крути.

— Знаю, старик, — он ободряюще сжимает мое плечо.

Выпрямившись, я смотрю на газон и на едушие по улице машины. Майкл молчит и тихо барабанит пальцами по своему бедру.

— Есть только один выход, — наконец говорит он. — Избавься от нее.

— *Избавиться?*

Он кивает и откусывает огромный кусок своего сэндвича.

Я в шоке таращусь на него.

— Это что еще за дебильный план? Она мне нравится!

Майкл молчит, продолжая жевать.

— Кроме того, — продолжаю я, — думаю, Брэд попытается навешать всех собак на нее, убедившись при этом, что я приперт к стенке. Никто не сочтет ее некомпетентной.

Он непонимающе смотрит на меня, что меня еще больше бесит.

— Тем более она твой друг, ты, сволочь!

Сунув чипсы в рот, он расплывается в довольной ухмылке.

— Господи, до чего же хорошо я тебя знаю. Ты такой бойскаут, Аарон. Просто хотел убедиться, что мы тут с тобой на одной волне.

Я хмуро смотрю на него.

— Благодарю бога, что принес с собой перекус, иначе вычеркнул бы тебя из списка тех, к кому можно обратиться за помощью.

Майкл смеется и вытирает рот розовой бумажной салфеткой.

— Слушай, тебе нравится Иви, а ты нравишься ей. Решать проблемы умеете вы оба, так что если кто и сможет сосуществовать бок о бок, — то это как раз вы. Покажи этим ребятам, что им нужны вы оба. Разве не этим занимаются агенты? Убеждать людей сделать то, в чем те не совсем уверены?

— Вообще-то, агенты делают прямо противоположное. Ты слышал хоть слово из того, что твоя жена рассказывает о своей работе?

— Не важно. Делай, что делаешь. Сохрани работу. Заполучи девушку.

Сняв пакет из-под чипсов, я бросаю его в него.

— Ты идиот.

— Заставь людей засомневаться.

Я встаю, собираю мусор и, подойдя к корзине, бросаю его в нее. *Сохрани работу. Заполучи девушку.* Майкл, может, и идиот, но часть меня хочет надеяться, что он прав.

После перекуса я возвращаюсь в офис, во всей скорбью распрощавшись с Майклом Кристофером и идеальным солнечным днем. Я все еще пытаюсь запомнить внутреннее расположение офиса, имена и должности, делая выводы, с кем и в какой степени мне стоит сблизиться.

Здание внутри пахнет свежей краской и средством для чистки ковров, и в сравнении с немного отвязным стилем «СТМ» а-ля 70-е, здесь все ощущается очень-очень новым. Звук моих шагов сопровождается гулом голосов, звоном телефонов и щелканьем клавиатур. В Нью-Йорке даже на двадцатом этаже был слышен шум машин. Под этот звук проходили переговоры и под него же каждую ночь все ложились спать. Он стал настолько привычным, что в отсутствии сигналов машин и сирен можно легко забыть о существовании автомобилей в принципе. Офис «СТМ» располагался недалеко от пожарной части, и мы так привыкли к звуку сирены или скрежету открывающихся ворот, что как ни в чем не бывало останавливались на полуслове во время совещания, после чего спокойно продолжали.

Здесь же гораздо тише — и от этого все внутренние звуки громче. Отсутствие уличного шума в современном здании с двойными окнами подчеркивает каждый шорох. И когда я вхожу в свой кабинет, не могу не отметить, что вид из окна тоже не мог бы отличаться еще больше.

Кабинет Иви прямо напротив по коридору, но ее сейчас нет на месте. Я заметил, что она любит общаться с клиентами, сидя на маленьком диванчике или кресле напротив, стоящими прямо за дверью. И если я наклонюсь к корзине для бумаг — не просто так, естественно, а чтобы выбросить что-нибудь — то мне станут видны ее ноги и как она сидит, скрестив их, или...

Мой новый помощник Джастин стучит в дверь, после чего заглядывает внутрь. Я унаследовал его после уволенного агента «П&Д», и это похоже на спасение бездомной собаки из приюта. Если он по-прежнему здесь, то, очевидно, на хорошем счету, вот только мы не совпадаем в рабочих ритмах. Он очень эмоциональный и из тех, кто в сообщениях будет присылать смайлы вместо слов и использовать слово «мы» при составлении списков дел.

В одиннадцать у нас звонок с Патрицией из Fox.

В час у нас ланч с Питером из юридического.

А здесь мы просто пометим, о чем будем говорить с Брэдом.

А еще он не Бекка. Я пошел на большой риск и спросил, есть ли хоть один шанс оставить ее и не сокращать; но нет. Видимо, слияния иначе не работают.

Бекка часто спорила со мной и была права в девяноста девяти процентах случаев. Щелкала пальцами у моего лица, если я отвлекался на что-то, и кричала на меня, если захламлял рабочий стол и кабинет пустыми кофейными стаканчиками. Бекка исправляла мои грамматические ошибки в заметках на стикерах. Бекка и ее совершенно нечитаемый почерк... Я скучаю по Бекке.

— Ты вернулся, — войдя в кабинет, говорит Джастин. Как и большинство здешних стажеров и ассистентов, он едва выглядел на возраст, позволяющий покупать выпивку, и был похож на модель.

— Привет. Да, — положив руки на пояс, я стою и осматриваю свой недавно обставленный кабинет. Он кажется пустым.

— Хорошо прошел ланч?

— Да просто встретился с другом.

— К нам заглядывали несколько человек, — он смотрит на свои записи. — Анджела из литературного. Эстер из юридического. И Эйми... — Джастин сделал паузу и прищурился. — В общем, тут длинный список из женщин.

— Слушай, — говорю я и иду к двери. Убедившись, что никого в пределах слышимости нет, я тихо ее закрываю. — Ты не знаешь, где Иви?

— Ивлин... Мисс Эбби? — уточняет он, и я киваю.

Выбежав из кабинета, Джастин возвращается секунд через двадцать.

— Джесс говорит, что у нее в обед встреча, после которой она еще не вернулась.

— Джесс?

— Ее ассистент.

— Ага, — я чувствую себя вывернутым наизнанку и хочу поговорить с Иви как можно скорее. Сегодня у нас обоих назначена встреча с Брэдом, чтобы пересмотреть списки наших клиентов, и я предпочел бы отправиться на нее единомышленниками, а не под гнетом недопонимания и неловкого молчания. — Сделай одолжение и дай знать, когда она вернется, ладно?

— У нас встреча с Джоан через пять минут, — напоминает он.

Я молчу несколько секунд, чтобы он сам услышал свои слова, но ему, похоже, плевать на свою назойливость.

— Спасибо, Джастин, — говорю я. — Как раз туда я и направляюсь. Просто отправь мне смс, если увидишь Иви.

Глаза Джастина округляются от перспективы такой четкой задачи, и на минутку я испытываю к нему сочувствие. Слияние и без того жуткая история, а уж иметь боссановичка вообще пытка.

— Конечно, — с горячностью отвечает он. — Буду держать ушки на макушке и напишу тебе, как только ее увижу! Удачной встречи, — развернувшись, чтобы уйти, он останавливается в дверях. — О, если ты не пересечешься с мисс Эбби, напоминаю, что в два у вас обоих совещание с Брэдом.

Забудешь такое, как же.

Идя к Джоан, я пытаюсь сохранять оптимизм. При обычных обстоятельствах моя уверенность в себе была бы беспредельной. Я знаю, что общительный и хороший коллега. Все, с кем я разговаривал в «П&Д», были доброжелательны, полны вдохновения и энтузиазма по поводу того, что я могу привнести в общую работу.

Джоан раньше работала в Лос-Анджелесе, но несколько лет назад переехала в Нью-Йорк и занялась телевидением. Ходили слухи, что ее переезд был связан с тенденцией Брэда занижать женщинам зарплату, а увидев, как он разговаривает с Иви, я склонен с ними согласиться. Учитывая то, что Джоан, как и Брэд, была старшим агентом, мне интересно, чье именно решение повлияло на переезд. Голливуд — это мир, где тебе в любой момент перегрызут глотку.

К сожалению, весь мой оптимизм быстро улетучился. Это вроде бы обычная встреча-знакомство, где Джоан должна была пройти по моему портфолио, которое нашла в интернете или о котором знает со слов Брэда. Но было ясно, что Джоан хорошо *знает* Иви. И так же ясно, что Иви ей *нравится*. В то время как с Брэдом в разговоре присутствовала некая грубоватость — на уровне «как мужик мужику», который лично мне не нравится —

здесь ничего подобного не было. Джоан говорила, как мне повезло работать с Иви, какой она высококлассный профессионал и как многому я смогу у нее научиться.

В принципе, до часу дня я слышал в основном о том, какая Иви замечательная.

Я почувствовал, что желудок ухнул куда-то под ноги, когда получил смс от Джастина по пути к Брэду. Он написал, что Иви пришла, бросила вещи и направилась напрямиком в конференц-зал.

Черт, с идеей сначала разработать стратегию приходится распрощаться. И у Иви вырисовывается явное преимущество. Не только потому, что она умная, красивая и круто делает свою работу, но и поскольку ее хвалит руководство. Между тем, эта работа создана словно специально для меня.

Завернув за угол, я сразу же вижу ее.

Сколько бы раз я ее ни видел, постоянно поражаюсь, насколько она великолепна — на расстоянии словно забываю об этом. Иви собрала свои темные волосы в высокий пучок. На ней юбка, облегающий вязаный жилет, а под ним блузка с длинным рукавом. Сажусь рядом, и мне стоит нечеловеческих усилий не позволить взгляду — или рукам — скользнуть по всей длине ее ног. Я представляю, как она будет выглядеть распластанной подо мной на этом столе или, может, прижатой к стене или к ок...

Сосредоточься, Картер. Все внимание на деле.

Если не считать коротких приветствий в коридорах офиса, то с того звонка во вторник мы не разговаривали. Понятное дело, все это очень странно, учитывая, что меньше недели назад я запустил руку в ее нижнее белье и всю строил планы на повторение удовольствия.

Поскольку Брэд к нам еще не присоединился, мы в конференц-зале одни, но на всякий случай я все равно говорю шепотом:

— Я тут подумал, может, нам встретиться сегодня вечером? Поужинаем. Разработаем стратегию.

Закончив что-то писать, она поднимает голову. Я завидую ее спокойствию, когда она смотрит по сторонам. Я сижу близко, но не слишком. Конечно же, не посягая на ее личное пространство, но давая понять, что она мне по-прежнему очень и очень нравится.

— Поужинаем? — переспрашивает Иви. Ее пульс заметно учащается, а глаза округляются, когда она смотрит на меня. — Ты хочешь со мной поужинать.

Ощущение — словно бросить горящую спичку в лужу бензина, но, даже понимая, что так не надо, я хочу наклониться к ней и прижаться ртом к шее.

— Да. Если ты не занята.

Сглотнув, я стараюсь смотреть ей в глаза, а не на губы. Потому что взгляд на них приведет к *воспоминанию* о том, как они ощущались, а потом и к новым фантазиям, а это плохая, очень плохая идея.

Иви достает телефон и открывает календарь, нахмурившись и листая запланированные дела.

— У меня в пять встреча. А что ты имел в виду под разработкой стратегии? Стратегии чего?

Как насчет тебя верхом на мне?

Словно специально выбрав момент, появляется Брэд. Он садится за стол, перекладывает несколько документов и смотрит на нас.

— Иви, Картер, как у вас дела? Играете по правилам?

Мне остается только гадать, совпадает ли внутренняя реакция Иви с моей: «Какого

хера?»

— Конечно, — хором отвечаем мы, и я чувствую, как под столом она еле заметно толкает мою ногу. Да, именно это нам и нужно. Противостояние «Мы простив них». Стать единомышленниками. Я сдерживаю улыбку. Мы справимся, в этом я не сомневаюсь.

Появляется Кайли, кладет перед ним стопку документов, и, надев очки, он открывает верхний.

— Хорошо, замечательно, — рассеянно отвечает он нам. Мы вполне могли бы ответить что-то вроде: *дела у нас очень даже дерьмово, Брэд. Ты заставил дергаться нас обоих. Неделию назад мы неслись на крейсерской скорости прямиком к умопомрачительному сексу, а сейчас пытаемся найти слабости друг друга, чтобы сыграть на них.* Наверное, и в этом случае его ответ был бы таким же. Брэд и правда мудака. Рад, что Иви скормила ему собачью еду.

— Сегодня мы поговорим о клиентах, — листая многостраничный файл, говорит Брэд. — Не обо всех. Сосредоточимся на самых крупных, — он смотрит на меня. — Картер, ты будешь работать с Дэном Принтсом, верно?

Я киваю.

— Уже нашел контакты его команды. Играем в телефонные догонялки.

Я чувствую, как Иви рядом ерзает на стуле, а в ее позе есть что-то... напряженное, чего не было секунду назад. Ее нога больше не прижимается к моей, а краем глаза я вижу, как она медленно обнимает себя руками.

Она... раздражена, что я взялся попробовать поработать с Дэном Принтсом?

Мысленно перебираю в памяти отправленные письма. Иви тоже отправила письмо, вызвавшись побороться за клиента, но Брэд передал его мне. В тот момент это была единственная переписка среди истерических сообщений в связи со слиянием, и сейчас я понимаю, что Иви, наверное, сочла мою активность закулисной возней.

Вот черт. Вот, значит, *как* это выглядело? Она теперь в ответ сделает то же самое?

Моргаю несколько раз, пытаюсь сосредоточиться, в то время как Брэд вовсю что-то говорит:

— ...предположить, что у тебя есть клиенты, которых ты можешь перетащить сюда из «СТМ», включая Эмиля и кого-нибудь еще, поэтому на данный момент я хочу, чтобы ты начал не спеша, давая всем понять, что ничего особенного не изменилось. Но добавить Дэна будет большой удачей, — повозившись в бумагах, он поднимает взгляд на меня, и я киваю. После чего он снова смотрит вниз. — Первый новый игрок в списке твоих клиентов «П&Д» будет Джетт Пэйн. Джетт начал с нескольких инди-сериалов, а потом — несколько лет назад — был вместе с ними внесен в список лучших по версии MTV. Его персонажа убили, когда ему было предложено участие в более крупном проекте, и, по моему мнению, он вот-вот взлетит. Твой телевизионный опыт тут сильно пригодится, но сначала обсуди его с Джоан. Она не раз помогала в таких случаях.

Он передает мне файл, и, пробежавшись по нему взглядом, я делаю пару заметок.

Дэн потенциальный крупный клиент, а Джетт подающий надежды. Пока неплохо.

— Следующий клиент для тебя, Картер, Джейми Хуан, всеми обожаемая звезда реалити-шоу, — невозможно не услышать насмешку в его голосе, но внешне я не обращаю внимания. В возрастном диапазоне от 18 до 29 лет реалити-шоу один из самых крупных рынков, а шоу Джейми стабильно входит в пятерку лучших. Она активно пользуется соцсетями, и если для случайных людей это ничего не значит, фанаты ее обожают. Один

мой друг недавно с ней пообщался и сказал, что она готова попробовать себя в кино.

— Менеджера Джейми зовут Элли... — Брэд копается в своих заметках, — Элли Брин. Она неплохо работает — Джейми быстро стала известной, и у нее большая онлайн-активность — но тупа как пробка, — Иви многозначительно покашливает, но, кажется, Брэд ее не замечает. — Элли держит ее в узде, и ее основная работа — заставить Джейми делать все, что тебе от нее понадобится.

— Понял, — отвечаю я и записываю имя Элли. Раньше я много работал с менеджерами. По большей части, они облегчают мою работу.

— Алекс Янг — один из наших крупных клиентов, Картер, и думаю, он хорошо пополнит твой список, — продолжает Брэд, и тут я чувствую, как ускоряется мой пульс. Алекс певец и композитор, чей набравший невероятную популярность дебютный альбом занял вторую строчку чартов в Великобритании, и у него есть все шансы стать супер-звездой и в США.

Мои ладони вспотели.

— Я отдаю его тебе, потому что в Нью-Йорке у тебя был опыт в музыкальном театре. Здесь ты будешь работать в сотрудничестве с командой, специализирующейся на музыке, и я тут тебя поддержу, но вокруг него вьется народ с целью проташить в большое кино. Лично я думаю, что никакой спешки все равно нет, и ты вполне можешь быть придирчивым. Поначалу у тебя будет меньше клиентов, чем у Иви, но, думаю, Алекс будет очень даже в тему.

Воспользовавшись моментом, я поднимаю взгляд от файла Алекса и смотрю на Иви. Она выглядит впечатленной. «Мы справимся», — думаю я. Наши сильные стороны дополняют друг друга, и мы сможем продать Брэду идею, что из нас выйдет отличная команда. В голове зарождается слабая, но безумная мысль, что если все пойдет как надо, то мы вдвоем можем стать неким особым подразделением.

— Скажи своему помощнику, чтобы прислал мне список твоих оставшихся после слияния клиентов, мы обновим его и пойдем дальше, — говорит Брэд, и, кивнув, я достаю телефон и строчу сообщение Джастину.

— Иви, — она садится ровнее, когда Брэд переключает на нее свое внимание. — Я знаю, что твой список прилично нагружен и что ты готовишь контракты для Адама Эллиота и Сары Хилл. Потрясающе, — он качает головой и нехотя добавляет: — В общем, я в восторге.

Это круто. И Сара, и Адам — звезды первой величины, и в индустрии далеко не новички. Брэд берет файл Иви и открывает его.

— Среди первых я дам тебе Мэриан Айзек.

Не хочу признавать, но моя первая реакция на эту новость — желание рассмеяться, поскольку Мэриан принесет тонну денег, но для Иви эта работа не будет похожа на пикник. Мэриан — модель, ставшая актрисой А-класса, которая для всех, кто с ней работает, становится сущим кошмаром. Требовательная, часто грубит фанатам и во время интервью, а о скандале с ее последним режиссером ходят легенды. Не удивлюсь, если кто-то из агентов отказался от нее, воспользовавшись всей этой историей со слиянием в качестве причины.

С непроницаемым лицом Иви кивает. Хочу отметить, она не выглядит особенно удивленной. *Иви может уговорить кого угодно на что угодно*, — вспоминаю я слова Брэда. Видимо, об этом он и говорил.

— От нее недавно отказался «Lorimas», — говорит Иви.

— Так и есть, — смеется Брэд. — В прошлом году она принесла им три миллиона, и тем не менее они отбросили ее как горячую картофелину.

— А кто был ее агентом? — спрашивает она.

— Чед, — с сардонической усмешкой отвечает Брэд. — Он был рад отказаться от нее.

— Даже не сомневаюсь, — Иви понимающе усмехается, а меня так и подмывает участвовать на равных в этом разговоре, чтобы перестать, наконец, ощущать себя новичком.

Вот только я понятия не имею, кто такой этот Чед.

Брэд наклоняется к ней и с уверенным кивком говорит:

— У меня нет ни капли сомнений, что ты с ней справишься.

Это как удар под дых.

И тут же становится беспокойно, потому что помимо ее основного списка и двух почти подписанных контрактов у нее теперь еще такая знаменитость — все эти трое принесут немалую прибыль.

И какого черта я начинаю считать, что зря схватил себе Дэна Принтса?

Снова подавшись назад, Брэд возвращается к лежащим на столе файлам.

— Едем дальше. Китон Эйвери. Уверен, ты помнишь ту его стычку с папарацци в прошлом году, поэтому хочу убедиться, что восстановлению имиджа ты выделишь особое внимание.

Иви перестает записывать и замирает, но не задает вопросы и не возражает. Китон снимался в фильме, в прошлом году выдвигавшемся на Оскара, и имеет все шансы стать всеобщим любимцем арт-хаусного кино.

Бля.

— Трент Ван, — продолжает Брэд. — Только что закончил сниматься в заключительном сезоне «Сгореть дотла», — чувствуя жар, я откидываюсь на спинку стула. В прошлом году Трент взял «Эмми». — Он надеется на большое кино, поэтому мы должны найти ему что-нибудь стоящее. И побыстрее.

Брэд достает последний файл из стопки Иви. Мое давление поднимается не меньше десяти единиц, пока я гадаю, кто там может быть.

— Ну и последний. Шеймус Астон. Ютьюбер.

Да черти всех раздери! Мои лежащие на коленях руки стискиваются в кулаки. Сев ровнее, Иви облокачивается локтями на стол.

— Кстати, Шеймус и Джейми снялись в новом фильме Скотта, так что вам обоим нужно согласовать промо-фотосессию. У канала Шеймуса семнадцать миллионов подписчиков и его поддерживает практически каждый первый миллениал, и он принял участие в создании одного из самых крупных кинопроектов будущего года. Но, — тут Брэд откидывается назад, — он просто *феноменальный* мудак.

«Тебе ли не знать», — думаю я.

В этот момент Иви наклоняется к своей стоящей в ногах сумке и достает небольшой тюбик с кремом для рук. Спрятав улыбку, я наблюдаю, как она выдавливает каплю крема себе на ладонь и начинает энергично его втирать.

— Без проблем, — говорит она.

Брэд в ответ широко улыбается.

— Рад это слышать, девочка. И рад, что ты принимаешь этот разговор так близко к сердцу. Настоящий командный игрок.

У Иви репутация агента, всегда сохраняющего спокойствие и имеющего способность

управляться с самыми капризными звездами, но тут есть что-то еще. Брэд с ней такой милый, так помогает ей добраться до вершины. Он либо даст ей самой водрузить флаг, либо толкнет вниз.

— Понимаю, сейчас вы не на равных, — говорит он мне, — но Иви знает город и людей, и, как я уже говорил ранее, одно дело найти талант — и совсем другое удержать его.

— Согласен, — говорю я.

Да, у Иви больше контактов, опыта работы с игровым кино, и работает она в этом бизнесе на несколько лет дольше, чем я, но все это не обязательно делает ее лучшим агентом. Логика подсказывает, что в словах Брэда есть смысл. Но часть меня против воли ошетинивается.

Совещание закончено, и мы собираем вещи. От остатков моего оптимизма не осталось и следа. Да, мы можем работать как команда, и да, наши сильные стороны друг друга дополняют. Но хочу ли я всем и каждому демонстрировать, что учусь у нее и извлекаю выгоду из ее опыта? Из всех сил пытаюсь себя успокоить, но сердце бьется все чаще, и я едва смотрю в ее сторону.

Я притормаживаю, давая Брэду и Иви выйти первыми, но, впрочем, не удивляюсь, когда нахожу Иви ждущей меня в коридоре. Прислонившись к стене, она всего одним взглядом останавливает меня. В этой гонке у нее лучший старт, и она это знает.

— Что ж, это было интересно, — скрестив руки на груди, замечает она.

— Подходящее слово, да.

— Насчет стратегии, — глядя в сторону, говорит Иви. — Как я уже говорила, в пять у меня встреча, но мы можем пересечься после нее. Было бы неплохо все это проанализировать.

Блин.

Мое сердце отбойным молотком бьется о грудную кость; а в животе тяжело осело чувство вины.

— Знаешь, я чуть было не забыл, что пообещал Майклу присмотреть за Морган. У нее сегодня плавание; я отведу ее в бассейн и побуду с ней до его прихода.

— О, — она знает, что я вру. Совершенно точно *знает*. — Тогда в другой раз.

— Конечно.

Маску спокойствия Иви носит со всем мастерством, но я замечаю напряженность в ее глазах.

— Ты рад своему списку? — интересуется она, и по ее тону я понимаю, что на моем месте она не была бы рада.

— Ага, — отвечаю я. — В сочетании с уже имеющимся я буду прилично занят. А ты?

— Я в восторге, — широко улыбаясь, говорит Иви. — Даже рада, что ты забрал Дэна Принтса. Даже не знаю, смогла бы я найти для него время, имея Адама, Сару, Шеймуса...

Я молчу, пытаюсь сдержать первую реакцию: указать на ее пассивную агрессию. Но у меня не выходит.

— Ты *злишься* из-за моего письма Брэду про Дэна?

— Не злюсь, — спокойно отвечает Иви. Она злая на все сто процентов. — Просто смешно, что всего за несколько часов до этого назад ты позвонил мне и наговорил про открытость. После чего набросился на клиента, которого Брэд хотел отдать мне.

Это она серьезно сейчас?

От этой ситуации никто из нас не в восторге. И каждый довольно четко понимает

мотивы другого — по крайней мере, я так считаю. Я по-прежнему готов заниматься с ней сексом от заката до рассвета, но прямо сейчас, когда Иви смотрит на меня как на своего противника, я принимаю решение закрыть одну дверь, чтобы распахнуть другую. Оба моих желания удовлетвориться не могут. И если заполучить девушку не вариант, то хотя бы сохраню работу.

— Я по-прежнему за открытость, — говорю я. — Ты же получила копию моего письма, да? Там все написано предельно просто. Никто ни на что не набрасывался.

После нескольких секунд неловкого молчания Иви разворачивается и идет по коридору. А я продолжаю стоять и смотреть ей вслед, даже когда она завернула за угол и, наверное, зашла к себе в кабинет.

Ко мне подходит Джастин.

— Как все прошло? — махнув рукой в стороны конференц-зала, спрашивает он.

Положив руку ему на плечо, я выдаю лучшую из своих улыбок.

— Отлично, — отвечаю я. — Похоже, нас ждет немало исследовательской работы. Скажи-ка, что ты знаешь о Ютьюбе.

В то время как Джастин возбужденно что-то щебечет, у меня в голове начинает формироваться план. И хотя он ощущается несколько похожим на подковерную игру, я уже закусил удила. Мне необходима эта работа. И необходимо, чтобы все свершилось наилучшим для меня образом. Брэд может считать, будто Иви больше подходит на эту позицию, но это просто потому, что он не видел меня в деле.

Я как следует подготовлюсь и разузнаю побольше о своих *и* ее клиентах.

Черта с два я проиграю Злючке.

— глава одиннадцатая —

Иви

Дата: пт, 30 окт, 16:12

От: Кайли Солсбери

Для: Картер Аарон; Ивлин Эбби

Тема: корпоратив отдела

Привет, Иви, Картер!

Брэд попросил назначить вас обоих ответственными за проведение выездного семинара на озере Биг Бэр. Назначить его решено на 14–16 января. Иви в курсе, что последние два организовала я, потому дайте мне знать, когда мы можем встретиться втроем, чтобы обсудить формат, развлечения и прочие детали.

С наилучшими пожеланиями,

Кайли.

Прочитав письмо не меньше семи раз, я все равно сомневаюсь, что верно его поняла. Придя в кабинет к Дэрил, я показала его ей, чтобы убедиться в том же. Потом позвонила Амелии, и нет, мне не привиделось.

Разве мероприятие не отменили? Оно снова в расписании — и на этот раз все придумывают *старшие агенты*? У меня что, сердечный приступ?

Видимо, я все же жива. Вдобавок ко всему нам с Картером поставили задачу быть помощниками: организовать корпоратив.

Брэд тот еще тип.

Поскольку предложение исходит не от него самого, подтекст мне не ясен, но уверена, что тем не менее он там есть. Возможно, Кайли в прошлый раз где-то напортила. Но еще более вероятно, что это первый удар Брэда в этих Голодных Играх.

Прислонившись к двери Дэрил, я тру руками лицо.

— Это означает, что мне нужно будет с ним разговаривать, — говорю я. Две недели назад такая перспектива была бы куда более заманчивой, поскольку (давайте будем честными) я планировала пробраться ему в штаны. Но после того как Картер соорудил из себя обиженку — *Давай поужинаем, ой, нет, у тебя клиенты лучше, никакого ужина тогда* — я начинаю думать, что лучшей стратегией будет больше никогда не общаться с ним в стенах офиса.

Что... на удивление оказалось не так уж и сложно. С новыми клиентами и новыми коллегами мой график забит до отказа. За последние полторы недели я приезжала на работу к восьми и еще оставалась, когда офис становился безлюдным. У меня было девять обеденных переговоров и еще одиннадцать встреч после работы, и все это помимо основных рабочих часов. Так что Картера я едва видела. Разве что позволяла себе насладиться видом сзади, когда он уходил под конец дня...

Между встречами во время ланча и за пределами офиса у меня есть небольшое окно, поэтому я надеюсь поймать его на пару минут. Шансы наброситься на него под влиянием гнева или похоти одинаково высоки, так что решаю взыскать должок с Дэрил, который она схлопотала, кинув меня с вечеринкой у Стеф. Мне нужна компаньонка и свидетель.

Я самая лучшая в мире подруга, да.

Мы останавливаемся у двери его кабинета, и, подняв руку, я нерешительно стучу.

Вообще-то, Картер не из тех, кто работает за закрытыми дверями. Если судить по тому, что я видела, обычно он разговаривает с людьми в коридоре и иногда у себя в кабинете — одновременно с двумя или тремя агентами. Видимо, мы просто по-разному работаем: я стараюсь говорить строго по делу и быть дружелюбной, но не многословной, в то время как он бродит там и сям и болтает со всеми. Картера все любят. Я знаю, что на этой неделе он сильно занят, но все равно находит время поздороваться с кем-нибудь, остановиться и перекинуться парой слов.

От мысли, что мы могли бы дополнять друг друга, теплеет в животе.

Было бы так хорошо, если бы мы смогли сотрудничать.

Было бы настолько замечательно, не превратись он внезапно в соревнующегося засранца.

— А ну прекращай, — говорит Дэрил, и я поворачиваюсь к ней.

— Что прекращать?

— Ты дергаешься. А должна быть главной крутышкой. Крутые не дергаются. И не смотри на меня так; именно для этого ты меня с собой и взяла.

— Да. Точно. Хорошо, — закрыв глаза, я взываю к своей внутренней железной леди. — Я Ума Турман из «Убить Билла». Линда Хэмилтон из «Терминатор-2». Сигурни Уивер из «Чужих» — потому что, давайте начистоту, именно в этом фильме ей пришлось быть круче всех. Интересно, что сиквелы, где на самом деле...

— Сосредоточься уже.

Когда он крикнул: «Войдите», — я немного опешила от того, как звучит его голос — такой глубокий и тихий. Отличается от его обычного непринужденного тона. Я вспомнила, как звучал его голос, когда мы были в моей постели, и мне тут же захотелось как следует стукнуться о стену.

Вся эта ситуация стала бы много проще, если бы мне с равной силой не хотелось его поцеловать и ударить.

Открыв дверь, я вижу его сидящим за своим столом со всклокоченными волосами и перекошенными очками. Он выглядит непривычно потрепанным.

— Привет, Иви, — выражение его лица трудно понять. Удивлен, наверное. Нервничает? Есть немного. Это хорошо.

Картер смотрит мне за спину, туда, где Дэрил врезалась в меня.

— Спасибо, что предупредила, — бормочет она и потирает нос. Мне стоит быть поаккуратнее; она отдала за этот нос немало денег.

— Кажется, официально мы еще не знакомы, — говорит Картер, встает из-за стола и, обойдя его, протягивает Дэрил руку. — Картер Аарон. Новенький.

— Дэрил Джордан. Стрелец.

— А я Овен, — с хитрой ухмылкой добавляет он. — Знаешь ведь, да, что эти знаки зодиака максимально совместимы?

Милостивый Боже...

Дэрил довольно улыбается.

— Это очень хорошо, ведь ты теперь мой новый лучший друг, раз в курсе о таких вещах. Повернувшись к ней, я таращу на нее глаза. Предательница.

— Ни за что бы не подумала, что ты любительница астрологии, — говорю я, не решив, на кого из них первого злобно посмотреть. — Но читающий гороскопы Картер...

Твоя жаждущая соперничества Луна вытеснила мое Солнце счастья, придурок.

— Уже давно нет, — отвечает Картер, и выражение его лица снова становится серьезным. — Моя мама помешана на астрологии и каждое утро за завтраком зачитывала нам наши гороскопы. И когда я слышу, как кто-то их упоминает, начинаю тосковать по дому.

Вот же сукин с...

— В жизни не слышала ничего милее, — Дэрил им заметно очарована. Я совершила ошибку, взяв ее с собой. Интересно, сильно ли бросится в глаза, если я ее аккуратно выпихну в коридор?

— К сожалению, я вижу ее не так часто, как хотелось бы. Но надеюсь скоро увидеться — на праздники, например. В общем, неважно, — он поправляет очки, но не трудится привести в порядок волосы. Жестом пригласив нас сесть, он возвращается на свое кресло. — Я тут с головой погрузился в контракты. Что случилось?

— Полагаю, ты видел письмо от Кайли? — спрашиваю я.

Он мотает головой и поворачивается к компьютеру.

— Тебе тут нравится? — интересуется Дэрил. — Со всеми уже познакомился?

Я слышу двойной клик мышки, и он быстро оглядывает пришедшие письма.

— Да, — медленно говорит он. — Общаюсь, осматриваюсь. Многие поначалу скованные, но это преодолимо. В целом, тут неплохая команда.

Так же, как и я, он несколько раз перечитывает письмо, после чего смотрит на меня.

— Это вообще серьезно?

Пожав плечами, я отвечаю:

— Думаю, да.

— Брэд, что, решил, у нас мало дел?

— Или счел, что в прошлые годы Кайли наделала херни.

Картер с неодобрением смотрит на меня.

— Она молодец, Иви.

Дэрил щипает меня за руку, и, серьезно — *какого черта?* Мы будем сидеть и строить гипотезы, зачем нам это поручили?

Проигнорировав попытки Дэрил меня успокоить, я раздраженно смотрю на него.

— Не сомневаюсь. Может, просто корпоративы — это не ее?

Сдержанно усмехнувшись, Картер качает головой и снова перечитывает письмо.

— У тебя к ней несколько предвзятое отношение.

Я делаю несколько успокаивающих вдохов. За те две недели, что он здесь, видел ли он хотя бы одну проблему у меня с Кайли? Тогда с чего решил, что должен ее защищать от *меня*? Мой инстинкт говорит мне схватить степлер и запустить им в его голову. Хороший агент держит свой темперамент в узде, если только это не та ситуация, когда действительно необходимо выпустить ярость наружу. А лучший агент вообще не вспыльчивый, но может подогреть злость, когда нужно.

Тонкий момент, но принципиально важный. Я все еще работаю над тем, чтобы стать лучшей.

— Ладно, хорошо, — вырвав руку из хватки Дэрил, говорю я. — Вижу, ты перегружен работой. Могу все организовать и одна, если хочешь.

Дэрил мотает головой.

— Иви, не думаю, будто он говорил, что...

— Я не перегружен, — перебивает Картер.

— Ну еще бы, — многозначительно замечаю я, и его щеки краснеют от намека на меньший список клиентов.

Я оглядываю его кабинет. Здесь стало поживее. На стенах теперь висят изображения достопримечательностей Восточного побережья, его фото с клиентами, диплом и несколько оформленных в рамки копий его первых контрактов. В углу стоит цветок в горшке, а вместо дивана — два кресла с разноцветными подушками и пуф. Все смотрится очень уютно и выглядит местом, где хочется сидеть и общаться, заводить друзей или подписывать контракты.

Как, черт его побери, ему удастся управляться со всем с таким изяществом?

Я прихожу к выводу, что сейчас он ничего отвечать не будет, а Дэрил, похоже, решила больше не вмешиваться.

— В общем, — как можно беззаботнее говорю я. — Я зашла узнать, готов ли ты пообщаться по-быстрому с Кайли насчет корпоратива.

Молча встав из-за стола, он жестом предлагает мне идти к ней.

Хорошо, что нам хотя бы не придется изобретать велосипед — Кайли не говорит нам ничего, о чем бы я не знала. Этот корпоратив будет для Features-отдела и вспомогательного персонала. Будем выпивать, играть, потом снова выпивать. Послушаем скучные истории Брэда, где он главное действующее лицо, а потом снова выпьем. По сути это просто большая пьянка с несколькими командообразующими играми, которую организовать довольно

просто — учитывая, что у нас будет главный организатор, привлеченный со стороны. Так что мое раздражение немного рассеялось.

Трудно не заметить, что все внимание Кайли сосредоточено на Картере, пока она рассказывает об организованных ею мероприятиях за последние два года. Но винить ее я никак не могу. Мне тоже нравится смотреть на Картера. Но с тех пор как он сказал, будто я *предвзято* к ней отношусь — с чего это он взял? — я стараюсь смотреть на ее весьма заметную увлеченность им как можно более равнодушно. Раньше я бы отвлекла ее каким-нибудь вопросом, но поскольку нормальной ситуацию никак не назвать, а при наличии еды и выпивки на корпоративе обращать внимание на всякие детали все равно никто не станет, сильно напрягаться не буду.

Организация выглядит незатейливо, и мы уже готовы сворачиваться и расходиться по кабинетам, как вдруг Кайли останавливает нас и шепотом говорит:

— *Ребята.*

Мы оба поворачиваемся к ней лицом.

Она выглядит почти виноватой и смотрит по сторонам, чтобы убедиться, что никто не услышит.

— Все будет как обычно, но имейте в виду: те дни попадают на самую любимую неделю Брэда в году. Плюс это слияние. Плюс все смотрят на него и оценивают как руководителя. Поэтому он *очень* хочет, чтобы мероприятие получилось... особенно удачным. Договорились? — ее несмелая улыбка говорит нам, что она рада больше не отвечать за это сборище и что нас ждет кровавая баня, если мы что-нибудь испортим.

Кажется, Картер это тоже понял, потому что останавливает меня в коридоре.

— Сможешь найти время, чтобы обсудить это? — порывисто говорит он и выглядит так, словно ему дурно. — Знаю, мы оба заняты, но она дала понять, что нас ждет интенсивная подготовка, а я никогда не был на ваших выездных мероприятиях. Я могу высвободить середину дня, если нужно. Ну, и если ты сама можешь, конечно же.

Он еще не договорил, а я уже качаю головой.

— Я сегодня уйду пораньше, чтобы успеть на съемки и кое-кого поймать. И освобожусь примерно в районе семи, — сделав паузу, я гадаю, не придется ли потом пожалеть о своих следующих словах: — Давай в то время и встретимся? Если ты не занят.

— Идеально. Я перепроверю свое расписание и подъеду туда, где ты будешь.

На мгновение мне приходит в голову идея встретиться у меня дома, но отмечаю ее, поскольку это будет грандиозной ошибкой.

— Как насчет в стейкхаусе «ВОА» в половине восьмого? — предлагаю я.

Картер уже записывает в своем телефоне.

— В половине восьмого. Закажу нам столик и буду ждать тебя уже на месте. Спасибо, Иви.

Когда я приезжаю, Картер меня уже ждет, и хостес отводит меня к столику. Он успел переодеться и сейчас одет в белую рубашку и темные джинсы. Что оказывает на меня мгновенный эффект; потому что он выглядит как любой другой парень на улице. Рядом с ним сейчас и проще, и сложнее в одно и то же время. Проще — поскольку мне не нужно соответствовать его харизме, как это происходит каждый день в офисе. А сложнее — потому что он выглядит версией Картера под названием «Потенциальный Бойфренд». Это

невыносимо, что отношения между нами настолько натянутые.

Я сажусь, разворачиваю салфетку и кладу ее на колени.

Мы благодарим официанта, когда тот наливает нам воды.

К моему удивлению, Картер отказывается от коктейлей... в таком случае я тоже.

Озвучив нам специальные блюда, официант говорит, что вернется, после того как мы изучим меню. И настает тишина. В глаза бросается контраст между нашим первым ужином и этим. И чем дольше мы молчим, тем сложнее произнести хотя бы слово.

Надо было заказать коктейль.

Солнце начинает садиться, и я смотрю в окно на улицу, поражаясь тому, как тихо на этом перекрестке, когда закрылись офисы.

Глянув на него, я замечаю, что он смотрит на меня, потом резко переводит взгляд на меню. Его глаза такие яркие сквозь линзы очков. Я и забыла, какие они зеленые и насколько идеальный у него рот.

— Итак, — говорит он, и я понимаю, что на этот раз за подглядыванием поймали меня.

— Итак.

Он так внимательно на меня смотрит. Жаль, что у меня нет какого-нибудь специального кольца, читающего его мысли. Его губы складываются в понимающую полуулыбку.

— Как идут дела?

Я хохочу, и его улыбка становится шире, превратившись в искреннюю и глуповатую, вместо показной и профессиональной.

— Наверное, нам стоило заказать выпить, — замечает он.

Я так рада, что вернулась его легкость и откровенность, что чуть на валюсь всем телом на стол.

— Да, причем штук сто сразу, — я нервно поправляю лежащие у тарелки нож с вилкой. — Картер, — начинаю я, — я очень рада, что мы встретились. И думаю, мы во многом можем начать сначала.

Глотнув воды, он кивает.

— Я тоже рад. Но согласен не по всем пунктам. Кое-что было совсем неплохо.

Мое лицо горит под его понимающей ухмылкой.

— Согласна. Но хотя ситуация в офисе хреновая, думаю, мы все равно можем сработаться.

На его лице нарисовано сплошное облегчение, и он тянется через стол, чтобы взять мою руку в свою.

— Это точно. Мы можем и лучше.

— Я и правда думаю, что они могут оставить нас обоих. Чем больше наблюдаю, тем больше замечаю, как много балласта в нашем отделе... но это не *мы*.

— Я, понятное дело, здесь недолго, — говорит Картер и кивает в мою сторону, и я ценю это признание, — но да, согласен, — он наклоняется ближе. — Наши сильные стороны хорошо дополняют друг друга. А Роуз и Эштону будет лучше в Нью-Йорке. Они любят работать с театральными актерами, а те здесь появляются очень редко. Может, они бы переехали, если бы появилась такая возможность?

— Вот и я про это.

Согласие, пусть и по такому малозначимому пункту, сильно радует. Я чувствую, как меня снова наполняет нежность, а его улыбка становится еще более расслабленной. У

нашего столика останавливается официант, принимает заказ, и мы отпускаем наши руки, но едва он уходит, как снова смотрим друг на друга.

— Здесь есть немало хорошего, — тихо говорит Картер. — Мне нравится Features. Нравись ты. Терпеть не могу эту ситуацию, но мне вроде как нравится быть и в «П&Д».

— Я рада. Ты мне тоже нравишься.

— А той ночью я провел время с огромным удовольствием, — подавшись вперед и снова взяв меня за руку, добавляет он. — Кажется, я тебе об этом так и не сказал.

Я смеюсь в ответ, и его глаза округляются от удивления и удовольствия от этого звука.

— Я догадалась.

Он покашливает.

— Прости, если сложилось впечатление о подковерной игре, когда я вызвался работать с Дэном.

— Все нормально, — отвечаю я. — Мне нравится Дэн, я с ним раньше работала, но моему клиентскому списку он нужнее.

Он вскидывает бровь, и я тут же понимаю, как это прозвучало. Что такого в Картере, от чего я тут же начинаю с ним соперничать?

— Не хотела, чтобы это прозвучало так грубо, правда, — говорю я, на самом деле желая, чтобы он мне поверил. — Просто хочу быть честной. Думаю, ты без проблем подпишешь с ним контракт. Это же Дэн — тебе нужно просто позвонить ему и спросить, что ему нужно.

Выпустив мою руку, Картер делает глоток воды и качает головой. А с потерей физического контакта интимная атмосфера за столиком вмиг трансформируется в нечто противоположное.

— Дэн обо всем скажет, когда будет готов, — возражает он. — Я немножко в курсе правил игры. Ему нужно ощущение контроля, и позвонить ему означает быть чересчур напористым.

У Картера есть интуиция, но сейчас он ошибается. Сто процентов. Дэну нравится, когда за ним носят. Я работала с ним и знаю: он не любит звонить сам, ему нравится делать выбор — ответить или нет.

— Я просто считаю...

— Господи, Иви, просто позволь мне делать свою работу, ладно? — огрызается он.

Я открываю рот и после нескольких попыток тихо бормочу:

— Да, конечно.

По нему заметно, что он уже пожалел о своем тоне. Но поздно. Напряжение вернулось с удвоенной силой.

Приносят наш заказ, и мы, склонившись над тарелками, какое-то время молча едим.

Картер кладет вилку и подается вперед.

— Иви...

— Нет-нет, все нормально, правда, — нацепив лучшую из своих улыбок, говорю я, потому что совершенно не хочу, чтобы рядом со мной он начал контролировать каждое свое слово. Наша ситуация безвыходная: если я помогу ему, то потеряю работу. Если Картер перестанет драться за лучших клиентов, то работы лишится он. И поцелуи тут делу не помогут, как бы их я ни жаждала. — Ты прав. Я напористая. Делай, как считаешь нужным.

Картер кивает, и я решаю сменить тему.

— А теперь давай обсудим грядущую тусовку.

Ужин получился приятным, на что я и надеялась. Мы составили четкий план на январское мероприятие и составили каждому список мелочей, которые надо будет утрясти, прежде чем снова встретимся по этому поводу. Когда мы вышли из ресторана, слово за слово, и Картер рассказал мне историю, как Майкл решил подарить Стеф на их годовщину специальный набор для развратных гипсовых слепков, чтобы отлить форму его пениса, после чего изготовить игрушку для ее поездок. Но вместо этого она решила, что он намекает, будто у него рак, а фаллоимитатор будет напоминать ей о нем после смерти.

Я хохотала так сильно, что Картеру пришлось схватить меня за руку и держать какое-то время, иначе бы упала. Как же меня бесит, что он такой смешной. Но еще больше бесит потребность в его прикосновениях. Ненавижу всю эту ситуацию.

Отодвинувшись друг от друга, мы идем от Сансет в сторону Доэни. На улице тепло, но при этом нет того типичного для начала октября тяжелого тумана. Я поворачиваюсь к нему, когда он делает глубокий успокаивающий вдох.

— Хорошая погода, да? — говорю я.

Картер смотрит на небо.

— Интересно, буду ли я когда-нибудь жить там, где видны все звезды?

— Для этого есть отпуск.

Он ухмыляется.

— Отпуск? Was ist das? [«что это?» — перев. с нем.]

Я смеюсь в ответ.

— Да уж. В этом году нам обоим совершенно точно не грозит.

Его улыбка такая милая и немного грустная, но он быстро ее прячет. Показывая на холм, Картер говорит:

— В нескольких кварталах отсюда мой дом.

Я смотрю ему за спину и не поворачиваю голову в сторону, куда он показал. Там его квартира.

И его кровать.

У него дома я не была — ну, то есть, конечно же, не была: наши отношения длились всего одни *выходные*, если их так в принципе можно назвать. Но все равно это ощущалось более значимым событием в моей сексуальной жизни, чем было на самом деле. Не могу решить, к чему склониться: к внутреннему мотивирующему заявлению «Не сдавайся», или же к вызывающему жалость «Это унылое состояние твоей личной жизни».

Как бы то ни было, он упомянул о своем доме вовсе не для того, чтобы позвать меня к себе — мы оба прекрасно знаем, что этого не будет — и мы отчетливо понимаем произнесенное вслух: «При других обстоятельствах мы непременно занялись бы сегодня сексом». А учитывая то, что я уже знаю:

мы оба напряжены от всего происходящего;

Картер забавный и умеет меня смешить;

у Картера роскошный пенис,

— секс был бы просто умопомрачительным.

Но вместо этого, обнявшись и не сразу прервав объятия, мы расходимся в разные стороны. Глядя, как он поднимается по усаженному деревьями холму, я не могу понять, сегодняшняя встреча — это шаг вперед или в сторону. Стоит ли мне радоваться второму варианту? Картер пробуждает во мне множество эмоций — по большей части

положительных, и я в сотый раз проклиная наше с ним положение — но в следующий момент становится замкнутым и странным, за что я тут же хочу его придушить. Все, что мы можем, — это попытаться сделать все наилучшим образом. Мне нравится Картер, но вот она, голая правда: никто из нас двоих не стал бы работать агентом, если бы был замечен в любви приходить к финишу вторым. Подписанные контракты с Адамом Эллиотом и Сарой Хилл станут для меня важным успехом, а Картер чувствует его давление на себе. Так что естественно, он хочет заполучить Дэна. Может, мне стоит проявить эмпатию, и тогда однажды у нас получится стать друзьями?

Словно у вселенной есть чувство юмора, когда я сажусь в машину, на телефон приходит письмо от VIP-отправителя. Оно от Дэйва Сайруса, моего знакомого из Hollywood Vine.

Дата: пт, 30 окт, 21:42

От: Дэйв Сайрус

Для: Ивлин Эбби

Тема: Дэн Принтс

Иви,

слышал тут, что Дэн вот-вот попадет в твой список. Это как минимум круто. Рано или поздно узнают все, но я бы дождался бомбы. Пресса на мне. Дай знать.

Дэйв.

Застонав, я откидываю голову на подголовник и закрываю глаза. Грандиозно. Дэйв где-то услышал, будто я Дэн собирается подписать со мной контракт. И готов осветить эту новость в самых популярных изданиях — в том числе онлайн. Это будет отличной рекламой Дэну, мощным стимулом ему присоединиться к «П&Д».

Я уверена на все 98%, что прямо сейчас могу позвонить Дэну, узнать, чего он хочет, и убедить его присоединиться к моему списку.

Но не могу.

Потому что я не подлая тварь.

Дата: пт, 30 окт, 21:47

От: Ивлин Эбби

Для: Дэйв Сайрус

Тема: Re: Дэн Принтс

Дэйв, как бы тяжело мне ни было признавать, но предполагается, что контракт с Дэном подпишет коллега, и совесть мне не позволит увести его. Ты сделаешь мне огромное одолжение, если перешлешь это предложение ему. Его зовут Картер Аарон. В «П&Д» он недавно, но мы были рады заполучить его благодаря слиянию — он блестящий профи. Я твоя должница.

Его почта saaron@PriceDicklepartners.com.

Иви.

Дата: пт, 30 окт, 21:59
От: Дэйв Сайрус
Для: Ивлин Эбби
Тема: Re: Дэн Принтс

Размякла на старости лет?

Шучу. Конечно, я свяжусь с Картером. Напиши, когда будет время встретиться и выпить.

Дэйв.

— глава двенадцатая —

Картер

Это что, шутка такая?

С приоткрытым ртом и стекающей по подбородку зубной пастой я таращусь в свой телефон, до тех пор пока экран не гаснет. Сплюнув остатки пасты в раковину, снова открываю почту. Невероятно. Дэйв Сайрус хочет поговорить со мной насчет Дэна Принтса.

Тут же отвечаю ему, что готов пообщаться, и присылаю все свои координаты. Hollywood Vine объединил в себе все голливудские периодические издания; с таким козырем в рукаве возможности заполучить Дэна увеличиваются. Контракт с Дэном и информация об этом в прессе — это будет отличное начало моей работы в «П&Д». И на многое повлияет.

Иви права; время действовать.

Я разузнал побольше о Дэне Принтсе. Он предпочитает сам задавать тон беседе, несмотря на то, что окружил себя друзьями еще со времен школы, влияющими почти на все его решения — по слухам, это была причина постоянных ссор с его последним агентом. Он сожалеет, что на сегодняшний день его крупнейшая роль — путешествующий во времени мститель, но ему хватает ума не говорить об этом на интервью. Я теперь знаю, с кем он встречался, какую музыку слушает, и что в своих твитах постоянно путает слова «твой» и «твои». В прошлом году Дэн спал со своей партнершей по съемкам, которая на сегодняшний день уже его бывшая жена. А когда ему было двадцать, провел неделю в борделе Вегаса. При этом никогда не опаздывает, всегда вежлив во время интервью, а на съемочной площадке с ним нет проблем.

Часть этой информации кому-то может показаться неважной, но я не заработаю денег, если мои клиенты не будут завалены работой — что почти нереально, если актер сущий кошмар, и с ним никто не хочет иметь дела.

Сейчас суббота, но поскольку в городе я все еще новичок, то несмотря на закрытый офис, такого понятия, как выходной, для меня не существует — даже в Хэллоуин. Тем более учитывая письмо Дэйва. Так что решить вопрос с Дэном Принтсом мне нужно прямо сейчас.

Глянув на часы, я вижу, что сейчас всего начало десятого утра, а значит, у меня море времени для звонка Дэну, прежде чем отправлюсь на бранч с вице-президентом по развитию из Paramount.

В обычной ситуации я бы дал задание Джастину организовать звонок, но сейчас не могу ждать. После первого же гудка кто-то отвечает хриплым голосом:

— Телефон Дэна Принтса.

— Это Картер Аарон...

— Картер, привет. Я Кaleb, менеджер Дэна.

— Кaleb, а я тебя помню. Мы встречались в Нью-Йорке, выпивали в том местечке...

— В Бруклине, да! Вспомнил. Я надрал тебе задницу в бильярде.

— Надрал. Вот же маленький жулик. До сих пор не уверен, что созрею до реванша.

— Это правильно, — я слышу, как он хлопает в ладоши, и понимаю, что попал в десятку. Кaleb имеет огромное влияние на Дэна, и заручиться его поддержкой — еще одно очко в мою пользу.

— Слушай, Кaleb, я бы хотел пообщаться с Дэном.

— Он сейчас на площадке — досъемки и прочая хрень. Но я скажу ему, что ты звонил. Уверен, он будет рад.

Я победно вскидываю руку вверх.

— Спасибо тебе огромное. Дай ему знать, что я свободен все выходные и что не обязательно ждать понедельника.

— Конечно. Держись подальше от бильярдных залов, — смеюсь над собственной шуткой, говорит он.

Когда звонок завершается, я улыбаюсь.

За сорок пять минут проехать расстояние меньше десяти километров, да еще и в субботу? Помогите, кто-нибудь!

В Нью-Йорке машин не меньше, то там хотя бы есть автобусы и метро, плюс можно пройти *пешком*. Пользоваться общественным транспортом было так же удобно, как и личным. В Лос-Анджелесе в черте города общая протяженность дорог составляет почти 300 километров, а общее расстояние уличного покрытия около 10000 километров — я гуглил — и нескончаемые пробки.

Так что телефонный звонок застает меня посреди затора на бульваре Сансет. Подпрыгнув от неожиданности, я отвечаю по Bluetooth, надеясь, что звонит Дэн, но это мама.

Я отвечаю, потому что такое не откладывать.

— Привет, мам.

— Как твои дела, детка? Ты в машине?

— Да. У меня встреча за завтраком, а я застрял в пробке. Так что не знаю, как долго смогу разговаривать. Жду важного звонка. Поэтому могу переключиться на него.

— В субботу?

— В субботу, — отвечаю я, уже зная, что будет дальше.

— Будь у тебя нормальная работа, в субботу у тебя был бы выходной.

Ничего не ответив, я потираю лоб.

— Ты ждешь звонка от Джоны? — спрашивает мама.

Я делаю паузу, растерявшись на мгновение.

— Нет. С чего бы ему мне звонить?

В ответ она молчит, и хотя поздноватое, но я понимаю, о чем она думает — «*С того, что он твой брат и вы живете в одном городе, не говоря уже о том, что я тебя попросила с ним связаться*». Вместо всего этого мама говорит:

— Я ничего не слышала о нем неделю, а телефон он не берет. Звонки перенаправляются на то отвратительное сообщение.

Я улыбаюсь, потому что его немногословное приветственное сообщение на голосовой почте просто дикое: *«Ну, да, это Джона. Дальше сами разберетесь, что делать»*. Ужасно приятно осознавать, что даже наша заботливая мама хочет дать ему по лбу.

— Уверен, он перезвонит тебе, как только сможет, — говорю я. — Ты же сама мне постоянно говоришь, что он вечно занят.

— Это другое, — напряженным голосом возражает она. — Он никогда не приезжает, но на звонки отвечает всегда. Я набирала ему четыре раза, а сейчас звонки вообще не проходят — сразу же идут на голосовую почту. Твой отец так беспокоится, — и тут на заднем плане я слышу крик отца: — Ничего подобного, Дина!

Я делаю глубокий вдох.

— Мам, что ты хочешь, чтобы я...

— Хочу, чтобы ты ему позвонил, — перебивает она, — и если он и тебе не ответит, чтобы съездил к нему и проверил, все ли с ним в порядке.

Я бы предпочел ответить ей, что — ну, вот честно — у меня совершенно нет времени ехать сегодня в Малибу. Но уже вижу несколько ходов наперед, как в шахматах: она непременно и в подробностях расскажет, что у нее самой тоже не было времени вынашивать меня девять месяцев, но она все равно это сделала. Или что у нее не было времени стирать наше белье, готовить нам еду или выбрасывать кое-что чудовищное, найденное в ванной, но и тут она не справилась.

Поэтому делаю ход конем.

— Возможно, его вообще нет в городе...

— Картер.

— Ладно. Послушай меня. Я набираю ему сейчас и присоединяю к разговору тебя. Сможешь накричать на него сама.

Движение застопорилось наглухо, поэтому я набираю брата, не отключая мамин звонок. Голосовая почта.

— Да, не отвечает, — говорю я маме и откидываю голову на подголовник сиденья. Отсюда мне никак не выбраться, с тем чтобы успеть вовремя приехать на встречу. И если он в пьяной отключке, я его прикончу. — Сейчас все утрясу и поеду к нему.

— Спасибо, милый.

— Без проблем, мам.

— Дай тогда мне знать, как что-нибудь станет ясно, ладно? И там у него ворота, сейчас я тебе пришлю тебе код.

— Хорошо, — проведя рукой по лицу, отвечаю я.

Без особых проблем мне удалось перенести встречу. И так появилась куча свободного времени.

Малибу находится почти в пятидесяти километрах к западу от Беверли Хиллз, и туда я доехал за час. Большую часть дороги созванивался с разными людьми и прикидывал, как укокошу братца, в случае если появлюсь у него, а он жив-здоров. Сворачиваю к Латиго Каньону и еду по двухполосной дороге, с обеих сторон которой стоят грядой холмы, густо усаженные чапаралем, и крутые лесистые ущелья с видом на океан на каждом повороте.

Дома здесь огромные и построены на приличном расстоянии друг от друга. Большинство скрыты от глаз деревьями и высокими заборами.

Останавливаюсь у ворот Джоны и ввожу код на устройстве с подсветкой. Причудливые металлические ворота открываются, и впереди видна длинная подъездная дорожка, в конце которой на вершине холма дом с терракотовой крышей. Я уже и забыл, насколько подчеркнуто большой этот дом. Два этажа, белые стены с лепниной и площадь не менее пятисот квадратных метров. Моя квартира вместе с парковочным местом уместятся у него в передней.

За углом дома, возле гаража, я замечаю перед Рендж Ровера Джоны. Ему и в правду лучше быть мертвым.

Когда выхожу из машины, океанский ветер треплет волосы и одежду. Широкая дорожка ведет к бетонной лестнице и массивной двойной двери, в которую я стучу два раза, после чего оглядываюсь по сторонам. С близкого расстояния дворик выглядит менее опрятно, чем я ожидал. В клумбах, обрамляющих лужайку, которую давно пора постричь, завяли цветы. А еще вокруг очень тихо. Сейчас, конечно, рано, но все-таки не слишком. В прошлый мой приезд возле бассейна грохотала музыка и повсюду были признаки жизни. Туда-сюда слонялись люди и подъезжали машины. Я видел садовника, чистильщика бассейна и домработницу. А сейчас из дома не доносится ни звука.

Может, это все гены моей чрезмерно остро на все реагирующей матери, но меня охватывает тревога.

Я возвращаюсь к машине, чтобы позвонить... не знаю — хоть кому-нибудь — когда открывается входная дверь. Вышедший парень ниже Джоны, но загорелый и в хорошей форме, что часто бывают у тех, кто много времени проводит на открытом воздухе. На нем только шорты — один из признаков небрежности и уверенности в себе.

Понятия не имею, кто он.

— Привет, — говорит парень, приветственно помахав рукой с куском пиццы. — Раз проехал сквозь ворота, то могу предположить, у тебя есть право тут находиться.

— Наверное, да, — отвечаю я и оглядываю дом в поисках номера, гадая, как такое могло выйти, что я ошибся и приехал не туда. — Я Картер. Джона тут?

По лицу парня понятно, что до него дошло.

— Ты его брат! Мужик, вы оба так похожи!

Поправив очки, я прячу раздражение.

— Так он дома?

Он оглядывается через плечо.

— Кажется, он в патио, — отвечает он и жестом зовет меня войти в дом.

Внутри обилие белого: белые полы, стены и лестницы. Но еще больше пустого пространства. Мебели почти совсем нет.

— Я вроде бы не расслышал твое имя, — говорю я, следуя за незнакомцем в огромную гостиную — по площади равную моей сегодняшней и предыдущей квартиры вместе взятым, плюс большей части дома Майкла Кристофера. Через кухню мы идем к задней двери. Пиццо-шортовый парень примерно моего возраста, с вьющимися темными волосами и улыбочкой, которую меня так и тянет стереть рукой. Я бы сказал, что днем он «актер», а по вечерам подает напитки.

Или вообще... альфонс.

Стоя сейчас рядом с незнакомцем в пугающе пустом доме Джоны, я понимаю, что

совершенно не знаю собственного брата.

— Я Ник, — остановившись у задней двери, говорит парень. — А Джона вон там.

И да, точно, вон он, сидит в шезлонге в джинсах и кожаной куртке рядом с громадным бассейном.

— Спасибо, — благодарю его я и выхожу на улицу.

Вид просто захватывает дух, и я прекрасно понимаю, почему Джона купил этот дом. Он расположен достаточно высоко, чтобы горизонт простирался до самого океана — будто от одного конца земли до другого. Вокруг растут высокие пальмы, и повсюду невероятно много свободного *пространства*.

Но даже когда вижу своего потерянного братца, ощущение, словно что-то не так, только нарастает. Бассейн будто наполнен мертвой водой, на поверхности плавают листья, а горшки для цветов пустуют. Патио знавало и лучшие свои времена.

— Привет, — говорю я, когда Джона по-прежнему меня не замечает. — Ты ведь знаешь, да, что на улице не меньше двадцати градусов?

Повернувшись, он смотрит на меня через солнцезащитные очки.

— Что ты тут делаешь?

— Меня мама прислала. Сказала, ты не отвечаешь на ее звонки.

Джона снова смотрит перед собой.

— Да. Я не знаю, где мой телефон.

Я сажусь на соседний шезлонг.

— А разве он тебе не нужен? Ну, там, не знаю... по работе?

Взяв со стеклянного столика бутылку пива, он делает большой глоток. А ведь на часах еще нет и одиннадцати. Я решаю попробовать зайти с другой стороны.

— Кто там был? — спрашиваю я. — В доме.

— Ник, — отвечает Джона и делает еще один глоток.

— Я уже знаю, как его зовут. Я про то, что он тут делает. Он здесь живет?

— Ага.

Я подаюсь вперед и облакачиваюсь локтями на бедра.

— Он... бойфренд?

— Чей бойфренд? — щурясь от солнца, переспрашивает он.

— Ну... твой.

Джона поворачивается ко мне всем телом и смотрит на меня поверх очков.

— Чувак, мне плевать, с кем ты спишь, — пожав плечами, продолжаю я. — Хотя такие темы мы все равно не особо обсуждаем. Но ты однажды отрезал резинку от моих трусов, когда я выпил твой апельсиновый сок. Выбросил всю мою одежду, когда я передержал ее в сушилке. И был готов убивать, в случае если кто-то ходил дома в обуви. О чем еще я мог подумать, увидев, что у тебя дома живет мужик? С тобой ведь жить — проще застрелиться. Поэтому это самая очевидная версия.

Он снова откидывается на спинку шезлонга.

— Люди меняются, знаешь ли. Со мной не так уж тяжело жить.

— Разве что совсем немного. Люди могут быть временно чему-то подвержены, но кардинально изменить свою натуру не могут.

— Ты так говоришь, будто моя натура — быть мудаком.

Я беру паузу на раздумья.

— Вообще-то, да.

Он смеется.

— А ты придурок.

— Так зачем тебе понадобился сосед? — спрашиваю я, но, оглядевшись по сторонам, начинаю понимать. — Все в порядке?

— Это что сейчас? Разговор старшего брата с младшим? — интересуется Джона.

— Я, конечно, заработал бы за это пару очков у мамы. Она сейчас, наверное, рассказывает соседям, что раз ты не берешь трубку, то тебя продали в бордель. Ты дашь ей знать, что жив-здоров?

В ответ он лишь пожимает плечами, а я зажимаю руки между коленями, чтобы не надавать ему по башке.

— У тебя какие-то проблемы? Просто раз ты купил особняк в Малибу, то проблема явно не в деньгах, так?

— Ты хотя бы представляешь, сколько стоит жить здесь?

— Я с трудом плачу за квартиру, так что да, — я развожу руками, — такой размах не по мне.

— Прямо сейчас я, наверное, не смогу себе позволить и твою квартиру, — сняв очки, он кладет их на столик. — Чувак, быть мной пиздец как дорого. Я живу здесь, приглашаю народ на вечеринки, знакомлюсь с правильными людьми и ношу правильную одежду. Все это мне не совсем по карману, но расходы покрывало очередное фото на обложку какого-нибудь очередного журнала. Было норм, потому что это всегда означало много работы.

— «Означало»?

Откинув голову на шезлонг, Джона делает усталый вдох.

— Я фотографировал для одного дизайнера — из мира высокой моды — но он был недоволен. Ну, то есть я нормально отношусь к тому, что кому-то не нравятся мои работы; это же искусство и оно открыто для интерпретаций. Но в этот раз... кажется, я потерял хладнокровие. Назначили еще одну съемку, но я не смог добиться правильного света. Поэтому кое-что подправил, только тени, но снимок обошел все сайты сплетен, на которых теперь обсуждают, что я подделываю фото, фотошоплю моделей и вообще — хреново работаю. Модные блогеры разнесли *меня* вместе со снимком в пух и прах, и... Давай остановимся на том, что дела идут не очень.

— То есть ты сделал не самый успешный снимок, и от этого твои замашки примадонны не нашли привычного отклика, — уточняю я.

Мрачно посмотрев на меня, Джона опять надевает очки.

— Со мной все будет в порядке.

Достав телефон, я впервые в жизни гуглю собственного брата. Пришлось немного пролистать, но все верно: на нескольких дрянных сайтах сплетен я нахожу архивные статьи со словами «вышедший из моды», «непопулярный» и «позор миру моды». В этот момент я страшно рад, что мама не пользуется интернетом.

— А *выглядит* не очень-то в порядке, — отвечаю я.

Джона встает и идет в дом.

— Как много ты должен? — войдя вслед за ним в дверь, спрашиваю я. Остановившись у мусорного ведра, он выбрасывает пустую бутылку и идет за новой к холодильнику, в котором, кроме пива, ничего больше нет. Выглянув из-за угла кухни, чтобы убедиться, что мы тут одни, Джона закрывает массивные двойные двери.

— Не считая кредитных карт? — уточняет он и отрывает этикетку с пивной бутылки.

— Где-то около сотни.

— *Тысяч?* — мой пульс резко ускоряется.

— Остался только дом, — продолжает он, — и Ровер. Другие машины я уже продал.

— Господи боже, — я плюхаюсь на кухонный стул. — Мама...

— Ни о чем не узнает, — в его голосе звучит предупреждение. — Это не твое дело и тем более не ее.

— Но она захочет помочь, — начинаю я, но уже вижу ответ, написанный на его лице. Она не сможет. У мамы с папой простая жизнь и небольшой бюджет. Такие масштабы за пределами их возможностей. Если на моих глазах в Калифорнии (и в моей индустрии в частности) не вращались бы такие суммы, то это было бы пределом и моих возможностей тоже.

Откинувшись на спинку, какое-то время я размышляю. Джона вполне заслуженно сделал себе имя, но хотя я считаю, что ему стоит вернуться к тому стилю фотографий, в котором он творил раньше — черт, даже у мамы над камином висит один из его ранних (ему тогда было семнадцать) черно-белых снимков: силуэт забора на фоне садящегося солнца — на этом карьере не построишь.

— Мы что-нибудь придумаем, — говорю я ему.

Джона кивает, но взгляд от пола не поднимает, и мое сердце сжимается от неожиданного желания его защитить.

Люди обожают заблудших и поднимающихся с колен. А такие истории я делать умею.

— Принеси мне свое портфолио. А я пока сделаю пару звонков.

После споров с Джоной, занявших не один час, думаю, я определился с решением.

— Что ты делаешь семнадцатого? — спрашиваю я. Не представляю, как смогу уговорить Иви на нечто подобное, но об этом подумаю позже.

— Загораю, — пожав плечами, отвечает Джона. — Как и вчера. И позавчера.

— В кожаной куртке?

Раскачиваясь за задних ножках массивного стула в столовой, он смотрит в потолок. Подавшись вперед, я толкаю его, чтобы привлечь внимание.

— Мы с Иви на следующей неделе организуем съемку и...

— Иви? — с ухмылкой переспрашивает он.

— Чувак. Заткнись, а. И слушай. Один мой хороший нью-йоркский друг — креативный директор в Vanity Fair. Он мне должен, так что не сомневаюсь, что он согласится. Надеюсь.

— Промо-съемка для художественного фильма? — спрашивает Джона, и я киваю. Он размышляет и морщит нос, словно учуял что-то дурное. — А кто там?

— Джейми Хуан и Шеймус... — я останавливаюсь на полуслове. — Ты сейчас серьезно спрашиваешь? Я тут пытаюсь тебе помочь, рискуя карьерой, и... — внезапно до меня доходит, что я не слежу за временем. — Черт, где мой телефон? — найдя его под стопкой фотографий, я громко матерюсь, увидев время. — Мне пора.

Джона же имеет наглость выглядеть недовольным.

— Что? Куда?

— Мне пришлось передвинуть встречу, чтобы приехать сюда и взглянуть на твое мертвое тело, а сейчас я уже опаздываю, — сунув телефон в карман, я достаю ключи из под еще одного гигантского портфолио. — Готовься и будь на месте в пятницу семнадцатого в

девять утра. Мой ассистент пришлет тебе адрес.

После субботнего вечера в роли дядюшки Картера и игры с Морган «Сладость или гадость» и после воскресного отдыха вперемежку с работой дома я получаю письмо от Иви, в котором она предлагает встретиться утром и пообщаться насчет корпоратива. При этой перспективе у меня в груди все сжимается от страха, не говоря уже об изменениях в фотосессии, о которых мне нужно будет ей сообщить. Она ни за что не согласится. Черт, да на ее месте я и сам вряд ли согласился бы. Я бы спросил себя тогда, каким местом я думал, когда решил попробовать провернуть это, вот только честный ответ был бы «Никаким». Еще никогда в своей жизни я не был таким вымотанным.

Мы обменялись несколькими короткими письмами, договорились о времени, и хотя ей было бы проще — и быстрее — переписываться со мной по смс, у меня такое чувство, что после нашего доверительного пятничного ужина она пытается восстановить некоторую дистанцию.

На следующее утро я опоздал на несколько минут, потому что как только вышел из машины, мне позвонил друг из Vanity Fair. Вытаскивая из сумки папку — напичканной идеями для корпоратива — я возношу молитвы богам, ответственным за превращение коротких романов в соперничество, что этого будет достаточно, чтобы смягчить Иви и уговорить ее принять Джону в качестве фотографа.

Поднимаюсь наверх, и Джесс показывает в сторону конференц-зала. Пока иду по коридору, сквозь стеклянные двери я вижу Иви — она наклонилась, от чего волосы скрыли ее лицо, и что-то пишет в своем блокноте. Ее кожа — это невообразимое сочетание безупречности и здорового румянца, воспроизвести который визажисты пытаются годами. Густые ресницы обрамляют карие умные глаза. Мне кажется, Иви знает, что обычно не сильно выделяется в толпе — возможно, делает так даже нарочно — но для меня она как маяк. Маленькая, но властная. Скромная, но не теряющая самообладания. Жаль, что я не могу смотреть на нее без вот этого ощущения, будто мне дали под дых. Симулировать безразличие тогда было бы в разы проще.

Перед ней на столе стоит стакан смузи, по цвету сочетающийся с ее заколкой с маленькими камешками.

Черт. Похоже, я по уши.

— Прости за опоздание, — я сажусь напротив Иви. — Надо было срочно решить пару дел.

— Пару дел? — помешивая соломинкой свой напиток, переспрашивает она.

— По работе, — уточняю я и злюсь, что мой ответ пронизан чувством вины и похож на объяснение. — Короче, Кайли прислала мне кое-что из плана мероприятий прошлых лет. Я распечатал и добавил несколько идей; думаю, должно сработать.

Стараясь не встречаться с ней взглядом, я кладу папку на стол. Надеюсь, та привлечет ее внимание. Даже не сомневаюсь, что она гадает, с чего это я вдруг стал таким услужливым и готовым помочь с этим корпоративом.

Я чувствую, как она внимательно смотрит на меня, прищурившись, оценивает каждое мое движение, после чего осторожно, будто там бомба, забирает у меня папку. Так до сих

пор ничего и не сказав, она смотрит на распечатки, пока я с повышенной аккуратностью поправляю лежащие передо мной документы, смотрю, есть у нее ручка, и вообще — веду себя так, будто я гораздо полезней, чем кажется на первый взгляд.

— Да, кстати, — небрежно замечаю я. — Забыл сразу тебе сказать: мне нужно заменить фотографа для съемки VF на следующей неделе.

Подняв голову, она озадаченно хмурится.

— Почему?

Посомневавшись немного, стоит ли ей говорить, я прихожу к выводу, что честность все же лучше.

— Подумал, нам нужно нанять Джону.

— Твоего *брата* Джону?

— Именно, — почесывая бровь, я говорю: — У него сейчас непростое время, поэтому я и сказал ему, что постараюсь выбить для него эту работу.

Иви кладет папку на стол.

— Думаешь, они станут менять его в последнюю минуту?

Радуюсь, что ее первая реакция не ярость, я подаюсь вперед. Улыбаюсь, надеюсь, что улыбка похожа не триумфаторскую.

— Уже заменили.

И только когда ее глаза округляются, до меня доходит, что я сейчас сказал.

Ай. Ой. *Бля*.

— Ты сделал это, не поговорив со мной? — медленно уточняет она.

Помотав головой, я отвечаю:

— Я написал вчера одному своему приятелю, чтобы понять, возможно ли это в принципе, но он позвонил еще до моего прихода сюда и сказал, что все okay.

Какое-то время Иви молча изучает меня взглядом.

— Я вижу тут конфликт интересов. И думаю, Брэд со мной будет согласен.

Я почти слышу угрозу в ее тоне; покручивая картонную ленту на своем стаканчике кофе, я размышляю, что ей ответить.

— Я поговорю с ним.

— Что-то я не совсем понимаю, с чего вдруг такое решение, — непонимающе говорит она. — Ты сам сказал, что вы не особо ладите. А это будет первая большая фотосессия Джейми и Шеймуса. Ты действительно хочешь...

— Наши отношения с Джоной не имеют никакого значения. Он просто нужный человек для такой работы.

— Тогда почему ты не предложил его кандидатуру на прошлой неделе?

— Думал, что он занят.

— С чего это ты так решил? — покачав головой, спрашивает она. — Он уже несколько месяцев не сходит с колонок желтых газет.

От унижительной мысли, что Иви в курсе обо всем происходящем с Джоной — в отличие от меня — я чувствую, как по шее поднимается румянец.

— Мы оба знаем, что сплетни не имеют никакого отношения к способности человека выполнять свою работу.

Она задумчиво покусывает нижнюю губу и ничего не отвечает. Это Иви: спокойная, как всегда.

— Дело не в том, что я против твоего брата в качестве фотографа, — наконец говорит

она. — Он по-прежнему знаменитость, несмотря на все споры, — Иви делает паузу и пару секунд внимательно смотрит на меня. — Но неужели ты думаешь, что можешь вот так запросто отменить все договоренности со мной? Ты представляешь Джейми. Я Шеймуса. Это большой фотосет для их фильма «Уловка», все детали которого мы должны продумывать особенно тщательно, — я несколько раз согласно киваю, но кажется, слишком много.

— Если ты не против, что фотографом будет он, и ты согласна, что он знаменитость, тогда почему злишься?

Едва слова вырываются наружу, мне тут же хочется засунуть кулак себе в пасть. Справедливости ради, Иви сейчас ни капли не злится. Мне пора перестать позволять темпераменту брать верх, когда речь заходит о ней; ее привлекательность в сочетании со способностью держать удар сводит меня с ума.

Когда от ярости краснеют ее щеки — что отражается на мне сбивающим с толку приливом желания — она все равно остается спокойной и, собрав вещи, начинает подниматься из-за стола.

— Ты прав, — говорит она. — Что сделано, то сделано. Джесс пришлет тебе рекомендации для Джейми по поводу съемки, а так же мои мысли по поводу твоих сегодняшних идей для корпоратива, — она закрывает папку и встает. — А Джастин может отправить Джесс все, что я должна буду посмотреть.

— Теперь будем общаться через ассистентов? — глядя на нее, спрашиваю я.

— Кажется, это лучшая идея. По ряду причин, — обойдя стол, Иви выходит в коридор.

— глава тринадцатая —

Иви

— Иви, ты сейчас тренажер сломашь, — положив руку мне на бедро, чтобы замедлить движения, сокрушается Дэрил. — Что с тобой *случилось*?

— Картер, — тяжело дыша, отвечаю я.

Встав с тренажера, я беру бутылку с водой и жадно пью. Пот катится градом. Мышцы жжет. Я сегодня настоящий зверь, но чувствую себя при этом превосходно. Лучше все-таки убиться в тренажерном зале, чем прийти на работу и врезать кое-кому в солнечное сплетение.

Наверное, я должна переживать, что вчера встала и ушла с нашей встречи, но пошел он! Пошел он, его идеальные предплечья, кривоватая улыбка и звездный братец!

Желание пихнуть Картера к стене и засунуть руку ему в штаны меня порядком утомило. Так что с меня хватит.

— Не хочу дразнить медведя, — говорит Дэрил, — поскольку прекрасно вижу, что ты на взводе, но хочу ясности: Картер нам больше не нравится, правильно?

— Правильно. Больше *не* нравится, — я вытираю полотенцем лоб. — И буду тебе особенно признательна, если ты не забудешь об этом, когда в следующий раз возьму тебя с собой на переговоры. Ты сказала мне быть крутой, а сама тут же размякла, едва он включил на всю катушку свой шарм. Вспомни, как ты хотела отомстить Бренту, и я пошла на свадьбу твоей кузины в качестве твоей лесби-невесты. Я поцеловала тебя — *с языком*! Вот что значит *настоящая* поддержка.

Дэрил смеется.

— Прости, ты права. Но если честно, тебе все же стоило меня заранее предупредить, потому что... черт, Иви. Он такой трахабельный!

— Ты мне сейчас совершенно не помогаешь.

— Понимаю, что мне не стоит наслаждаться этим так открыто, но только посмотри, как сильно он тебя бесит. Всегда знала, что ты властная, но не подозревала, что тебя заводит доминирование.

— *Что-что* меня заводит? — переспрашиваю я и иду за ней к свободным весам.

— Что слышала.

— А мне стоит быть в курсе? — положив гантели на место и глядя на нас обеих, интересуется Амелия.

Помотав головой, я наблюдаю, как она подходит к стойке для приседаний со штангой.

А облокотившаяся на перекладину Дэрил не сводит, в свою очередь, глаз с меня.

— Иви мастер отрицания. Пытается убедить меня, будто ненавидит Картера.

— О-о-о. А мне нравится Картер, — говорит Амелия и наклоняется к штанге. — Он заходил подписать документы для налоговой. Наши девочки не сразу захотели его отпускать. Этот парень очень обаятельный.

— Но ты же понимаешь, что он теперь мой заклятый враг? — спрашиваю я.

Закончив приседания, Амелия подводит к стойке меня и, встав за спиной, кладет штангу мне на плечи.

— «Заклятый враг»? Ты смешная.

— Ты тоже под действием его шарма?

Она улыбается.

— Молчи и приседай, — говорит она, а потом добавляет: — О, ни за что не поверите, с кем недавно подписал контракт Брэд.

Установив штангу на место, я встречаюсь с ней взглядом в зеркале.

— Если ты сейчас скажешь, что с Гейбом Вестесом, я закричу.

— Все верно. С тем самым Гейбом, про которого ты говорила во время ланча за день до объявления о слиянии. Уж не знаю, кто и что делал, но у меня есть предчувствие, что Брэд занимается грязными делишками.

— Так и знала, что что-то тут не так. Брэд называл Гейба бездарем, еще когда я работала на Альтермана. Так что их внезапная дружба имеет под собой какую-то подоплеку, — отойдя на шаг, я поворачиваюсь лицом к ним обоим. — Скорее всего, Брэд давно знал о слиянии — и если знал, кто из агентов «СТМ» получит пинка под зад, заблаговременно наладил отношения с Гейбом снова.

— Еще один хитрый ход, — вторит Амелия.

— Как думаешь, зачем он снял с Кайли организацию корпоратива? — сев рядом с нами на скамью, спрашивает Дэрил.

Какое-то время Амелия размышляет.

— Может, она нужна ему для других дел, — ухмыляется она. — Может, у них роман?

Не желая себе это представлять, я содрогаюсь.

— Думаю, у Кайли хватит мозгов не ввязываться в это.

Вот видишь, Картер? Я не думаю о ней худшее.

— И вкус у нее получше, — Амелия смотрит на часы. — У меня встреча по поводу расходов на персонал, на которую нельзя опаздывать.

Умная женщина после тренировки возьмет себе на завтрак что-нибудь полезное. Белковый омлет, например. Или что-нибудь цельнозерновое. Хотя бы смузи.

Видимо, я не умная женщина. Поэтому направляюсь прямо к киоску с пончиками и беру три штуки и большой латте. Но зато остатки не потерянного еще интеллекта подсказали мне оставить два пончика у себя в кабинете, а один взять на командное совещание за завтраком в восемь утра, проходящее в конференц-зале.

Так, проверим. Кофе: есть. Сахар и прочие углеводы: есть.

Готовность сметать всех на своем пути: в процессе установки.

Вот только эта готовность резко сходит на нет, когда я вхожу и вижу, что Картер уже на месте. А я надеялась, что у меня будет несколько минут на моральную подготовку. Он поднимает голову, опускает, а потом смотрит снова, после чего улыбается, что больше похоже на насмешку, и утыкается в свой телефон.

После вчерашнего я не знаю, как себя вести в его присутствии. Сердце грохочет, женские прелести в состоянии повышенной боевой готовности, а свободная рука сжимается в кулак. Ситуация не из простых. К тому же, я внезапно осознаю, что притащила на совещание пончик, в то время как перед Картером стоит лишь бутылка минеральной воды. Он будет завтракать минералкой! Ненавижу его.

Два стула по обе стороны от него пустые, но я их игнорирую и демонстративно сажусь у другого конца стола. Линия фронта очерчена.

Над головой тихо гудят лампы. А ручка Картера издает царапающий звук по странице его блокнота, когда он перестает таращиться в телефон и что-то быстро записывает. Готова поспорить на крупную сумму, что он всего лишь записывает буквы алфавита, или же строит мошеннические планы на ближайшие месяцы.

Конференц-зал постепенно заполняется сотрудниками. Встречи за завтраком самые ужасные; никого не тянет провести с утра пораньше целый час в обществе Брэда.

Мы оборачиваемся на звук голоса нашего босса и видим, как Кайли бежит за ним на десятисантиметровых шпильках, с трудом поспевая. Едва бросив на меня взгляд, Брэд молча смахивает мой лежащий на столе пончик прямо в корзину для бумаг.

— Чт... — сдавленно выдаю я.

— Поехали, Иви, — выдвинув себе стул, говорит он. Подняв голову и увидев ужас на моем лице, он спрашивает: — Что? Ты в депрессии? Уж поверь, тебе это совершенно не нужно.

Я не знаю, что на такое отвечать. Внутри нарастает ураган, и я чувствую, как краснеют мои щеки.

— Вот только это был мой *завтрак*.

Брэд ничего не отвечает — просто сидит и тихо инструктирует Кайли включить ноутбук. Кажется, я слышу, как Роуз тихо бормочет что-то про сукиного сына, но в остальном вокруг меня все ошарашенно молчат.

— Мы заказали еду, — пищит Кайли. — Так что... можешь что-нибудь выбрать для себя. Например, фрукты или органические батончики.

Но я не хочу ни фрукты, ни органические батончики — я хочу свой *чертов* пончик, который принесла с собой!

Нет, я хочу другого: плеснуть своим кофе прямо в лицо этому мистеру Конгениальность.

Ни та, ни другая опция мне не доступна.

Опустив взгляд, чтобы собраться с силами, я замечаю, что две верхних пуговицы моей блузки расстегнуты, и из-под нее виднеется розовый бюстгальтер. Охнув, быстро их застегиваю.

Я точно знаю, что это произошло не прямо сейчас. С расстегнутой блузкой я уже вошла в конференц-зал, потому что задним числом припоминаю холодок на коже груди. Картер же сидит *прямо напротив* меня, а сначала мы были тут единственные. Это объясняет хитрую улыбочку и то, что он дважды посмотрел на меня. А так же то, что позже я его убью.

Мой пульс барабанит в ушах. Я так пристально смотрю на лицо Картера, повернутое ко мне в профиль, что надеюсь, у него скулы заболят.

Женщина из кейтерингового сервиса толкает впереди себя столик с фруктами и обезжиренными и безвкусными маффинами из отрубей, в то время как я мечтаю о своем прекрасном пончике — интересно, как это будет выглядеть, если я залезу в корзину для бумаг и, отряхнув его, с удовольствием слопаю? Я настолько голодна, что идея так и манит. Вместо этого мне приходится распрощаться с возможностью наестся сахара и вкусных углеводов, поскольку, судя по всему, все мы будем подвергнуты пытке завтрака для пятидесятилетнего мужчины. Просто замечательно.

Конечно же, все вежливо ждут Брэда и не подходят к столику. А тот и не торопится.

Мой желудок пожирает себя, словно изголодавшийся волк, так что... к черту.

Я встаю, подхожу к столику и, не обратив внимания на маффины, кладу себе на маленькую бумажную тарелочку горку ягод. Вернувшись на свое место, замечаю, как Брэд смотрит на меня, будто я нарушила незыблемое правило. Роуз улыбается, глядя на свои сложенные на столе руки. У нас с ней не всегда совпадает чувство юмора, но я знаю, что если сейчас встречу с ней взглядом, она не сможет сдержаться и засмеется в голос.

— Давайте начнем, — говорит Брэд и, похлопав рукой по лежащим перед ним документам, откидывается в кресле, после чего смотрит на Роуз. — Как все прошло в понедельник с Томом?

— Хорошо, — отвечает она. — Контракт с Paramount подписан. Все по плану.

Брэд довольно кивает.

— Картер, что со съемкой для Vanity Fair?

Он мельком смотрит на меня.

— Все готово.

— Напомни, кто фотограф?

Помедлив, Картер делает вид, будто для этого ему нужно взглянуть на свои записи.

— М-м, Джона. Джона Аарон.

— Однофамилец? — явно думая о своем, спрашивает Брэд.

— Нет. Мой брат.

Брэд поднимает голову и с интересом смотрит на Картера.

— Фотограф — твой брат?

Ну что ж, сейчас Картеру воздастся по заслугам. Я не перегнула тогда палку — вся эта ситуация совершенно Брэдовая. До чего же хорошо, что *мне* делать грязную работу не нужно — ее сейчас сделает Брэд.

Пончиковый инцидент забыт и прощен, я устраиваюсь поудобнее и жалею, что в моем распоряжении ягоды, а не попкорн.

Лицо Картера медленно краснеет.

— Все верно. Мой младший брат. Уверяю, он настоящий профессионал.

Выражение лица Брэда невозможно понять, и мне кажется, я слышу, как сползают капли пота по коже Картера. За это я готова расцеловать Брэда. Или отправить ему поздравительную открытку на День Боссов.

— Возможно, ты видел кое-какие его работы в Rolling Stone, — продолжает Картер. — Могу предоставить список рекомендаций, если нужно.

В ответ стоит такая тишина, что можно услышать, как муха летит. Я радостно смотрю на Брэда в ожидании взрыва. Сейчас-сейчас... еще пару секунд...

Но ничего не происходит. Наоборот — Брэд расплывается в улыбке, словно Гринч, который украл Рождество, демонстрируя практически каждый свой винир.

— Вот об этом я постоянно и говорю! — шлепнув ладонью по столу, восклицает Брэд.

Сукин сын.

— Картер собирает войска и выполняет сложную подачу, — Брэд разве что не перепрыгивает через стол, чтобы дать «пять» Картеру. — Вот что я вам скажу: я не удивлен. Все, смотрите на этого парня, — он обращается ко всем присутствующим. — Вот так надо делать дела.

Я сажусь поглубже на свой стул, закипая от ярости. У нас уже *был* фотограф, так что не совсем понятно, что подразумевал Брэд под словами «делать дела». Картер не должен был менять фотографа у меня за спиной, и он это знает. И то, что Брэд сейчас словесно ублажил Картера, нереально бесит. Он особо выделил его среди остальных, чего еще никогда не было на подобных встречах. У агентов есть своя негласная иерархия — зависящая от размера принесенной прибыли и славы — и в этом году все указывало на меня. Но, видимо, есть и другие критерии: например, наличие пениса. А кое у кого он большой.

За столом возникает неловкая суета — мало кому понравится, когда новичка ставят им в пример, или же они согласны со мной и считают, что нанять младшего брата в качестве фотографа это не та работа, которой есть смысл гордиться — но я не хочу поднимать голову и встречаться с кем-нибудь взглядом. Успокаивающе выдохнув, я подношу стакан с кофе к губам, наслаждаясь вкусом и воображая, как он обожжет не мой язык, а колени Картера. Потом мое внимание привлекает пришедшее сообщение.

«Проследишь, чтобы Шеймус появился на фотосессии вовремя?»

Поморгав несколько раз, я таращусь на экран телефона. Брэд уже закончил дрончить на Картера, и сейчас слышен только гнусавый голос Эштона.

«Ты случайно номером не ошибся?»

«Это Ивлин Эбби?»

«Зачем мне говорить про собственного клиента?»

«Просто хотел напомнить».

«В следующий раз свяжись с Джесс и передай ей необходимую информацию».

Сидя недалеко от меня, он фыркает и издает тихий идиотский смешок, после чего кладет телефон на стол.

Злая, как черт, я отправляю ему еще одно смс.

«Мог бы и предупредить, что у меня блузка расстегнулась».

«Сидел же напротив меня».

«Как можно было не заметить?»

«Как-то так, не заметил ;-)».

Мать вашу. Картер что, показал мне фак при помощи смайла? *Смайло-фак?*

Сердце колотится так сильно, что я едва слышу слова Эштона. Наверное, внешне я

сейчас похожа на тяжело дышащего борца, нов мыслях только одно: до чего же я сейчас ненавижу Картера.

Я не совсем уверена, что это чувство мне знакомо, поскольку раньше никогда его не испытывала... но предполагаю, что это ничем не сдерживаемая ярость.

И кажется, мой мозг только что объявил войну Картеру Аарону.

Придя к себе в кабинет, я набрасываюсь на два пончика, словно голодный зверь. Кофе и ягоды кончились, и они сейчас составляют весь мой мир.

Но поскольку вселенная — это кошка, а я — клубок шерсти, в кабинет входит Картер, и аккуратно в момент, когда я за раз запихнула в рот половину пончика.

— Эй, Злючка, — не отрывая взгляда от телефона, говорит он. — Джоне нужно начать в одиннадцать. Это возможно? — он смотрит на меня и вздрагивает от моего вида с набитыми щеками. — Я... пожалуй, не стану торопить тебя с ответом.

А потом просто стоит и наблюдает, подняв брови и явно забавляясь, как я, прикрыв рот ладонью, жую. Когда процесс никак не хочет завершаться, он с насмешливой полуулыбкой добавляет:

— Ты, наверное, страшно проголодалась.

Проглотив, я отвечаю:

— Ты же видел, как Брэд выбросил мой завтрак в мусорку.

Картер оглядывает рассыпанную сахарную пудру на моем столе.

— Хорошо, что у тебя было еще.

Подойдя к двери, я красноречивым жестом показываю в сторону Джесс, работающей за компьютером.

Картер тоже подходит и выглядывает за дверь.

— И что?

— Это моя ассистент Джесс. Насчет расписания свяжись с ней.

Он снова выглядывает в коридор и с чарующей улыбкой приветственно машет ей рукой.

— Как дела у кошки твоей мамы?

— Хорошо, — радуется она. — Первые ночи были тяжелыми, но швы скоро снимут. Спасибо, что спросил! — у нее взгляд зачарованного светом фар оленя. Да что за нафиг!

— Ну так что, сможем? — спрашивает он.

Повернув голову, я вижу, что Картер смотрит на меня. И стоит чересчур близко. Лучшей возможности дать ему по яйцам у меня не будет. Угол просто идеальный.

Расправив плечи, я отступаю на шаг.

— Что сможем?

— Начать фотосет в одиннадцать вместо полудня, — медленно говорит он, словно проблема во мне и моей способности соображать, а не в том факте, что он плетуший интриги лис. — У Джоны в три какое-то «дело».

Настаивать, чтобы он решал вопросы через Джесс стало трудно, поскольку вся моя команда поддержки сдулась.

— Господи, пристал как банный лист. Сейчас загляну в календарь, — сев за стол, я говорю: — Ценю, что благодаря тебе я с особенным усердием вовлечена в координацию сроков и времени.

Картер вздыхает.

— Все не так, Иви.

— Не так? — повернувшись к компьютеру, я дрожащими руками ввожу пароль. Надеюсь, он не заметил; дать понять Картеру, как сильно он на меня влияет, — это последнее, чего я хочу.

Он засовывает руки в карманы.

— Слушай, если Брэду не понравилась бы идея нанять Джону на съемки, то не вопрос, мы бы изменили план. Но он не против.

Картер не меньше меня понимает, что Брэд одобрил изменения по каким-то своим, не ясным нам причинам. Любому понятно, что сделанное Картером — откровенное кумовство.

— То есть чтобы оценить свое поведение, ты используешь мнение Брэда Кингмана в качестве лакмусовой бумажки?

— Мне просто нужна эта работа, — говорит он. — И вся ошибка заключалась в том, что сначала не согласовал все с тобой. Я понял. Мы можем двигаться дальше?

Какое-то время я молча смотрю на него, после чего отвечаю:

— А у меня есть выбор?

Должно быть, я выразилась достаточно ясно, потому что впервые с моего знакомства с Картером он не выдает остроумный ответ.

— Следующая неделя... В пятницу? — возвращаясь к делам, спрашиваю я. Он кивает. — В одиннадцать вполне подходит. Скажу Шеймусу приехать к половине девятого на мейкап, и тогда он не опоздает.

Глаза Картера округляются.

— Умно.

— Постарайся не выглядеть удивленным.

В ответ на это он смеется, но не поправляет меня.

Когда Картер разворачивается и собирается уходить, в кабинет вбегает Роуз и закрывает за собой дверь.

— Хочешь, чтобы я ушел, или... — спрашивает ее Картер.

— Все в порядке, можешь остаться. Мне нужно мнение вас обоих.

О, прекрасно. Время для сплетен.

Я смотрю на Картера, гадая, подвергся ли он уже нападкам Роуз или нет. Судя по его нейтральному выражению лица, он в курсе, какой она может быть нескромной. Я постоянно боюсь, что любой разговор с ней о работе превратится в сплетни и хвастовство связями. Не то чтобы я против первого и второго, просто такое должно объявляться в правильное время и правильным людям. *Тактичным* людям, например, кто в нужной мере сочетает в себе иронию и авторитет.

Но вместо того, чтобы рассказать красочную историю про флирт на работе, проблемы клиентов или харрасмент, Роуз выдает чрезвычайно личную информацию прямо посреди моего кабинета.

— Бонус Эштона на семь *тысяч* долларов больше моего.

Мои глаза округляются.

А Картер делает полшага назад, словно желая слиться с фоном.

— С чего это ты решила? — спрашиваю я. С клиентами мы обсуждаем деньги практически ежедневно, но редко рассказываем про свои доходы коллегам. И да, примерно по этой причине. Справедливостью тут никогда не пахло.

— Вчера мы обсуждали, как закончится наш год. Ну, в связи со слиянием. Головы

каждого могли бы оказаться на плахе. А потом вернулись на рабочие места, и там ждало извещение о годовом бонусе. Видимо, раз уж мы до этого обсуждали деньги, ему было достаточно комфортно сказать, сколько он получил.

— Может, количество подписанных им контрактов было больше... — начинаю я, но, качая головой, Роуз меня перебивает:

— Такое же, — говорит она. — Я тебе больше скажу: мы оба почти на работали, — Роуз смотрит на Картера. — Хрень же полная, не?

— Это совершенно недопустимо, — говорю я. — Тебе нужно спросить у Брэда. Или же идти прямо в бухгалтерию и сверять цифры.

— Я не могу! — ахает Роуз.

— Тогда распрощаешься с семьей шуками, — пожимаю плечами я.

— Отстой, — расстроено ворчит она.

— Поговори с Брэдом, — мягко настаивает Картер. Наивный Картер. Можно подумать, будто Брэд не в курсе.

Роуз печально смотрит на него.

— Ему плевать.

Я раздраженно поднимаю руки перед собой.

— Честно говоря, Роуз, если ты здесь, только чтобы пожаловаться — в то время как помочь тебе я ничем не могу — хочу сказать, что на этой работе тебя должны удерживать не деньги.

Глядя в пол, она несколько раз кивает.

— Знаю. Я знаю, просто это так неприятно.

— Я тебя понимаю, милая, но тебе нужно научиться самой себя защищать. Ты сама блюститель своих интересов.

С благодарной улыбкой она разворачивается и уходит.

Картер отходит от стены.

— Ну ничего себе Иви. Жестокость из милосердия?

Я смотрю на его лицо, на большие зеленые глаза за линзами очков, гладко выбритый подбородок и взъерошенные волосы. Ему повезло, что он симпатичный, потому что сегодняшним поведением он бы друзей не нажил.

— Можешь что-нибудь добавить.

Взяв несколько секунд на раздумья, Картер пожимает плечами.

— Она вообще уверена? У меня еще ни разу не было неравенства в зарплате, — кажется, до него доходит, что он только что сказал. — Ну, по понятным причинам. Слышал, что такое бывает, но... — Картер морщится. — Она попала в хреновую ситуацию. Надеюсь, все разрулится.

Он что, серьезно?

— Это не какой-то там математический недочет, Картер. Такое случается *каждый день*. В том числе и со мной.

— Правда? Ты всегда такая властная, что мне трудно представить, как ты позволяешь кому-то присвоить принадлежащее тебе.

Подойдя еще на шаг ближе, Картер облакачивается на мой стол и изучающе смотрит на меня. Он стоит так близко, что это почти ощущается тесной дружбой. Или флиртом. Но между нами сейчас нет ни того, ни другого.

— В этом бизнесе с женщинами такое происходит сплошь и рядом, — тихо говорю я.

— Ты просто не видишь. Потому что к тебе это не имеет никакого отношения.

— А должно.

Я киваю.

— Согласна.

— Так что же нам теперь, по-твоему, делать?

Для меня не остается незамеченным его быстрый взгляд на мои губы, и вопрос внезапно звучит не про неравенство в зарплатах.

— Не знаю, — шепотом отвечаю я.

Но чувствую, что поцелуй с Картером подтолкнет нас обоих к верному пути.

Оглядев мое лицо, он взглядом спускается ниже, наклоняется и...

На протяжении двух... трех... четырех безумных секунд мне кажется, что он меня сейчас поцелует.

— Твою блузку сегодня так и тянет расстегнуться, — кивнув, шепчет он.

Вздрагнув, смотрю вниз, и да, снова две расстегнутые пуговицы, которые открыли нам обоим прекрасный вид на мое декольте.

— Ой, — подняв на него взгляд, я чувствую, как горят мои щеки.

Я улыбаюсь ему, а он, вместо того чтобы наклониться ниже и поцеловать, отодвигается и с нечитаемым выражением лица выходит из моего кабинета.

— глава четырнадцатая —

Картер

«ЧУТЬ БЫЛО НЕ ПОПАЛ».

«Если ты не про то, как чуть не грабанул банк, тогда мне не интересно».

«МК, в офисе я чуть не нырнул лицом в декольте Иви».

«Так, ладно. Вот это уже другое дело».

«Она такая сорви-голова и при этом прямолинейная».

«Это сексуально и пугает одновременно. И пуговицы у нее так и норовят расстегнуться».

«А потом я пришел к ней и... невозможно вот так взять и захотеть уйти без поцелуя».

«Чувак, ты попал».

«Просто не забывай напоминать мне, что она Люцифер в юбке».

«Ну... Да нет же».

«Она хороший человек».

«Кажется, она хотела меня поцеловать».

«Или укусить».

«В хорошем смысле».

«В плохом».

«Эй, ты вообще на чьей стороне?»

«На той, где вы поженились, она родит ребенка, который изрисует тебе всю простыню зубной пастой».

«Мудак».

— глава пятнадцатая —

Иви

До этого я думала, что злюсь на Картера, но теперь ощущаю себя еще и униженной. В последние два дня я потратила слишком много времени, прокручивая в голове момент, когда он наклонился ко мне и смотрел не как на врага. И каждый раз едва не таяла.

Когда речь заходит о неудавшихся романах, всегда есть место сожалениям и воспоминаниям о плохом и хорошем. Еще возможны неловкие случайные встречи, ведь даже такой город, как Лос-Анджелес, в подобные моменты кажется *очень* маленьким. Но неудавшийся роман предстает совершенно в ином свете, в случае если вы оба работаете в одном офисе. Вы будете видеться с ним в коридоре и на совещаниях и вам обоим придется согласовывать детали организации предстоящего корпоратива...

Я вхожу в еще пустую комнатку для совещаний и сажусь на диван в дальнем углу у окна. Благодаря такому преимуществу я издалека увижу направляющегося сюда Картера — не самый худший вид на свете, кстати — и сопровождающего организатора из «Корпоративных Развлечений».

Она собранная, вежливая и почти безлика, а Картер — потому что он настоящий дьявол — просто источает секс. Руки в карманах; походка уверенная и с ленцой; кривоватая улыбка. Интересно, я это особенно ясно замечаю, потому что теперь он мне недоступен? Наверное. Или же Картер всегда таким был? На нем идеально сидящие на бедрах темные брюки. Я готова поклясться, что вижу контуры его члена. На нем сегодня рубашка в еле заметную бело-голубую клетку, и сидит она на нем, словно влитая, — до того хорошо. А когда Картер широко улыбается в ответ на что-то, сказанное организатором, озаряется все его лицо, и он снова выглядит милым.

Мне конец. Я вполне отдаю себе в это отчет. И мрачно смотрю на следующие несколько лет своей работы здесь (или где-нибудь еще), когда у меня не будет ни возможности, ни сил покончить с этим миксом из влечения и ненависти к Картеру Аарону. Хуже может быть только увидеть, как он найдет себе кого-нибудь еще. Одним словом, страданий не избежать.

Когда они входят, я встаю, дрожащими руками разглаживаю на бедрах юбку ижимаю руку женщине — Либби Трумэн — которая, кажется, уже очарована этим сатанинским прихвостнем с отвратительно симпатичным личиком. Держа его под руку, она с восторгом говорит, какие смешные истории он рассказывал по дороге сюда.

По *дороге сюда*, угу. Тут идти максимум полминуты. Чистый восторг, ага.

Мы садимся и в двух словах проговариваем, что нам нужно, — честно говоря, не понимаю, почему бы не обговорить это по телефону. Нам нужен организатор для развлечения группы примерно в пятьдесят человек в течение двух дней. И нам нужны игры, которые:

А) не вызовут отвращения;

Б) не спровоцируют нашу жуткую жажду соперничества.

Еще нам нужна выпивка. Вот и все. Просто.

Но это не первый раз, когда люди хотят попасть в офис «П&Д» на личную встречу. По

этой же причине Либби время от времени поглядывает во внутреннее окно: надеется увидеть кого-нибудь из знаменитостей.

К сожалению для нее, на глаза ей попадает только Джастин, который заглядывает к нам каждые пять минут.

— Пришел Джетт Пэйн и ждет нас наверху. Еще Кайли просила передать, что Keurig [капсульный кофе и одноименная кофеварка — прим. перев.] пришло слишком много, и одну-две коробки ты можешь забрать к себе домой.

Картер улыбается и встает.

— Спасибо, Джастин.

А у меня падает челюсть.

— Ты сделал двойной заказ? — спрашиваю я, нацепив улыбочку, гласящую «*Да пошел ты*».

— Получается, что да. Прошу прощения, — говорит он, будто это вышло совершенно случайно, и он всего лишь не заглянул в календарь, хотя обычно чрезвычайно дотошен. Картер наклоняется пожать Либби руку. — Приятно познакомиться, Либби. Остальное тебе расскажет Иви. И убедись, что она подтвердила твою парковку. Жду с нетерпением результатов вашего совместного планирования!

— Будет здорово! — восклицает слегка запыхавшаяся Либби.

Где-то через час я сворачиваю — все еще злая — встречу с Либби и иду в свой кабинет, чтобы уточнить расписание на остаток дня.

У меня есть сорок пять минут, чтобы через весь город попасть на встречу с Сарой Хилл и ее парикмахером. Благодаря нам Сара только что получила роль в адаптации подросткового романа-бестселлера, и студия настаивает, чтобы ее волосы были нужного синего оттенка. А в ее контракте есть оговорка, что для контроля качества ее агент или продюсер должен всегда присутствовать на подобных встречах. По сути же это означает четырехчасовое пребывание в салоне и готовность оценить различия между пятнадцатью оттенками синего.

Идя мимо кабинета Картера, я резко останавливаюсь, когда вижу, что у него на столе уже стоят две коробки с капсулами.

В моем подростковом возрасте папа был особенно строг — в противоположность семье Дэрил, где ей было разрешено гулять, с кем и где хочется. До шестнадцати лет мне запрещалось ходить на свидания, но и потом были жесткие правила. Ходить на свидания было можно, но постоянного *парня* быть не могло, то есть с одним и тем же — нельзя. Думаю, смысл был в том, что к малознакомому парню я вряд ли отнесусь серьезно, а серьезные отношения ведут к сексу. Родительский план увенчался успехом: к моменту окончания школы секса у меня ни разу не было. Дело к нему даже не приближалось ни разу.

А потом я познакомилась с Каем Пайала. Мне удалось скрыться с ним с глаз моих родителей. На вечеринке после игры на встрече выпускников мы оказались с ним в спальне. Где-то в другой комнате играл Сантана, его гитарные риффы соблазняли и побуждали действовать, и... я захотела заняться сексом с Каем. Все должно было вот-вот свершиться — его брюки были спущены до колен, он проверял срок годности презерватива, что носил с собой в кошельке со времен второго курса — одним словом, я была на распутье. Вариант первый: продолжать, и пути назад уже не будет. Вариант второй: одернуть задравшуюся

почти до подмышек юбку, и моя невинность останется со мной еще на один день.

Нет смысла уточнять, что моя девственность покинула меня навсегда.

Вышагивая взад-вперед у кабинета Картера и поглядывая на эти чертовы капсулы у него на столе, я ощущаю ровно ту же смесь восторга и страха. Если последую сформировавшемуся в голове плану, я больше не буду невинной.

И вот так, пять минут спустя капсулы из одной коробки перекечевали в другую. И вплоть до моего отъезда в салон меня никто не застукал.

Отличный вкус... и никакого кофеина!

Пятница может войти в историю как лучший день в моей жизни, потому что Картер Аарон совершенно не мог сосредоточиться на работе.

Это как наблюдать за хромым львом: часто такое не увидишь, поэтому отвести взгляд невозможно. Картер и вправду не может функционировать без кофе. Например, он вошел в женский туалет и несколько минут таращился на стену, ужасаясь пропаже писсуаров, до тех пор пока из кабинки не вышла Джесс и не вытолкала его в нужном направлении. Во время конференц-связи со Smashbox Studios он невнятно бормотал про детали фотосессии для Vanity Fair, назначенную на следующую пятницу, после чего растерянно постоял в коридоре, а, вернувшись в свой кабинет, сел за стол, на котором его снова ждал кофе без кофеина, тайком подсунутый мной.

Мне не дает покоя вопрос, действительно ли я превратилась в ужасного человека, поскольку наблюдать за всем этим было ну очень интересно. Кто бы стал устраивать такую подставу? Ну, за исключением всех занятых в этом бизнесе.

Вот только... я никогда не опускалась до такого. И как только поняла, насколько далеко удалилась от собственных идеалов, меня начало пожирать чувство вины.

Набираю Стеф и радуюсь, когда она отвечает после первого же гудка.

— Я ужасный, просто ужасный человек, — вместо приветствия говорю я.

— Ты о чем-то конкретном или вообще? — уточняет она.

Я секунду обдумываю.

— Наверное, и то, и другое.

— Расскажешь, или мне с тобой поспорить?

На заднем плане я слышу голоса, звон бокалов и столовых приборов, из чего делаю вывод, что у нее встреча и времени совсем немного.

— Ты занята? Я могу покаяться и попозже.

— Жду агента по кастингу, — отвечает она. — И кстати, ни за что не угадаешь, о чем мне сегодня утром рассказала моя помощница.

Наклонившись вправо, я вижу, как сидящий за столом Картер тупо уставился на свой карандаш, и сдерживаю смех.

— О чем?

— Вчера она переспала с братом Картера.

Это привлекает мое внимание.

— О нет, — выпрямившись, говорю я. — Твоя помощница?

— Ага.

— Господи, этот город слишком маленький. И где это произошло?

— На какой-то вечеринке. Они не особо много разговаривали, и догадалась она уже

утром.

Если честно, не будь я так занята своей ненавистью к Картеру, я бы ему отправила смс, чтобы потом посмеяться вместе.

Не в силах удержаться, я наклоняюсь снова, чтобы заглянуть в его кабинет. День продолжает радовать.

— И?

— И... там сплошные похвалы семейству Аарон. Ты тоже была бы в курсе этого факта, если бы вы оба вытащили головы из задниц.

Я издаю стон.

— Даже не напоминай. Кстати о его брате. На следующей неделе у нас с ним фотосет. А я теперь только и буду думать, что он трахал Анну.

Стеф смеется.

— Передавай ему от нее привет!

— Ну да. Вот еще.

— Ладно, тогда скажи Картеру, что его костюм висит у меня в ванной. Он ему понадобится в пятницу.

— Костюм?

— Он сидел с Морган, чтобы мы могли пойти на свидание. Они так наигрались в «Сладость или гадость», что ее на него стошнило. Я бы, конечно, наорала на него, поскольку он позволил ей слопать целый пакет конфет, но я в кои веки была на вечеринке для взрослых. А потом еще секс в отеле...

— Нет, миссис Готовая Выболтать Все На Свете, не сегодня. Не говори мне о своей сексуальной жизни и уж тем более о том, какой Картер милый. Он монстр.

— Продолжай себя в этом убеждать, ага. Ладно, пришел агент. Люблю тебя. И перестань быть плохим человеком.

Как вселенная может так со мной поступать? Только я собираюсь получить выгоду от неэффективного и заправленного кофе без кофеина Картера, как мир напоминает, что он, возможно, не так уж и плох. Думаю, смело можно сказать, что я облажалась, а Стеф права: я плохой человек.

На встрече за ланчем с Адамом Эллиотом меня то и дело гложет беспокойство, но поскольку я разговариваю с главным красавчиком Америки, хоть и в годах, отвлекаться мне никак нельзя.

По моем возвращении Картера в кабинете уже нет, так что признаться или угостить его нормальным кофе, который купила по дороге на работу, я не могу. Я открываю почту и не глядя тянусь к тубику с кремом, стоящему на столе. Но вместо того чтобы начать читать (или даже возвращать свое чувство вины), я вспоминаю, как Картер сегодня забыл имя Брэда, когда они столкнулись в коридоре. Это было особенно круто.

Наношу крем на ладони, потом немного и на локти и лицо, и остатки на голени, после чего вспоминаю, как Джесс рассказала мне, что Картер ошибся этажом и уселся за стол Эвана Кёртиса из юридического.

Добавив еще крема, я ощущаю, как с новой силой возвращается чувство вины, и принимаю решение снова поменять местами кофейные капсулы и во всем сознаться. Карма — мстительная сука, и мне не хочется, чтобы она явилась по мою душу.

Уже протягиваю руку к телефону, чтобы позвонить Джесс и обо всем рассказать, как вдруг звонит человек, которого я ждала.

Спустя сорок пять минут непрерывного убаживания эго актрисы раздается стук в дверь.

— Войдите, — не отрываясь от компьютера, говорю я и слышу, как низ двери прошуршал по ковру.

— Привет. Ты видела письмо по поводу прове... *Мать твою!* — охает Джесс и с ужасом смотрит на меня.

— А? *Что?*

Она мотает головой и рукой зажимает рот.

— О господи. Иви. Я сейчас.

Выбежав в коридор, она спустя мгновение возвращается вместе с Дэрил и закрывает дверь.

— Да что такое? — спрашиваю я. — Что вы так на меня уставились?

Дэрил с трудом держится, чтобы не расхохотаться.

— Ты что это натворила, Гарфилд?

— Я... *Что?* — протянув руку, чтобы достать зеркальце, которое храню в нижнем ящике стола, я тут же вижу это. Мои руки, в основном ладони и запястья, оранжевого цвета. — О боже.

— Ты выглядишь как дорожный конус! — говорит Дэрил и наконец раздражается безудержным хохотом, с трудом добавив: — Из-за тебя мне жареных крылышек захотелось!

— Боже, да *заткнись* же ты наконец, — дрожащими руками поднеся зеркало к лицу, я швыряю его через всю комнату.

Моё *лицо* тоже оранжевое. И не просто оранжевое — с блестками. Я выгляжу сверкающим арахисом.

Дэрил подходит ко мне.

— *Чем* ты намазалась?

— Я не...

Остановившись на полуслове, я беру тюбик с кремом, которым недавно пользовалась. Нет.

Открутив крышку, подношу его к носу.

О нет.

Вместо привычного мне нежного аромата ванили, я ощущаю слабый химический запах.

— Не-е-е-е-ет, — рычу я как безумная. — Я *убью* его!

— Он закачал автозагар в твой тюбик крема для рук? — шепотом спрашивает Дэрил, одновременно ужасаясь и... восхищаясь.

Джесс выбегает и так же бегом возвращается. Обходит стол и, присев рядом со мной на корточки, из небольшой упаковки достает салфетку для снятия макияжа.

— Теперь я за него боюсь, — взяв мою руку в свою, она начинает оттирать. — Смотри, большая часть спокойно оттирается. Это ведь всего лишь автозагар.

Дэрил смеется.

— Ага, сойдет часов через восемь.

— Ой, Иви, что с тобой *случилось?* — раздается насмешливый низкий голос, и, подняв головы, мы видим улыбающегося Картера, прислонившегося к дверному косяку. В попытке побыстрее сбежать Джесс чуть не падает на задницу.

— Это *ты* сделал!

— На твоём месте я бы не переводил стрелки, мисс Бариста.

Не могу удержаться от хихиканья.

— Что, прости?

Оттолкнувшись от косяка, он подходит ближе. А Джесс с Дэрил решили поступить по-умному и вышли из кабинета.

— Во время обеденного перерыва я рванул домой, чтобы выпить там кофе, потому что здешний явно не помогал. Как и следовало ожидать, дома меня тоже ждали капсулы без кофеина. Выйдя из магазина на парковку, я не смог вспомнить, где оставил машину, и меня чуть не арестовали, поймав на попытке взлома чужой серебристой Ауди.

Я чувствую прилив гордости за саму себя.

— Пытался влезть в чужую?

Слегка покачав головой, он усмехается.

— Ага. Совсем не круто.

Протянув в его сторону свою оранжевую руку, я говорю:

— Не вздумай тут строить из себя жертву, сэр.

— Я бы и не посмел, — он подходит ближе — так близко, что я ощущаю тепло, исходящее от его кожи. Подходящее для перепалки настроение исчезает, и я практически чувствую его взгляд, который, скользнув по мне, ненадолго задержался на губах.

Словно он хочет поцеловать меня.

Ну нет. Думаю, мы оба знаем, что такого больше не будет.

— Ты мне *нравишься*, — шепчет он.

От его слов под ребрами резко заныло, и мой ответ прозвучал более откровенно, нежели я планировала.

— Ты мне тоже.

Картер смотрит на меня не мигая.

— Иви...

— Я просто рада, что раскусила тебя раньше, чем дело зашло бы слишком далеко.

Лежа в ванне Стеф и выныривая из пышной пены, я обращаюсь ко всем присутствующим, а заодно и к своей глубинной сути:

— Я его с землей сровняю.

Все столпились в небольшой ванной Майкла и Стеф: Дэрил, Амелия, Джесс, сама Стеф и, конечно же, я. Голая и уже чуть менее оранжевая.

— Это замечательно, дорогая, — говорит Дэрил и вручает мне еще одну люфу, сунув руку за шторку. — Только давай не сегодня.

— Тебе стоит признать, что он очень умен, — замечает Амелия. — Придумал, как использовать против тебя твой кремовый фетиш.

Я хмуро оглядываю мутную воду в ванне. Макияж почти не дал автозагару впитаться в кожу лица, поэтому оно отмылось довольно легко. Но ладони и локти по цвету ярче других мест и продолжают сохранять бледно-оранжевый оттенок.

— Никакой это не фетиш. Больше похоже на нервный тик. И ничего он не придумал. Я сама рассказала ему по крем для рук. Он просто взял мою же привычку и использовал ее против меня. Грязный предатель.

— Ага, но только не рисуй себе нимб. Ты первая начала, — напоминает Амелия. — Наш безкофеиновый друг врезался прямо в стену рядом с моим кабинетом.

Я выглядываю из-за шторки.

— Правда? — радостно переспрашиваю я, жалея, что не видела это своими глазами.

Моя улыбка тут же исчезает, когда они все молча смотрят на меня, каждая подняв одну бровь.

— Ой, да ладно вам, — сломавшись под их давлением, хнычу я. — Это был всего лишь кофе. Я начала, да, а он увел у меня из-под носа Дэна Принтса, оказал протекцию брату, даже не посоветовавшись со мной, и бросил меня одну расхлебывать встречу с болтливым организатором мероприятий, на которой, вообще-то, должны были присутствовать мы оба. Так что просто хотела, чтобы он имел в виду: сдаваться я не собираюсь.

— Ну а все, что он сделал, это просто повысил ставку, — успокаивающе говорит Амелия. — А поскольку я тебя хорошо знаю, то ты уже всю готовишь план возмездия.

— Ты невероятно права. Готовлю. Джесс? — зову я. — Мне нужно, чтобы ты сделала ряд сомнительных действий.

Сидя на столике рядом с раковиной, Джесс окидывает меня внимательным взглядом.

— Что-то противозаконное?

— М-м-м... Еще не решила.

Она закатывает глаза.

— А ты хотя бы вину на себя возьмешь, если меня поймают?

— Разумеется.

— На всякий случай в присутствии свидетелей заявляю, что считаю это плохой идеей, но все равно в деле.

— Знаете, как друг Картера, я чувствую, что пора вмешаться, — замечает Стеф.

— Может, хочешь заглянуть внутрь своей ванны? — наклонив голову, интересуюсь я.

Подняв руки, она останавливает меня.

— Нет-нет. Нет необходимости, — оглянувшись через плечо на звук звонка в дверь, она добавляет: — Сейчас вернусь.

Скрывшись за шторкой, я беру кусок мыла и снова намыливаю люфу.

— Фотосессия на следующей неделе. И если он выиграл битву, то в войне победа будет за мной.

— Пока не забыла, — говорит Джесс, — изначально я приходила к тебе сегодня по поводу письма из бухгалтерии. Они делают аудиторскую проверку, и им нужны копии всех твоих отчетов о расходах.

— Проверка? — переспрашивает Дэрил.

— Ага, — отвечает Джесс. — Это как-то связано с частной акционерной компанией, которая поддержала «П&Д» в слиянии. Видимо, сторонние финансовые вливания означают больший контроль. Им нужны отчеты абсолютно всех, даже мой.

— Просто согласовывают бухгалтерию после слияния, — говорит Амелия. — Обычное дело.

В коридоре раздаются шаги, и, снова выглянув, я вижу входящую в ванную Стеф вместе с Эриком, ассистентом Дэрил.

— Ты что *делаешь*? — кричу я, прижимая шторку к своей груди.

— У меня глаза закрыты, — отвечает Эрик. — Просто нужно было передать Дэрил кое-какие контракты.

И чтобы продемонстрировать, что он действительно закрыл глаза, Эрик врывается в дверной косяк.

— Вот сюда, — направляет его Дэрил. — И спасибо, что пришел, Эрик.

— А что это вы все здесь делаете? — Эрик приоткрывает один глаз и оглядывает все вокруг. — Секретное совещание... в ванной? — заметив меня в ванне, он тут же зажимуривается опять и приветственно машет мне рукой. — Ой. Привет, мисс Эбби.

— Замышляем отмщение одному из коллег, — зажав в зубах кончик ручки, говорит Дэрил. Потом разворачивает его и кладет бумаги на его широкую мускулистую спину, используя ее в качестве импровизированного столика. — Тебе, наверное, интересно, почему Иви сидит в оранжевой пене.

— В общем, — тихо говорит он, — такой вопрос мелькнул у меня в голове. Но раз тут еще и мисс Бейкер из HR, то я решил, что тут ситуация, где лучше помалкивать.

— Неплохая интуиция, — кивает Амелия.

— Кто-то закачал автозагар в тубик крема для рук Иви, — говорит Дэрил, и Эрик не может удержаться от хохота. После чего она шепотом добавляет: — И этот кто-то — *Картер*.

Амелия закрывает лицо рукой.

— Дэрил... не сдавай имена врагов гражданским, — громко возмущаюсь я.

— Расслабься, — уверяет она. — Эрик молодец. Черт, да он даже может нам пару идейек подкинуть, — повернув его к себе лицом, она вручает ему уже подписанные документы. — С телефонами ты управляешься так себе, а вот в компьютерах — гений, — Дэрил победно улыбается ему. — Только без обид.

— А ты можешь создать программу, которая будет автоматически сверять отчеты о расходах со счетами-фактурами? — с сарказмом интересуется Джесс, по-прежнему сидя на столике.

— Ну что за скукота, Джесс, — отмахивается он нее Дэрил. — Мы же тут *диверсию* планируем.

Эрик пожимает плечами.

— Я вполне могу быть на женской стороне в этой войне. Что вам нужно? Могу обнулить банковский счет Картера. Или создать ордер на его арест.

В животе все резко куда-то падает.

— Но я не хочу отправлять его в тюрьму.

— Тогда могу хакнуть его почтовый ящик, — предлагает Эрик. — Или перетасовать дела в календаре.

Мой интерес моментально возобновляется.

— Ты правда можешь все это сделать?

Он сексуально вздергивает подбородок в ответ.

— А то. Я могу сделать что угодно.

Все женщины смотрят на Эрика, тут же поверив ему на слово.

А потом Амелия закрывает руками уши.

— Все это плохо кончится.

— Она права, — говорю я. — Ценю твою поддержку, Эрик, но я хочу, чтобы это оставалось в рамках сумасбродных выходок без участия криминала.

Стеф бросает в меня мочалкой Морган в виде уточки, и все выходят из ванной, оставив меня заканчивать отскребаться и размышлять о плане мести в одиночестве.

Встав на коврик рядом с ванной, я в запотевшем зеркале замечаю висящий позади на двери меня костюм.

Костюм Картера.

Я улыбаюсь своему отражению. Сумасбродные выходки так сумасбродные выходки. В конце концов, Картер сам назвал меня Злючкой.

Так что если я и перейду на темную сторону, то сделаю это идеально.

— глава шестнадцатая —

Картер

Прошло уже два дня, но сказанное Иви все не выходит у меня из головы.

— Ты опять, да?

Я вру:

— Нет.

Майкл Кристофер смотрит на меня через столик, где мы сидим в Creme de la Crepe.

— Опять-опять, — потом спрашивает у Джоны. — Он всегда так делает?

Джона утвердительно кивает.

— Как делаю? — я смотрю то на одного, то на другого.

— Зацикливаешься на том, что сказал кому-нибудь, или что кому-нибудь — не дай бог — чем-то не понравился. Да ты всю жизнь такой. Возможно, поэтому ты и устроил это Иви в отместку. Ты ей не нравишься, поэтому и решил, что пусть это будет за твои действия, а не за то, какой ты человек.

Ох. Прямо по больному.

— Нет, она выразилась достаточно ясно: раньше я ей нравился, а потом она порадовалась, что раскусила меня, прежде чем мы с ней зашли бы слишком далеко. А если одним словом, то я идиот.

— Никакой ты не идиот, — возражает Майкл и машет ложкой перед Морган, пытаюсь тем самым отвлечь ее внимание от всех движущихся предметов в ресторане. — Просто немного глуповат.

— Не ври ему, МК. Он *полный* идиот, — говорит Джона, и я бросаю на него сердитый взгляд. Если не считать нескольких смс по поводу грядущей фотосессии, мы с Джоной толком не общались, с тех пор как я узнал о его маленькой финансовой проблемке. Я пригласил его присоединиться к нам за завтраком, чтобы мы обсудили детали предстоящей съемки и чтобы напомнить ему, насколько важно, чтобы он не облажался. Но пока все, что он делает — это таращится в телефон и отпускает остроты в мой адрес.

Тошно даже представить, насколько сейчас я завишу от действий своего брата. Брэд считает, что я нанял его, потому что у меня есть какой-то план. Так что если Джона напортачит или зазвездится, то скрыть от Брэда это будет совершенно нереально. И пути назад уже не будет. Новый контракт перейдет в руки Иви, а мне придется вернуться к родителям.

— Он *не* идиот, — говорит Джоне Стеф. Она услышала его последнюю реплику, когда вернулась из туалета. — Почему ты так говоришь?

Видеть, как Стеф и Майкл заступаются за меня, очень приятно, но строго говоря, я вполне заслуживаю ответный ход от Иви.

— Ты сегодня что-то тихая, — говорю я ей. — Все в порядке?

— Да, просто... сам знаешь. Работа, — несколько раз потыкав соломинкой лед в стакане с водой, отвечает она.

Она выглядит расстроено, но кто бы стал ее в этом упрекать? В то время как ее муж уписывает за обе щеки «О-ля-ля» — блюдо, представляющее из себя огромную гору вафель с нутеллой, клубникой, бананами и манго — она заказала себе белковый омлет и соте из шпината, после чего отправится на йогу. На йогу! Она идет на нее практически на пустой желудок.

Кажется, я только сейчас понимаю, как трудно быть женщиной. Ты всегда или слишком худая, или недостаточно. Работай безупречно, но не вздумай превзойти ни одного мужчину. Высказывай мнение, но не будь стервой. И улыбайся. А потом появится кто-нибудь вроде Брэда, который тобой воспользуется.

Несколько раз проведя пальцем по своему стакану с водой, я наблюдаю, как на салфетку стекают капли конденсата. Чувствую себя муذاком, раз сам от Брэда мало чем отличаюсь.

— У тебя когда-нибудь бывало так, что твоя поначалу хорошая идея в итоге оказывалась совершенно дебильной?

— Каждый день, — не задумавшись ни на секунду, отвечает Майкл.

Джона отрывается от телефона, словно мои провалы — это тема, достойная его внимания.

— И что ты натворил?

— Ничего. Не важно, в общем, — ткнув вилкой сосиску, отвечаю я.

— Да ладно тебе, — говорит он. — В случае если ты не заметил, моя жизнь тут тоже в унитазе. Так что расскажи уже что-нибудь мне, муذاку.

Он застал меня врасплох. Честно.

— Да просто несколько глупостей, которые выросли в снежный ком, — говорю я им, — а теперь у меня есть вполне законные основания бояться идти на работу в понедельник.

Стеф покашливает.

— И... — потирает меня Джона.

— Ну, тогда давай по порядку, — начинаю я. — Наверное, надо начать с момента, когда наш общий босс отправил ее завтрак в мусорку, потому что он сексист и мудила, а я просто сидел и молча смотрел. Или когда я нарочно ничего не сказал про ее расстегнутые пуговицы во время совещания. Важные пуговицы, — уточняю я.

— Она ничего об этом не рассказывала, — с немного испуганным выражением лица замечает Стеф.

— И как ее сиськи? — интересуется Джона, снова привлеченный важными темами. — Хороши?

Прежде чем я успел дотянуться и ударить его по башке, за меня это делает сначала Стеф, а потом и Майкл.

— А ты знал об этом?

— Я... слышал... как что-то случилось... неприятное, — тщательно подбирая слова, отвечает Майкл. — Я сказал ему, что он был неправ. *Очень* неправ, — он строго смотрит в мою сторону, давая понять, что прикончит меня прямо во сне, если я намекну на правду.

Стеф издаст стон.

— Про ситуацию с Джоной и Дэном Принтсом я слышала, плюс как ты сбежал с вашей встречи с организатором мероприятий.

— Я...

— Рабочие дела — между вами двумя. Но потворствовать сексизму Брэда... За такое я зла на *тебя*, Картер. В этом бизнесе женщину не воспринимают всерьез и видят в ней не

человека с интеллектом, а пусть и красивый, но объект. Большинство мужчин так ведут себя, словно на дворе 60-е, и каждая женщина в офисе — его секретарша. Иви приходится быть умнее, проворнее тебя и в разы лучше работать, при этом довольствоваться меньшей зарплатой и меньшим признанием. И уже за это она должна быть благодарна.

Мне хочется заползти под стол от стыда.

— Вот именно это я ему и говорил, — лихорадочно кивая, говорит Майкл. — Что это подрывает ее авторитет. Разве я не говорил это тебе, Картер? Так бы и ходил за тобой, звоня в колокол позора. Очень в тебе разочарован.

— Я был загнан в угол, — отвечаю я. — Скажи я что-нибудь, она бы еще больше смутилась. Да и еще поняла бы, что пялился на ее сиськи.

— Что ты и делал, в этом я даже не сомневаюсь, — замечает Стеф.

— Ну, да. Они великолепны.

Перегнувшись через стол, на этот раз она шлепает меня.

— Что-то не вижу проблемы, — встречается Джона. — Пока что ничего из перечисленного не так ужасно.

— Не очень-то убедительно, — отвечаю я, а потом поворачиваюсь к Стефу. — Как я уже говорил, все обострилось. Даже не знаю, как это произошло. В одно мгновение я стоял в очереди на кассу, держа в руках кофейные капсулы, а в следующее обернулся и увидел большой стенд с автозагарами. Подводя итог, я более чем уверен, что помру в какой-нибудь сточной канаве.

— Погоди-погоди, это та девушка с вечеринки? — с полным ртом картошки спрашивает Джона. Причем, *моей* картошки. — Та, с которой ты так и не дошел до конца?

— Почему ты до сих пор здесь? — смерив его ледяным взглядом, интересуюсь я.

— Ты сам меня сюда позвал, недоумок. Хотел прочитать нотацию по поводу этой идиотской фотосессии. Ты же ведь понимаешь, что я в курсе, как это все устроено, да? — он садится ровнее — верный знак, что взбешен. — Считаешь, мне нужно рассказывать, как делать свою работу?

Я чувствую нарастающее раздражение, но решаю его подавить. Моя реакция сейчас в точности такая же, как и на слова Иви по поводу того, что время сделать шаг навстречу Дэну.

— Просто имей в виду, что я сверился с твоим расписанием, и ты начнешь в одиннадцать, — говорю я ему. — В половине девятого мейкап. Будь на месте в девять. *Не опаздывай*. И не выкаблучивайся. Я подставил свою голову ради тебя. И голову Иви тоже.

— Да мать твою, Картер, я буду там, — мой брат засовывает телефон в карман и встает. — Почему ты все время такой мудака?

— Мудака! — радостно восклицает Морган, и Джона пулей вылетает из ресторана.

— И на этой замечательной ноте... — Стеф смотрит на часы. — Мои занятия начинаются в десять, — она целует каждого из нас в макушку — Морган дважды — и, взяв свою спортивную сумку, уходит.

Нарезав вафли, чтобы они были на один укус, он перекладывает кусочки на тарелку дочери. Но Морган явно надоело сидеть смирно, поэтому она переползает ко мне на колени. Майкл наблюдает за нами, и на его лице расцветает нежность. Я знаю, о чем он думает — он желает того же и мне. Он хочет, чтобы мы все вместе встречались по воскресеньям за завтраком, и наши дети играли друг с другом. Хочет, чтобы дружили наши жены. Не нужно быть гением, чтобы понимать: он по-прежнему хочет, чтобы мы с Иви были вместе. Если бы

решился утверждать, что сам этого не хочу хотя бы немного, то я бы соврал. С Гвен у меня никогда не было полного взаимопонимания, но что-то подсказывает мне, что оно возможно с Иви. Поначалу, мы, наверное, друг друга поубиваем, но кто знает — вдруг это часть удовольствия.

— У тебя сейчас лицо любящего папочки, — говорю я ему.

— Нет у меня никакого лица.

— Есть-есть, — подняв руку, я рисую воображаемый круг у его лица. — Остекленевший взгляд и сентиментальный вид. И как будто мысленно вышиваешь наши имена на постельном белье.

— Из-за всех этих разговоров о саботаже мне будет неловко произносить тост на вашей свадьбе.

— Не хочу тебя расстраивать, но этот поезд ушел в пятницу днем, в момент, когда я наполнил ее тюбик автозагаром.

Майкл подносит кружку ко рту и самодовольно смотрит на меня.

— Я на целую неделю забыл про кота Стеф, пока она была в отъезде, и до сих пор здесь. Никогда не угадаешь, во что все это выльется. Кроме того, для человека, готового завтра умереть, ты ведешь себя до странного оптимистично — я бы сказал, даже с этакой веселой придурью. Можно подумать, ты этим даже наслаждаешься.

На моем лице написано отрицание, но ускорившийся в ответ на слова Майкла, отразившие мои недавние мысли, пульс говорит об ином.

Не особенно церемонясь, Злючка оттяпает мои яйца и предложит их мне, если сочтет это своим решающим преимуществом. И хотя меня эта идея не так чтобы привлекает, снимать со счетов ее все же не стоит. Иви умнее, и от необходимости быть на шаг впереди в кровь впрыскивается адреналин.

Если бы я только знал, как именно это сделать.

Мучительно стараясь продумать свой следующий шаг, ночью в воскресенье я почти на спал, а утром ощущал себя ходячей бомбой замедленного действия.

Сам не знаю, чего я ожидал увидеть. Мешки с подожженными экскрементами у себя на крыльце? Нападение шайки ниндзя на лестнице? Обе эти возможности не кажутся реальными, но на всякий случай перед выходом я смотрю в глазок, а потом высовываюсь из-за угла, прежде чем спуститься по лестнице. Даже заглядываю под капот и только после этого сажусь в машину.

Возьми себя в руки, Картер.

Пытаюсь посмеяться над собственными взвинченными нервами, когда при запуске двигателя машина не взрывается огромным огненным шаром. Видимо, лучшее возмездие — это отсутствие возмездия. Черт бы тебя побрал, Иви.

Этим утром движение на дорогах лучше обычного, и к окончанию второй кружки кофе я приезжаю на работу с почти восстановленным душевным равновесием.

Джастин сегодня на больничном, так что по дороге в кабинет я немного болтаю о том и о сем с несколькими стажерами. Кайли выглядит чем-то измотанной, но, стараясь держаться подальше, я захожу в комнату отдыха налить кофе, после чего мой рабочий день официально начат.

Этот с кофеином. Я проверил.

Дверь в мой кабинет заперта. Хороший знак. У Иви горит свет, но дверь закрыта, поэтому я стараюсь не звенеть ключами и вообще — не делать никаких лишних шумов. Потому что я сосредоточен. Вовсе не напуган.

Внутри никаких перемен. Компьютер не сдвинут, даже степлер на том же углу стола, где я его и оставил.

На стене нет надписи, сделанной кровью (или дерьмом) «УМРИ, КАРТЕР, УМРИ!!!» Считаю это победой.

Тем не менее аккуратно закрываю дверь и на цыпочках иду к столу. Поморщившись, ввожу пароль, но с компьютером, кажется, тоже все нормально. Я нахожу несколько нужных адресов, отвечаю на несколько писем, собираю необходимые документы и будто между прочим наклоняюсь в ту сторону, откуда отлично видны ноги Иви. Здесь дохлый номер.

Уже собираюсь уходить, как звонит рабочий телефон.

— Картер.

— Алло? — вроде бы говорят на том конце. Я увеличиваю громкость.

— Добрый день. Это Картер Аарон. Алло? — голос звонящего настолько плохо слышен, что я прищуриваюсь, изо всех сил стараясь его услышать. — Простите, кажется плохая связь. Вы можете мне перезвонить? Алло?

Линия разъединяется, после чего звонок раздается снова.

— Картер Аарон, — снова говорю я.

— Картер, это Калеб, — это все, что я смог разобрать. Калеб Феррац, менеджер Дэна Принтса. Мы уже две недели оставляем друг другу сообщения.

— Калеб, ты... Ты меня слышишь? Кажется, у меня что-то с телефоном. — кричу я. Смотрю на трубку, встряхиваю ее и снова подношу к уху. — Можешь перезвонить на мобильный?

— Не могу... — слышу я. После чего еле различаю: — ...взлетаем, — потом следует серия слов, но я не уверен, что расслышал их, а не выдумал: — Дэн... говорили... поездка... недель...

Бля.

— Калеб, отправь мне смс, как только сможешь, и я потом тебе перезвоню!

Кажется, после этого он прощается, но я не уверен. Кладу трубку и звоню Майклу Кристоферу. Он отвечает, но история повторяется. Думаю, он меня слышит, а я его нет. Пишу ему сообщение, что объясню свой звонок позже.

Схватив нужные документы, я выхожу и испытываю легкое разочарование, что дверь Иви до сих пор закрыта. Почему я так тороплюсь с ней столкнуться? Уверен, она в ярости, и последнее, что я увижу перед своей смертью, — это оранжевые руки Иви на своей шее.

Поскольку Джастина нет, то я останавливаюсь у стола Кайли. Она разговаривает с каким-то парнем из отдела корреспонденции, и я достаю телефон, пока жду.

— Убедись, что все из номерного ящика попадет прямо в кабинет к мистеру Кингману, хорошо? Он в этом очень щепетилен.

— Ящик. Понял, — отвечает парень и делает себе пометку. — Пока, Кайли.

Проводив его взглядом, Кайли широко мне улыбается.

— Картер! Как у тебя дела?

— Хорошо. А у тебя?

— Замечательно! Хочешь сегодня вместе пообедать?

Я притворяюсь расстроенным, хотя на самом деле радуюсь, что у меня есть отмазка.

— Встречаюсь с клиентом, — отвечаю я, и она симпатично дует губки. Что-то мне подсказывает, что этот вид всегда играет на ее пользу. — Я уже собрался уходить, но хотел попросить, чтобы кто-нибудь проверил мой рабочий телефон.

— Телефон?

— Там что-то с громкостью, — уточняю я.

Она идет за мной в кабинет, поднимает трубку и подносит ее к уху. Несколько раз нажимает кнопки, регулирующие звук, после чего откручивает крышку динамика.

— Ой, — говорит она, и я наклоняюсь ближе. — Тут застрял кусок скотча. Так странно.

Она осторожно отклеивает мешающую шпукловину и закручивает крышку.

Я заворожено смотрю на прозрачный завиток, лежащий на ее ладони.

— М-да. *Странно.*

Собираясь уходить, она останавливается в дверях.

— Рада помочь. Зови, если тебе... э-э, понадобится что-нибудь еще... — она делает паузу, услышав какой-то звук в кабинете Иви. — Или как-нибудь сходим пообедать...

Выйдя из кабинета, Иви останавливается прямо за Кайли.

— Привет, Иви, — с легкой улыбкой говорит Кайли и уходит к себе.

Прислонившись к открытой двери и скрестив — слава богу — нормального цвета руки на груди, Иви улыбается.

— Не хотела вас прерывать. Может, закроешь в следующий раз дверь?

Не обращая внимания на ее выпад, я говорю:

— Такая забавная история. У меня телефон не работал, а Кайли помогла выяснить причину. Оказалось, кто-то внутрь приклеил кусочек скотча. Интересно, кто бы это мог быть?

— Понятия не имею, — пожимает плечами Иви. — Я недавно пришла. Но если судить по количеству людей, которые хотели бы, чтобы ты выглядел в глазах других не очень хорошо, то, наверное, есть из кого выбирать.

— И что это означает? — интересуюсь я, искренне задетый, и иду за ней в комнату отдыха. — *Я нравлюсь* людям. Это *тебя* они боятся.

Она достает из шкафа кружку и наливает себе кофе.

— Хорошо, Картер.

— Что ты имеешь... — я останавливаюсь на полуслове. — Не надо так.

— Как?

Иви не спеша наливает в кофе сливки и смотрит на меня.

— Делать вид, будто ты не задета. И играть в подростковые игры.

— Это ты сейчас меня преследуешь, — убрав сливки, она направляется к двери.

— Ну и ладно, — говорю я.

— Ну и *ладно.*

Ее фирменный дьявольский смех раздается по всему коридору.

— **глава семнадцатая** —

Иви

**«Стеф! Стеф! Приклеить скотч на динамик телефона Картера было круто!»
«И так просто».**

«Наверное, моя лучшая идея».

«Иви, ты что-то сделала с костюмом Картера?»

«Который висел в ванной».

«Что-что? Плохо тебя слышу».

«Я еду по Лорел Каньону».

«Мы переписываемся, чокнутая».

«Так сделала или нет?»

«Может, и сделала. Самую малость».

«Сейчас хочу изменить свое предыдущее сообщение и сказать, что ЭТО моя лучшая идея!»

«Вздыхаю».

«Не волнуйся».

«Просто немного совершенно безобидного веселья».

«Ты отдаешь себе отчет, что твое поведение не нормально, да??»

— глава восемнадцатая —

Картер

В «П&Д» не происходило ничего приличного. В понедельник был тот инцидент со скотчем. Во вторник я тайком накачал буррито Иви приличной порцией острого соуса и тихо наслаждался ее злым и сексуальным рычанием, когда она помчалась в комнату отдыха заливать пожар сливками из холодильника. Она вернула мне должок в среду, намочив водой мое кресло, от чего я до конца дня проходил с заметным пятном на заднице.

В четверг у нее были встречи не в офисе, так что я не получил удовольствия от созерцания ее, покрытой блестками, которые насыпал в вентиляцию ее машины. Но поскольку утро было довольно прохладным, блестки должны были стать липучими, в момент когда резко вырвались вместе с потоком приятного теплого воздуха. Вот только после этого я превратился в форменного параноика, думая, что она понаставила ловушек по всему моему кабинету, и не мог ни к чему прикасаться без страха. Иви появилась в офисе под конец дня — с небольшим количеством блесток у корней волос — ровно в тот момент, когда я кинул в рот яблочную, как я думал, конфетку от Кайли, а та оказалась луковой от Иви.

Мое желание грохнуть ее свела на нет новость о том, что уволили Стива Гейнора из телевизионного отдела. Что может быть лучше наглядного примера перед глазами, который помогает взглянуть на вещи реально.

Мы договорились приехать на фотосессию в пятницу в половине девятого, но моя параноя заставила меня притащиться аж в восемь. И вот я стою, дрожа от холода, у двери еще закрытой студии. Пиджак кажется тесным — брюки тоже — и я едва могу обхватить себя руками, чтобы немного согреться.

Зашибись. Вот к чему приводит привычка заедать стресс.

Через несколько минут после меня приезжает половина персонала, включая менеджера Джейми, которая — едва мы входим в студию — начинает спорить с креативным директором Vanity Fair и одним из помощников Джоны насчет света.

— Картер, привет, — увидев меня, говорит Элли и, извинившись, заканчивается разговор, после чего идет туда, где позади меня уже ставят стол с перекусом.

— Привет, — как и говорил Брэд, когда передавал мне Джейми в качестве клиента, Элли из тех менеджеров, кто активно принимает во всем участие. В то время как большинство других — просто хорошие исполнители и заинтересованы в том, чтобы их клиенты были довольны и получали признание от продюсеров, Элли же была вовлечена в каждый из аспектов карьеры Джейми. Мою жизнь это сильно облегчает.

— В котором часу придет Джейми?

— Она уже здесь, — кивком показав на дверь в гримерку, отвечает Элли. — В гримерной со своим тренером.

— Отлично.

— Обычное дело для нас, — отвечает она и попутно следит за выгрузкой закусок. Постучав по плечу женщину, поставившую завернутый в целлофан лоток, она уточняет: — Тут ведь нигде нет изюма, да?

Та смотрит на этикетку на дне лотка, после чего сверяет информацию с таблицей, прикрепленной к потертому планшету.

— Пищевая аллергия? Не нахожу упоминаний в заказе.

— Капризная актриса, — с многозначительной улыбкой поправляет ее Элли.

— Так, сейчас посмотрим, — говорит женщина и начинает просматривать списки. — У нас тут кофе и чай, газированные напитки, фруктовые соки, вода с цитрусовыми, энергетические напитки, печенье с шоколадной крошкой, выпечка, протеиновые батончики... — выпалив на одном дыхании практически бесконечный список, она еще раз листает страницы и улыбается Элли. — Изюм есть только в смеси сухофруктов, и там это четко указано на упаковке.

Подняв большие пальцы, Элли поворачивается ко мне. Я утаскиваю печенье из лотка и смотрю на него. Костюм становится невероятно дискомфортным, словно утягивающее боди. Когда я успел набрать вес? Задумчиво трогаю свой живот.

— Джейми заморачивается насчет изюма?

Элли кивает.

— Она одна из самых уравновешенных актрис, с которыми я работала, но, господи. Она так печется о своей еде, — в ответ на мою приподнятую бровь Элли машет рукой. — Нет-нет, не волнуйся, у нее нет замашек супер-звезды и она никогда не сорвет съемку, но она крайне придирчива в еде.

— Придирчива до потери разума?

— На грани потери, — широко улыбаясь, добавляет Элли. — Поэтому я и здесь, — ей приходит какое-то сообщение, и она смотрит на экран. — Чего не скажешь про Шеймуса. Я позабочусь о Джейми; а ты просто убедись, что он сегодня в своем лучшем настроении.

— Шеймус — это проблема Ивлин Эбби, не моя, — оглядев студию через плечо Элли, я даже не знаю, радоваться или расстраиваться, что ее еще нет.

— Тогда удачи ей. Это все, что могу сказать. Он настолько привык к обожанию своих подписчиков на Ютьюбе, что просто не в состоянии принять отказ. Знаю, что это своего рода символ времени, но его карьера стартует на той же платформе, где мой девятилетка смотрит видео «Как собрать рюкзак». Сегодняшняя молодежь хочет быть знаменитыми. Спроси их, знаменитыми в чем именно, и они ответят, что им плевать. Ты знал, что для первой фотосессии Шеймуса он потребовал принести его личное сиденье на унитаз и чтобы

на повторе играл альбом Канье Graduation — а когда ему что-то не понравилось в цветовом решении студии, он заявил, что вернется, когда перекрасят? — она смотрит по сторонам. — Помяни мое слово, однажды он совсем потеряет связь с реальностью.

Я киваю, поскольку уже слышал об этом — и даже больше.

— Если ты так считаешь, то зачем тогда убедила Джейми принять во всем этом участие?

Она понижает голос.

— Потому что Джейми нужна эта роль, а прямо сейчас Шеймус на пике популярности. Мне плевать, что он платит шесть сотен за сеанс какому-то попсовому рефлексотерапевту за то, что тот курит марихуану ему в лицо для гармонизации долбанных чакр. Но здесь ему лучше появиться вовремя и держать себя в рамках. Демонстрировать свое дерьмо ему еще рановато.

Я смеюсь.

— Скажу коллеге быть начеку. А ты убери весь изюм подальше от Джейми.

— Обязательно, — она отключает телефон и убирает его в карман. — Дай знать, когда появится фотограф.

Моя улыбка получается натянутой, ведь ее слова означают, что Джоны еще нет.

— Конечно.

Развернувшись, я чуть не врезаюсь в Иви.

Черт.

— Упс. Ты что это, подслушиваешь?

— Подслушиваю? — она отступает на шаг и улыбается. — Ой, Картер. Твоей любви потрепать хватит на нас обоих.

Словно обладая собственной волей, мой взгляд скользит по ее телу вниз и вверх. Она надела платье-рубашку без рукавов, расстегнув две верхние пуговицы и обнажив тем самым ключицы и немного декольте. В то же мгновение я потерял дар речи от вида ее плеч и верха груди. Когда встречаюсь с ней взглядом, уголок ее рта дергается вверх, и я понимаю, что спалился.

— Просто проверил, застегнуты ли пуговицы, — говорю я.

— Вот видишь? Эта не сложно. Глядишь, и рабочий этикет выучишь, мой дорогой товарищ по команде.

Я поворачиваюсь, когда она проходит мимо меня.

— Просто это была борьба между рабочим этикетом и полным отсутствием интереса, — говорю я ей вслед. — Отсутствием интереса к победе.

Иви останавливается и медленно поворачивается ко мне лицом, а я чувствую, как у меня на шее выступили капельки пота. А костюм словно уменьшился еще на размер. Я инстинктивно стискиваю одной рукой печенью, а другой телефон, тут же припоминая все свои идиотские смс Майклу Кристоферу. Уверен, что беспокойство, с которым я их писал, сейчас отчетливо читается у меня на лице.

«В офисе я чуть не нырнул лицом в декольте Иви».

«Просто не забывай напоминать мне, что она Люцифер в юбке».

Вот именно. Она сущий дьявол. *Помни, Картер: по сути, или она тебя, или ты ее.*

— Задел за живое? — интересуюсь я.

Она сжимает челюсти — любому другому человеку, кто не настолько зачарован ее лицом, это движение совсем не заметно.

И вдруг ее поза становится более расслабленной, а черты лица смягчаются.

— Как ты себя сегодня чувствуешь? Все в порядке?

Сбитый с толку от такой перемены тактики, я внезапно ощущаю желание на всякий случай защитить пах. Вместо этого я распрямляю плечи и делаю небольшой шаг назад.

— А что?

— Да ничего, — небрежно пожимает плечами она. — Просто ты выглядишь... ну, немного пышногато.

От ее явного акцента на слове «пышногато» я чувствую себя голым и испуганным, в то время как она, смерив меня взглядом от головы до пят, забирает у меня печенью.

— Ты в депрессии, что ли? — спрашивает Иви и бросает его в мусорную корзину. Сладко улыбаясь, она мягко замечает: — Картер, тебе это совершенно не нужно.

На то, чтобы вспомнить ее слова, у меня уходит меньше минуты — *Как ты себя сегодня чувствуешь? Все в порядке? Немного пышногато* — и до меня доходит: Иви что-то сделала с моим костюмом.

Если бы не сковывающий движения пиджак, я бы придушил ее прямо здесь. Но вместо этого стою и смотрю, как она победно удаляется, после чего достаю из кармана телефон, открываю сохраненный пост на сайте и нажимаю «Отправить».

Раз...

Два...

Резко остановившись, она достает из сумочки звонящий телефон.

— Это Ивлин Эбби, — делает паузу, после чего озадаченно хмурится. — Что? Нет, тут какая-то ошибка. Я не продаю машину.

Я стою, раскачиваясь на пятках взад-вперед. Мое плохое настроение моментально улетучилось.

— Да *нет* же, — снова говорит она. — Я ведь уже сказала, что не... Да, это мой номер, но машину я не продаю. И уж точно не по такой цене, — закончив разговаривать, она собирается уходить, но телефон звонит снова.

— Алло! Нет, там что-то перепутано, может, кто-то... Нет, я не продаю никакую машину. Простите, а где вы увидели объявление? Крейгслист... и Таймс? — она оглядывается на меня через плечо. — И что там написано? — пауза. — Тесла, модель S, один владелец... *Стартовая цена тысяча долларов?!* — уже кричит она, отключает звонок и поворачивается ко мне. — Это все ты!

Теперь моя очередь пожать плечами.

— Что «я»? Я и не знал, что ты продаешь машину. Тебе пойдет на пользу — воспользуешься шансом оценить общественный транспорт Лос-Анджелеса!

— Ну все, Аарон, — подойдя ко мне и ткнув пальцев мне в грудь, рычит она. — Больше никакой халявы и никакой помощи с моей стороны. С этого момента ты сам по себе.

— Не слишком ли самовлюбленно с твоей стороны?

Она подходит так близко, что я чувствую исходящий от нее аромат. Он вызывает ностальгию и приятное головокружение.

— Просто делай свою работу, договорились? — сердито говорит Иви. — Присматривай за братцем, чтобы не тот не налажал, и проследи, что Джейми не расхолаживала Шеймуса.

В половине девятого о Джоне еще ничего не слышно. К десяти часам я чуть дыру на

полу не протер — возможно, еще и швы на этих тесных брюках — когда наконец он не спеша входит в студию.

Разговаривая при этом по телефону.

В спортивных солнцезащитных очках и с кофе на вынос.

Хорошо, что Иви сейчас в гримерной Шеймуса пытается остудить его пыл.

— Какого хера, Джона? — говорю я, подходя к нему. Ткань брюк шуршит между ног с каждым шагом. *Фи-фи-фи*. — Рад, что зашел наконец.

Он смотрит на меня поверх линз очков.

— Остынь.

— Остынь, ага, — бормочу я себе под нос и, отвернувшись, провожу рукой по волосам.

От такого движения швы моего пиджака протестуют. — Мы ради *тебя* перенесли съемку.

— Может, расслабишься? — уже с раздражением спрашивает он. — Мой помощник все подготовил, а с креативным директором детали фотосета я уже обсудил. Сейчас сам проверю свет, и начнем. В одиннадцать, кстати, как и договаривались. Так что свали с дороги.

Даже если бы мой брат явился сюда почти без оборудования, все вокруг сказали бы ему: «Никому не потакай». Еще в школе он умудрялся ругаться с каждым, кто поддразнивал его за фотографирование на каждом шагу. Сейчас же ему плевать на мнение других о себе; пока может зарабатывать деньги, все на пользу. Такое мне никогда не понять. Его помощник берет на себя весь удар, но Джона никак не хочет уложить в своей голове, что однажды кто-нибудь просто-напросто решит, что он больше не стоит таких хлопот. На данный момент персонал раздражен ожиданием, расстроенные актеры сидят по гримеркам, а редакторы бешено строчат в своих телефонах, потому что фотограф, которого я нанял для этой съемки, уже выбивается из графика, ну а Иви — помимо телефонных переговоров с потенциальными покупателями ее машины — еще с половины девятого всем своим видом показывает «*А я что тебе говорила?*»

Слава богу, я разместил утром это объявление. Потому что бешенство Иви — единственное, что еще держит меня на плаву.

На полпути к гримерной Джейми я слышу крик:

— *Кто засунул изюм в печенье?!*

Постучав в приоткрытую дверь, я заглядываю внутрь.

— У вас тут все в порядке?

С трудов сдерживая рвотные позывы и наклонившись над мусорной корзиной, стоит Джейми, а Элли гладит ее по спине.

— В печенье оказался изюм, — объясняет она, а потом снова поворачивается к Джейми.

— Дорогая, давай успокоимся, пока люди не начали болтать. Если мне снова придется делать тебе макияж, я рехнусь.

— Это печенье ведь из сегодняшней доставки? — спрашиваю я и беру одно, чтобы рассмотреть. — Мы же все проверили, и не помню ника... — я замолкаю и смотрю на печенье в своей руке. На его обратной стороне приклеены изюминки. Очень много изюминок. Утром ничего такого не было. Я разворачиваюсь в сторону двери. — Сейчас вернуться.

Отложив печенье, иду на выход.

— Элли, фотограф на месте. Можешь подготовить Джейми, чтобы уже начать? И мне

жаль.

— Картер, это изюм, а не амфетамины. С ней все будет в порядке.

И киваю, сочувственно улыбаюсь Джейми и, выйдя в коридор, закрываю дверь в примерную. Я закипаю.

Иви с Шеймусом и его помощником в его примерке. Если я и сомневался, что это ее рук дело, то порозовевшие щеки и сверкающие глаза, едва она видит меня, выдают ее с потрохами.

— Простите, что прерываю, — рычу я, заглянув к ним. — Иви, мне нужно с тобой поговорить.

— Извини, Картер, у нас тут разговор, — отвечает она, но при этом смотрит в пол.

— Сожалею. Но это важно. Извините нас, ладно, парни? — с удивившим меня самого спокойствием взяв Иви за руку, я мягко веду ее по узкому коридору и захожу в микшерную, где почти пусто: несколько кабелей на полу, тусклая лампа дневного света в углу и оборудование у стен. Все это время мои брюки продолжают раздражающе шуршать.

— Что это за звук? — с улыбкой спрашивает Иви, но я ее игнорирую.

Моя рука, которой я держу ее ладонь, дрожит. Я невероятно взбешен.

Взбешен и... возбужден. Очень сильно. А поганые брюки такие узкие.

— Ты просто невозможная.

— Какого черта ты делаешь? — говорит она. — Через пару минут будет проба студийного света.

Дверь за нами захлопывается, заперев нас в круге тусклого света, и Иви выдергивает руку из моей хватки.

— У нас нет на это времени.

— Пять паршивых минут, чтобы поговорить, мы найдем.

— Ну, давай. Говори.

— Значит, так теперь будет? Будем продолжать рвать друг друга на куски?

— Ой, прошу прощения, — уперев руки в боки, говорит она. — Не могу расслышать твой детский лепет сквозь шум семидесяти пяти звонков от людей, желающих купить мою несуществующую Теслу.

— Подсунул ли я тебе автозагар в крем для рук в отместку за кофе? — начинаю я. — Да. Сожалею ли я? Черта с два. До сих пор помню твой злой вопль.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Иви с задиристым видом подходит ко мне ближе.

— Нелегко тебе, наверное, всем угождать. Как это, наверное, удручает, — зависит от мнения всех и вся.

— Новый для тебя опыт, да? — наклонившись ниже, интересуюсь я. — Беспокоиться о мнении других?

— Просто мне не нужно быть ничьим лучшим другом, чтобы заполучить эту работу.

— Или вообще — хоть *чьим-нибудь*.

Ее лицо совсем близко от моего; карие глаза метают молнии.

— Мы что, опять об этом? — говорит она. — Картер, взгляни на это с моей стороны. Чтобы успешно продвигаться по карьере, ни одному мужчине не говорят быть милым.

Открыв было рот, чтобы ответить, я тут же его закрываю. Тем временем Иви подошла еще ближе — теперь, чтобы смотреть мне в глаза, ей нужно запрокинуть голову. Мы почти в объятиях друг друга. А мне приходится потратить всю силу вол, чтобы не опускать взгляд в

вырез ее платья.

— Я уже *пробовала* быть милой, Картер, — продолжает Иви. — И где оказалась? Сражаюсь сейчас за свою работу. За работу, на которую я подхожу больше тебя, если уж начистоту. Ты можешь быть всеобщим любимчиком, но довожу дело до конца тут я. Так что держись от меня подальше.

Отзвук ее слов отскакивает от стен тихой комнаты, а я сейчас несколько ошарашен. Мне вспоминаются слова Стеф о женщинах в бизнесе, и в животе тяжело оседает чувство вины — что нелепо, поскольку в жалости Иви уж точно не нуждается.

— Хорошо, — говорю я.

Такого ответа она явно не ожидала.

— «Хорошо»?

Я киваю.

— Да, — сделав пару шагов назад, я облокачиваюсь о стену. От ее близости мне нужна небольшая передышка. — Ты *правда* хороша в своей работе. Мы оба. В начале нашего знакомства мы решили, что проблем это не принесет. Но когда Брэд устроил это паршивое соревнование, мы нырнули в него с головой. Я мало что знаю обо всем его сексистском дерьме, но ненавижу это. Правда, — оттолкнувшись от стены, снова подхожу к ней. — Но ты делаешь вид, будто причина, по которой ты ведешь себя по отношению ко *мне* по-мудацки, — это токсичная агрессивная маскулинность, возведенная в систему. Хотя я думаю, что на самом деле ты терпеть не можешь то, как сильно изменились наши с тобой отношения.

Когда она ничего не отвечает, я наклонюсь к ней ближе.

— Просто смотри, что получается, Иви. Если мы по уши погрузимся в работу и будем держаться друг от друга подальше, тогда мы коллеги.

Она агрессивно дергает плечом.

— Ну и? Меня устраивает.

— Коллеги. *И только*, — уточняю я, и ее плечи опускаются, когда она понимает, о чем я. Мое сердце бьется так сильно, что мне приходится снять пиджак, чтобы не задохнуться от собственного учащенного дыхания. Иви смотрит, как я бросаю его на пол рядом с нами, а потом снова поднимает восторженный взгляд.

— Случайные встречи в коридоре, разговоры ни о чем, рабочая переписка. Нас ждет только это. А вот это, чем бы оно ни было, — я показываю на нас обоих, — исчезнет. Тебе, может, и не понравились блески в машине, но ты, по крайней мере, знаешь, что когда насыпал их, я думал о тебе, — сделав паузу и сглотнув, я добавляю: — А теперь знаешь, что о тебе я не могу перестать думать.

Я не могу поверить в то, что сейчас сказал. Не могу поверить, что до этого момента я и не осознавал это. Это действительно мы сейчас — вот эти незрелые подростки с идиотскими подлянками? Господи боже, очень на то надеюсь. От этой мысли у меня ощущение, будто клетка, в которую была заперта моя грудь, распахнулась, и стало легче дышать.

— В общем, — тихо говорю я, — такое драматическое признания дня.

Я ожидал в ответ ее фирменный демонический смех или даже неловкое молчание. Поэтому оказался застигнутым врасплох, когда она подошла ближе и, скользнув рукой мне в волосы, притянула меня к своим губам.

И я мгновенно — и на все сто — в деле. Втянув мою нижнюю губу в рот, посасывая и покусывая острыми зубками, она словно сыпет порошок в костер. Мои бедра подаются вперед,

и звуком, который Иви издает в ответ на это, она будто расплескивает горячее по всей комнате.

Я сейчас взорвусь.

У нас нет на это времени. Она говорит прямо в мой приоткрытый рот, прижимаясь ко мне всем телом и поднимаясь на цыпочки. Продолжает повторять, даже когда берет мою руку в свою, прося прикоснуться к ней.

У нас нет на это времени.

Обхватив рукой запястье, она проводит моей рукой по своей груди, скользит под подол платья и вверх по ноге. Прикосновения ее губ ощущаются трансцендентным опытом — жадные и словно говорящие, что я не единственный, кто фантазировал об этом все это чертово время.

Моя рука ныряет в ее кружевное нижнее белье, и ее тихий вздох тут же выдает мне ее мысли: *Прикоснись ко мне, Заставь кончить, Сделай это быстро.*

Я смеюсь от восторга, удивляясь, насколько просто вспомнить, как доставить ей удовольствие. И насколько знакомо все это — ее тело и то, как она двигает бедрами рядом с моей рукой. Я прикасаюсь к ней всего лишь второй раз, но вот оно — ощущение, словно такое бывало очень и очень часто. Она проводит рукой по переду моих брюк — которые благодаря ей стали орудием пытки — и хихикает, не прекращая поцелуи.

— Прости меня, — часто и не глубоко дыша, говорит Иви.

Мне плевать на чертов костюм. Плевать даже, когда ее рука рассеянно снова поднимается вверх и притягивает мою голову ниже. Ее шея такая теплая, а губами я чувствую пульс. Часть меня хочет укусить ее и чтобы она потом спотыкаясь вышла из этой комнаты как кричащая вывеска про секс, другая же предпочитает оставить все происходящее в этой комнате в тайне — нашим маленьким секретом. Она кончает, ритмично пульсируя вокруг моих пальцев, вцепившись руками в мои плечи и запрокинув голову в еле слышном крике.

Я замедляю движения, но еще не отстраняюсь. Глаза Иви закрыты, голова по-прежнему запрокинута. Обхватив ее другой рукой, я держу ее практически на весу, и эта могучая сила ощущается такой хрупкой в моих руках.

Но мне это в ней нравится. Нравится, что она всегда в состоянии дать отпор, всем своим готовым навалить каждому существом.

— У нас не было на это времени, — шепчет она снова.

— Ну и ладно.

Иви опускает голову, смотрит на меня еще затуманенным взглядом и хитро улыбается.

— Ну и ладно.

Делает шаг назад, и, выпутавшись из ее белья, я достаю руку. Бросив взгляд на пуговицы платья, она поправляет подол и проводит рукой по волосам. А я нехотя наклоняюсь и поднимаю брошенный пиджак.

— Спасибо, — говорит она и прикусывает губу.

Я смеюсь, и от этого она широко улыбается.

— Пожалуйста.

И что теперь?

Иви открывает рот, чтобы что-то сказать, как вдруг раздается оглушительный стук кулаком в дверь, от чего, клянусь богом, мы одновременно и в прямом смысле слова испуганно подпрыгиваем.

— *Картер!*

Я прижимаю руку к груди. Это всего лишь Джона, но думаю, он только что украл у меня добрых три года жизни. Наклонившись, я открываю дверь.

— Что тебе?

Он оглядывает развернувшуюся перед ним сцену.

— Мы сейчас делаем снимки на фоне зеленки, а потом поставим декорации, — и с ухмылочкой добавляет: — Подумал, вы оба захотите присутствовать.

— Там все в порядке? — спрашиваю я.

— Думаешь, я совсем идиот?

Я молча сверлю его взглядом.

Джона закатывает глаза, а потом поворачивается к Иви.

— А ты, должно быть, та самая раздражающая дамочка?

— А ты, должно быть, тот самый младший братец-дебилушка?

Он радостно улыбается.

— Симпатия Картера сильно смахивает на ненависть, правда ведь?

Иви заливается своим громким хохотом, а я шлепаю его по лбу.

— Как ты узнал, что мы здесь?

Развернувшись, Джона со смехом идет по коридору. И, оглянувшись, кричит:

— В этой студии эта комната всегда использовалась для траха.

— **глава девятнадцатая** —

Иви

Утренняя встреча в понедельник грозит стать проблемой.

Картер и Эйми, склонив головы, сидят над сводной таблицей прямо напротив меня. Я только сейчас замечаю, что он всегда следит, чтобы его волосы по бокам оставались короткими, а спереди подлиннее, и... мне это очень нравится. Сегодня на нем светло-голубая рубашка, и не знаю, нарочно он это сделал или нет, но две верхние пуговицы расстегнуты, откуда открывается вид на ключицы и самый-самый верх мускулистой груди. К сожалению, теперь я никак не могу винить его в Пуговичном октябрьском Инциденте, поскольку из страха, что он лишит меня такого чудесного вида, я ну никак не могу сказать ему про пуговицы. Обнажая предплечья, его рукава закатаны, и сейчас он играет с ручкой, крутя ее поочередно между всеми пальцами руки.

Вперед и назад.

Вперед и назад.

Этими пальцами он заставил меня кончить.

Вперед и назад.

В груди становится тесно, когда я понимаю, насколько далеко меня завело это влечение. Потому что кто знает, что сейчас между нами? С пятницы нам еще не удалось об этом поговорить.

После того как нас нашел Джона, мы молча вышли из микшерной. И обнаружили, что нашего присутствия не требовалось: Джона вместе с персоналом все держал под контролем, и мы закончили вовремя.

В недоумении посмотрев друг на друга, мы с Картером разошлись по машинам. Никто

из нас не звонил, и с пятницы мы не виделись. Но, по счастью, мы не вернулись и к мелким диверсиям.

О нет.

Я снова размякла по отношению к нему, а это может означать только одно: моя оборона пала. Наверное, будет нелишне написать список, чем он задевает меня за живое в личном и профессиональном плане.

Он слишком сексуален для этого офиса.

~~Он не умеет застегивать пуговицы.~~ Удалено, потому как лицемерно.

Он

Подняв голову, я вижу, как он задумчиво смотрит на свои пальцы, продолжая крутить ручку.

Закончу список позже.

Еще меня — терпеть не могу это признавать, потому что искренне презираю клише в виде сражающихся девочек за одного мальчика — немного раздражает Кайли. Она сидит в другом конце стола, рядом с тронем Брэда, вместе со всеми нами ждет появления нашего босса, но при этом даже не пытается пялиться на Картера как-нибудь чуть менее заметно. Уж не знаю, крутит ли она интрижку с Брэдом, но переспать с Картером явно не прочь. Мне ее план совершенно не нравится, потому что, прежде чем я спалю дотла его брюки, заняться с ним настоящим сексом хотелось бы все-таки *самой*.

Может, хоть это поможет мне выбросить его из головы.

— Как прошла фотосессия для Vanity Fair? — интересуется Брэд, неторопливо входя в конференц-зал, и мы с Картером подпрыгиваем.

— Отлично! — хором восклицаем мы.

Брэд с прищуром смотрит на нас, а Картер улыбается.

— Без лишних телодвижений.

Я киваю.

— Без трений.

— Ну, трения были... но на пользу, — сдерживая улыбку, добавляет Картер.

Я опускаю взгляд, стараясь не рассмеяться. Головокружительный трепет, который вызвали намеки Картера на то, чем мы занимались в пятницу, едва не побуждает меня запрыгнуть на стол и изобразить Мисси Эллиот. Краем глаза я вижу, как Брэд садится за стол.

— Вот как?

— Все ушли, получив что хотели, — говорит Картер. — Все счастливы.

— В целом, по итогам пятницы я особенно удовлетворена, — добавляю я.

Картер покашливает, а вокруг повисает напряженное молчание.

Стальной взгляд Брэда фокусируется сначала на Картере, а потом на мне, в то время как мы с ним демонстративно избегаем смотреть друг другу в глаза.

— Я что-то пропустил?

— Ничего, — снова хором отвечает мы.

— Тогда больше ничего не хочу знать, — говорит Брэд и поворачивается к Эштону.

Присутствующие неловко ерзают на своих местах, переглядываясь друг с другом и пытаясь понять, что происходит. И уже никого не интересует фотосессия — потому что хотя треволнения происходят сплошь и рядом, но все же не между агентами. Так что сейчас все они словно взявшие след гончие псы. Наши коллеги обычно или умирают от любопытства,

или же считают, будто знают что-то, больше никому не известное. Не в этой индустрии, по крайней мере.

Посмотрев на Кайли, я вижу, что она угрюмо дует в сторону Картера. Кажется, он тоже это заметил, потому что тут же снова уставился в свой телефон.

Но я успела увидеть, как блестели его глаза, когда он бросил на меня быстрый взгляд.

— Эштон, — говорит Брэд. — Ты получил ответ от Джо Тирни из Paramount?

— На той неделе он заключил контракт с DreamWorks, — немного рассеянно отвечаю я, силой заставляя себя отвести взгляд от Картера.

Все замолкают.

У нас есть негласное правило, что поправлять босса нужно ненавязчиво, а не как это сделала сейчас я. Брэд здесь вожак. И Брэд первым обо всем узнает. Как я могла забыть об этом правиле?

— Нет. Сомневаюсь, — отвечает Брэд, глядя на меня поверх очков. — Он в Paramount до марта.

Поморщившись, я мотаю головой, внутренне приказывая себе заткнуться. Еще одна причина для нерасположения ко мне Брэда совершенно не нужна.

— Джо ушел раньше времени. Как-то выкрутился, — я пытаюсь ослабить напряжение улыбкой, но Брэд лишь молча смотрит на меня в течение нескольких секунд.

— Нарушил условия договора, значит. Какая интересная идея, — за столом тихо, как в склепе. — Благодарю за разъяснения, — говорит он и, медленно опустив взгляд, начинает что-то записывать.

Мое хорошее настроение порушено. Что я натворила?

Несмотря на флирт утром в понедельник, на всю неделю мы с Картером по уши погружаемся в работу. Год подходит к концу, и нужно многое подчистить и закончить, прежде чем Голливуд практически закроется на Рождество и Новый год. Пока я в офисе, у Картера встречи где-то в городе. Мы даже перестали сталкиваться в коридорах или на парковке.

Если честно, так даже лучше. Небольшое снятие напряжения ничего не меняет, и Брэд в понедельник по сути обратил на это мое внимание. Оглядываясь назад, понимаю, что пока Картер доставлял мне удовольствие, я пропустила начало фотосессии, а потом потеряла профессиональный авторитет, перекидываясь двусмысленностями с Картером на глазах у всего отдела. Не говоря уже о нашем маленьком соревновании. Слава богу, мы оба вытащили головы из задниц, прежде чем кто-нибудь из нас не потерял клиента, или случилось бы что похуже.

Я никогда не делала парня важнее своей работы, хотя время от времени меня терзали последствия такого решения: если всегда ставить карьеру на первое место, то однажды с этой карьерой соревноваться будет больше нечему. К сожалению, в моем случае выбор сейчас именно такой: или работа, или бойфренд.

В пятницу днем — время коктейлей. Каждый раз в ноябре Брэд организует предрождественскую вечеринку у себя дома. В этом году мероприятие назначено на сегодня, что добавляет шарма к офисной пьянке. Настроение за дверью моего кабинета веселое, если не сказать взрывное. Я чувствую, как все радуются возможности расслабиться. К сожалению, мне нужно перезвонить по семи номерам и тщательно изучить три контракта, прежде чем

смогу на сегодня закруглиться и присоединиться к остальным.

Я жму на пробел, чтобы разбудить свой компьютер, и стараюсь не застонать при виде семидесяти пяти новых писем, пришедших за последний час.

В дверь тихо стучат, и заглядывает Картер.

Сердце пускается в галоп, а под ребрами я чувствую тянущую боль — возможно, и между ног тоже. Мне не хватало его на этой неделе больше чем я готова признать.

— Мы там уже собрались и всю общаемся... — начинает он и, наклонив голову, неуверенно мне улыбается.

Я же предпочла бы, чтобы он просто... побыл со *мной*.

— Заходи, — говорю я, и войдя в кабинет, он не до конца закрывает за собой дверь. Молча смотрит вокруг.

— Как ты?

— Хорошо, — мне кажется, ему заметно, как сильно бьется мое сердце. — А ты?

Картер кивает.

— Тоже хорошо. Ты собираешься присоединиться к нам?

— Большую часть дня я провела с клиентом, так что мне нужно доделать кое-что, и только тогда освобожусь.

— Хочешь, принесу тебе пива?

Словно напомнив, с чем мне там предстоит столкнуться, из коридора доносится громкий голос Брэда, заставив меня поморщиться. Пока мой список дел и стресс по размерам соперничает с площадью Калифорнии, меньше всего мне хочется общаться с мистером Командным Игроком.

— Не нужно, — отвечаю я. — Но спасибо.

Картер вздыхает и косится на дверь.

— Ладно.

Даже раздосадованный и со стиснутыми зубами он выглядит великолепно.

Минуточку. Чем он раздосадован?

— «Ладно»? — передразнивая его интонацию, переспрашиваю я. — Что случилось?

Когда он поворачивается ко мне, выражение его лица смягчается.

— Все собрались там. А ты одна здесь.

— Я работаю, — мягко напоминаю я. Меня удивляет, что он хочет видеть меня там, но при этом раздражен, а не мил. — У меня дел по горло.

Кажется, мой ответ разочаровывает его еще больше.

— У нас у *всех* дел по горло. Но если ты выйдешь отсюда, то перестанешь ощущать себя аутсайдером. Господи, Иви, я просто хочу тебе *помочь*.

В попытке сосредоточиться на мониторе я ощущаю сокрушительную безысходность в груди, когда он разворачивается и выходит из кабинета, вернувшись на пирушку.

Я чувствую соблазн последовать за ним и хотя бы раз дать волю чистой ярости, но эта идея тут же отброшена моим внутренним голосом, который говорит мне придерживаться желания быть собой в этом бизнесе. Этой индустрии дай только палец — всю руку откусит.

По обе стороны от подъездной дорожки Брэда длиной в полкилометра выстроились в ряд деревья, украшенные крошечными мерцающими лампочками. Здесь я уже бывала. В прошлом году его жена — одна из руководителей Warner Bros. — устроила вечеринку по

случаю окончания съемок фильма, в котором снимался один из моих клиентов. Тем вечером, наполненным живой музыкой, изысканными закусками и шампанским, я увидела, как Брэд улизнул с девушкой моего актера.

Брэд заметил меня, когда они приводили себя в порядок рядом с гостевой ванной на первом этаже, и понял, что я его застукала. Это одна из сотен грязных историй, что я знаю про него, хотя никому ничего из этого не рассказывала.

Правило номер один: никогда не вовлекайся в перипетии личной жизни босса и клиентов.

Шины моего Приуса шуршат по дорожке, посыпанной гравием, и, подъехав к входу, я останавливаюсь и отдаю ключи парковщику, с улыбкой его поблагодарив.

В моей голове проносятся воспоминания о вечеринках, изменах и просто безумных отношениях между людьми, что происходят в этом городе, пока я иду к дверям и размышляю о нашей ситуации с Картером, которая кажется такой малозначащей. Наша война за работу похожа на подушечный бой, после которого мы задушим свои своенравные характеры, и нас, словно кукол, уберут в шкаф. Я умудряюсь даже драматизировать по правилам.

Наверное, больше всего меня беспокоит, что я совершенно не понимаю, каким образом все разрешится. Мы оба как на иголках, в то время как сроки действия наших контрактов истекают. Потерей любимой работы я буду уничтожена, но не обрадуюсь, если ее не получит и Картер. Может, мне и нравится наблюдать за его страданиями, но я не хочу, чтобы он потерпел сокрушительное поражение.

«Потому что он тебе нравится», — насмешливо подсказывает мне внутренний голос. — «Очень, очень нравится».

Мой внутренний голос тот еще засранец.

В фойе меня приветствует Максин, жена Брэда, забирает мое пальто и говорит, где найти выпивку и закуски, сделав ощутимо меньший акцент на последнем. На мероприятия я никогда не приезжаю ровно в назначенное время, но посмотрев по сторонам сейчас, понимаю, что приехала одной из последних.

Нуждаясь в спасательном круге, я сразу же начинаю искать Амелию, которая время от времени посещает эти сборища. Здесь сейчас человек пятьдесят, но от гула голосов толпа кажется многочисленней. Как и всегда, Максин организовала живую музыку, дорогие закуски и шампанское, бокалы с которым разносят официанты. Главный зал очень просторный и с видом на Голливудские холмы. Французские двери распахнуты в сад, где расположены обогреватели, чтобы не было так прохладно.

Все вокруг великолепно, правда. И в такие моменты я переполнена радостью иметь возможность погружаться в великолепие этого мира. Этот мир — мир привилегий и излишеств, и всякий раз, когда я осознаю легкость, с которой все мы этим владеем, понимаю собственную мелочность по поводу своих жалоб на нескольких жалких мудаков. По большому счету, присутствующие здесь люди — хорошие. Это жестокий бизнес, но только немногие из нас так же ужасны, как уверяют. А нестабильность и конкуренция превратят в монстра любого.

Мне ли не знать.

Амелии нигде не видно, зато в другом конце зала, рядом с открытыми дверями замечаю Картера с Брэдом. Он ведь вырос в Нью-Йорке; интересно, каково ему здесь, когда в ноябре мы дрожим от холода, если температура опустилась ниже 18 градусов, и надеваем шубы на званные ужины. Еще мне интересно, как мы будем отмечать конец года в обновленной

команде. Внутренние переделки идут медленно, но само слияние произошло мгновенно, и большинство сокращенных были из «СТМ».

Картер переоделся в сапфирово-синюю рубашку и закатал рукава, обнажив предплечья, по которым я хочу провести языком или ампутировать — еще не решила.

Мне не хочется признавать существование между нами какой-то судьбоносной связи, но и отрицать свое внутреннее волнение, которое появляется в ответ на его взгляд, когда он замечает, что я иду в его сторону, я не могу.

Выражение его лица выдает его радость видеть меня, но потом он тут же ее прячет и возвращается к разговору с Брэдом. Мне даже в голову не пришло подойти и прервать разговор Картера с боссом... потому что я здесь не ради Брэда. Я приехала ради Картера. Но он, конечно же, об этом не знает.

Вот только нерешительность в его взгляде заставляет меня засомневаться, и я сворачиваю в сторону подноса с вином. Взяв бокал, здороваюсь с коллегами и любуюсь огромной рождественской елкой в дальнем конце зала.

Каждое украшение — маленькое произведение искусства. Золотые большие и маленькие шары, лошади, сани и снежинки. В мягком освещении зала кажется, что елка мерцает.

Мне все еще слышен голос Брэда, который хоть и тихий, но заметный даже на расстоянии.

— Ну так что, как тебе идея?

— Гольф в Вегасе? — говорит Картер. — Да в любой день недели.

— Молодец. С тобой у нас набирается целая команда.

Гольф-тур для мальчиков в Вегас?

Закатив глаза, я разворачиваюсь и иду к ним. Отношения с Брэдом у меня достаточно напряженные, поэтому действовать мне нужно осторожно, но вот такое спустить на тормозах я точно не могу.

— Привет, парни! — говорю я.

— Иви! — приветствует меня Брэд и наклоняется поцеловать в щеку, чего бы никогда не посмел сделать в офисе.

Картер меня в щеку не целует, а лишь слегка улыбается.

— Привет, Иви.

Улыбнувшись ему, я поворачиваюсь к Брэду.

— Случайно услышала про планы поездки всем отделом в Вегас. Как здорово!

Моя маска всегда на лице. Жаль, что по-другому не бывает, но я никогда и ни при каких обстоятельствах не теряю бдительность. Естественно, при мне Брэд упоминать Вегас не стал бы, и готова поспорить на ползарплаты, что Роуз или Эйми — как и другим агентам женского пола — он тоже ничего не говорил. Единственные вагины, которые будут желанны в этой поездке, будут в стрип-клубе в десятке сантиметров от их лиц.

— Ага, — отвечает Брэд, хорошо пряча разочарование. В конце концов, в этой игре он столь же хорош. — Ты с нами?

— Напомни, когда едем? — я улыбаюсь, давая ему возможность сохранить лицо и сделать вид, будто он мне об этом уже говорил.

— В первую неделю марта.

Брэд переминается с ноги на ногу. Готова поспорить, он предположил, что на похмельном гольфе в Вегасе мальчики обойдутся без женщин-агентов, которых вполне

нормально не приглашать. Есть еще и бонус. Мы возьмем на себя все неотложные дела. Те, кто останется, по крайней мере... А мой контракт до февраля.

У Картера до марта. Интересно.

— Срок мне вполне может подойти, — говорю я и смотрю на Картера, догадавшегося уже, что дам не пригласили.

Мне хочется обнять его, потому что он не в восторге от сексизма Брэда. В то же время хочется покровительственно погладить его по голове и нараспев сказать: *«Ну, конечно же, он не стал приглашать никого из «своих девочек», мой милый щеночек»*.

— Отлично! — говорит Брэд и просит проходящего мимо официанта принести ему скотч. Трюкач. — Знаешь, давно хотел тебя спросить. У меня есть друг, который делает местный подкаст «Да, Прямо Сейчас». Слышала о нем?

Я качаю головой.

— Вряд ли.

— Он делает серию выпусков про карьерные неудачи, и я говорил ему, что ты можешь стать интересным гостем.

Картер морщится. А меня охватывает смущение. Надеюсь, я смогу сдержать румянец.

— Заинтригована, — силой заставив себя улыбнуться, отвечаю я.

— Вот и замечательно, — говорит Брэд и протягивает руку за принесенным ему скотчем. — Тогда я вас познакомлю. Ты часто падала, но всегда умудрялась находить в себе силы подниматься. Это я люблю, девочка. Было приятно пообщаться с тобой, Картер.

И с этими словами он хлопает каждого из нас по плечу и идет разговаривать с кем-то еще.

У Картера на лице написано раздражение. И он делает сейчас то, что сводит меня с ума — изучающе смотрит на меня своими искренними зелеными глазами — и сейчас стоять рядом с ним ощущается опасным мероприятием, ведь так «мы» противостоям «им».

Я не могу сопротивляться, когда он такой. Выглядит великолепно. Немного влажные от выпитого пива губы. Знакомый блеск глаз. Словно он читает мои мысли и находит каждую забавной.

Мне хочется быть более похожей на него, но тут резко и болезненно ко мне приходит понимание, что я от такого слишком далеко. Я всегда была хороша в своей работе, ну а Картер делает все с такой изящной легкостью, с которой мне трудно соревноваться. Ему просто... комфортно. В своем теле, в душе и мыслях. В то время как мне приходится сражаться за каждого клиента, за каждую сделку. Каждую секунду поддерживая собственное хладнокровие. Приятно, конечно, что иногда довожу его до психоза, но это ненадолго.

При этом... я ни к кому еще не испытывала ничего подобного.

Прикусив губу, я обдумываю такую возможность, при которой и Картер немного заиклен на мне.

— Такое ощущение, будто у тебя в голове сейчас крутится миллион разных идей, — замечает он.

— Каких, например?

Он пожимает плечами и подходит ближе.

— Например, что сделать: поцеловать меня или ударить.

От его откровенности у меня так сжимается в груди, что на какой-то момент становится тяжело дышать

— Ежедневные муки выбора.

Кажется, он в восторге.

— Да ну? Я пошутил, кстати. И до пятницы думал, что ты меня скорее ударишь.

— Так и хотела.

— Если это поможет тебе чувствовать себя лучше, меня мучал схожий выбор, — Картер делает паузу, глотнув пива. — Увы, мой пал на поцелуй.

Сглотнув, я стараюсь сдержать внешние проявления своей реакции на его слова. Плечи еле заметно приподнимаются, и я делаю глоток вина, чтобы получилось притвориться, будто моя дрожь — от холода.

— Может, нам стоит поговорить о произошедшем? — тихо спрашивает он.

Открываю рот, чтобы ответить ему, что да, конечно, только не здесь, как вдруг меня обнимает чья-то мягкая рука. Я вздрагиваю. Это оказалась Роуз, принесшая с собой сильный запах текилы.

— Иви!

— Привет, Роуз, — улыбаюсь я, и она оставляет на моей щеке мокрый поцелуй.

Сзади подходит Эйми, от чего у меня складывается впечатление, что она присматривает за Роуз, чтобы та не переборщила с выпивкой.

— Привет, народ, — говорит она.

Роуз наклоняется ко мне ближе.

— Ты просто *потря-я-я-ясная*, — растягивая слово, говорит она, и в запахе текилы проявляются нотки лайма.

Хохотнув, я делаю шаг из ее объятий.

— Ой. Спасибо.

— Нет, правда. Ты моя супер-героиня.

Посмотрев на Картера, я сдерживаю смех — у него сейчас до того смешное лицо. На этот раз его не раздражают комплименты в мой адрес.

— Типа героиня среди *женщин*? — со смехом переспрашивает он.

— Типа среди *всех героев* героиня. Герои-и-иня-я-я...

— Роуз тут неплохо повеселилась, — говорит с улыбкой и кивком головы Эйми. — Роуз, дорогая, может, нам уже пора? Я тебя подброшу.

Отмахнувшись от нее, Роуз с ног до головы оглядывает пьяным взглядом Картера.

— Привет, Картер.

Слегка покраснев, он смеется.

— И тебе привет, Роуз.

Сунув руку в карман, он переводит взгляд на меня. А у меня все внутри плотно стягивает, словно шнуром, потому что своим вниманием Картер молча дает мне понять, о ком сейчас его мысли... и ради кого он здесь.

Я поймана в ловушку его взглядом. Заарканена им.

— Иви, — драматическим громким шепотом говорит мне Роуз, и я вздрагиваю от ощущения ее влажного дыхания на своей шее. — Как насчет стать сестрами по эскимо с этим красавчиком?

Ее вопрос — словно ушат ледяной воды мне на голову. Я отодвигаюсь от нее и мотаю головой.

— Сомневаюсь, что это может иметь ко мне какое-то отношение.

Смотрю на Картера, но не могу понять, слышал ли он. Мне хочется забрать у Роуз бокал и отвести ее на диван, чтобы она там отдохнула и, возможно, протрезвела.

Развернувшись, я врезаюсь в грудь Брэда.

— Смотрю, Роуз уже успела опрокинуть пятую «Маргариту», — со смехом, сочетающим в себе выговор и восторг, говорит он.

— Четвертую, — поправляет его Роуз. — Но эта была особенно *крепкой*.

Без каких-либо переходов Брэд берет ее за подбородок и спрашивает:

— Ты собираешься ускориться в этом квартале, Розы?

Я чувствую, как от такого грубого рабочего вопроса на вечеринке и от желания поддержать Роуз мои щеки краснеют.

Тоже покраснев, она отвечает:

— Конечно. Предыдущий был для меня не типичен, — она смотрит в сторону и в воцарившейся неловкой тишине залпом допивает свой коктейль.

— Я бы не сказал, — отвечает Брэд. — Остальные члены команды закрывают сделки направо и налево. Эштон в этом месяце привел три крупных клиента. Картер вернул Джетта Пэйна на «Нетфликс» и заполучил для него роль в фильме Ридли Скотта. Иви сделала Сару Хилл новым безумным увлечением всех подростков. Думаю, тебе пора понять, как вписаться в общий пазл.

— *Если*, а не как, — говорит Роуз, и еще никогда в жизни мне не хотелось сбежать от разговора. — Иногда я смотрю на кого-то вроде Иви и думаю, создана ли я для такого. То есть я люблю свою работу. Но...

Мы с Картером встречаемся взглядами и тут же их отводим. Все это болезненно для нас обоих. Мне хочется сказать Роуз остановиться и замолчать. Хочется сказать ей, что она зашла слишком далеко и этот разговор не для чужих ушей. Может быть, это можно обсудить со мной или с кем-нибудь еще, кто в состоянии проявить сочувствие, но не здесь и не сейчас. Семь дней в неделе — даже в отпуске — Брэд хочет выигрывать. Он не станет переживать о ее сомнениях и ничем не успокоит. Он хищник, и если ты ему покажешь слабинку или рану, то начнет охотиться на тебя до тех пор, пока не сожрет твои внутренности.

Драматично, но по верно по сути.

— Зависит от того, — с тихой угрозой в голосе говорит Брэд, — кем тебе быть более комфортно: неудачником или лентяем.

Зная, что потом пожалею, что выпила его так быстро, я залпом приканчиваю свое вино, потому что мне нужно чем-то занять себя, чтобы не стоять здесь и не слушать, как Брэд так отчитывает хорошего человека прямо посреди пред рождественской вечеринки.

Схватив еще один бокал с подноса официанта, я разворачиваюсь и иду к елке, преувеличенно восхищаясь ею и слыша отголоски разверзающегося ада позади.

Потом чувствую у себя за спиной Картера, который молча подошел и встал сзади.

— Ну ничего себе, — тихо говорит, и я киваю.

Несколько секунд спустя он шепотом зовет меня:

— Иви?

— Что?

— Кто такие сестры по эскимо?

Когда поворачиваюсь и вижу на его лице уже заранее появившийся ужас, мое напряжение рассыпается, будто стекло от удара молотка, и я смеюсь.

— Две женщины, которые переспали с одним мужчиной.

Не знаю, как это возможно, но его ужас только усиливается.

— И этим мужчиной был бы... я?

— Предполагаю, да. Но знаю, что лично я не в сестринстве.

Выражение его лица становится нейтральным.

— В силу *обстоятельств*.

— Думаю, что когда двое человек не спят вместе, это в любом случае в силу обстоятельств.

— Это верно, — соглашается он, снова став самым собой — с этой улыбкой, этими глазами и этими ключицами, виднеющимися из расстегнутых пуговиц рубашки. — Но те обстоятельства разительно отличаются от тех, из-за которых я не спал с Роуз.

Я оглядываюсь назад, где Роуз, покинутая всеми, все еще ведет тот напряженный разговор с Брэдом. Мне хочется отпустить какую-нибудь шуточку, продолжить эту легкую болтовню с Картером, но это кажется невозможным, поскольку призрак потери работы преследует нас повсюду. Я никогда в жизни не отступала. И даже знаю, как справиться со всем этим.

— Ты в порядке?

Я вяло киваю.

— Иногда мне трудно поверить в то, чем я занимаюсь.

Картер хмурится.

— Ты не любишь свою работу?

Интуиция говорит мне действовать с осторожностью. Почему человек, которому я так хочу довериться, так легко может использовать услышанное против меня?

— Люблю. Мне нравится, когда удастся знакомить нужных друг другу людей и в итоге получается нечто замечательное. Люблю своих клиентов и искусство, которым они занимаются. Но вот эту политику терпеть не могу. В этих закулисных играх команда становится... отвратительной. Я не хочу стать такой же.

Картер кладет теплую руку мне на плечо. Это прикосновение ощущается самым интимным, какое он только мог сейчас сделать — даже поцелуй сейчас совсем не то, что нужно — потому что оно заставляет меня вспомнить. Его губы на этом месте. Я вспоминаю, что Картеру нравятся мои плечи. Вспоминаю, как загорелся его взгляд, когда впервые увидел их обнаженными в том ресторане на нашем первом свидании, а потом и в пятницу.

Это не похоже на невинное прикосновение, оно кажется посланием.

— Ты не такая, Иви.

Но когда смотрю ему в лицо и Картер еле заметно улыбается, я знаю, что мы думаем об одном и том же: *«Но я была такой с тобой. Совсем недавно»*.

— глава двадцатая —

Картер

После восемнадцатичасовых рабочих дней и нулевого общения вне работы я сажусь на самолет до Нью-Йорка, задаваясь следующим вопросом: тот факт, что на календаре 21 декабря, а вечеринки в Лос-Анджелесе, на которых я был, касались исключительно дел, — не превращает ли меня этот факт в выдающегося карьериста и пугающего одиночку?

Одну вечеринку устроили Майкл Кристофер со Стеф — жаль, что на этот раз не

костюмированную — но она по времени наложилась на мероприятие от Paramount. Джона приглашал меня посмотреть на его новую квартиру в Западном Голливуде, но в мой единственный свободный вечер у него была назначена встреча с адвокатом по вопросу банкротства. В итоге мы обменялись небольшими подарками во время ланча у уличного лотка рядом с моим домом.

Иви я почти не видел, но вроде бы теперь у нас перемирие. Шаловливые ручки помогли? Или, может, потому, что я сказал ей о застрявших у нее между зубами семенах мака на летучке в понедельник, и ее благодарный взгляд красноречиво говорил: *«Ты больше не сатанинский приспешник»*. Как бы то ни было, отношения между нами смягчились, и я так этому рад, что готов всплакнуть. Еще никогда в жизни я не был так сильно занят работой, еще никогда так отчаянно не стремился проявить себя и заявить о своей незаменимости. Но видеть ее лицо при встречах в коридоре или слышать ее голос, доносящийся из кабинета, — все это сделало последние три недели более-менее сносными.

Бессмысленно, я это и сам понимаю. Ее голос должен был напоминать мне о тикающих часах и что уведомления о денежных поступлениях каждые две недели вот-вот прекратятся.

Тем не менее при таких исходных данных я чувствую себя в вменяемом и крепко стоящим на ногах. Вот только жутко осознавать, что чем бы дело ни обернулось, она больше не будет моей коллегой. Поэтому предпочитаю перейти в режим страуса и просто не думать об этом.

Через два дня Рождество, и я с семьей хожу по магазинам. В торговом центре полно народу, но несмотря на то, что кругом не протолкнуться, этот предпраздничный хаос дарит хорошее настроение.

Я обожаю своих тетушек Дорис и Долорес. Они сестры моего отца — близнецы разумеется — и несмотря на внешнее сходство, сильно отличаются друг от друга. Сколько их помню, Дорис всегда была натурой страстной, а Долорес сдержанной. Если Дорис хотела на ужин бургер, Долорес предпочитала рыбу. Если одна рвалась посмотреть комедию, у другой появлялось настроение для фантастики.

— Чего такой тихий, Оболтус? — интересуется Дорис, как видно, по-прежнему отказываясь понимать, что мне около тридцати лет. Она разглядывает меня, стоя по другую сторону от вешалки с одеждой, а ее голубые глаза от непомерно толстых линз очков кажутся в три раза больше обычного. — О чем задумался?

Копаясь в разложенных на столе разноцветных поло, Долорес оглядывается на сестру.

— Он мальчик. Они ни о чем не думают.

Я икоса смотрю на нее.

— Полегче, Долорес.

В магазине на повторе играет праздничная музыка. Долорес прищуривается.

— Вы только посмотрите на него. Он же вянет на глазах.

Мама мягко кладет руку мне на плечо.

— Ты так измотан работой, дорогой?

О проблемах на работе она ничего не знает. Не стану же я рассказывать, как пару месяцев назад ее старший сын обмазывал автозагаром женщин без их на то согласия и занимался контрабандой блессток и острых соусов. Я не говорил про своего босса и что работать с ним все равно что впустить в свою жизнь реального Рона Бургунди. Естественно,

я не упоминал о небольшом шансе переехать сюда, потому что устроенное в таком случае мамой не пойдет ни в какое сравнение с подлянками Иви. И ни слова не проронил, что девушка, с которой я познакомился на вечеринке несколько месяцев назад, стала для меня одним из важных людей в моей жизни, и что я чувствую себя слегка страдающим влюбленным.

— Интересно, — показывая на копающуюся в стопках футболок Долорес, говорю я, — что за чудовище посреди рождественского шопинга станет доставать каждую футболку и разворачивать ее?

Долорес бросает на меня уничижительный взгляд.

— Ты вообще представляешь себе, сколько времени требуется, чтобы все это аккуратно сложить, Ди-Ди? — я начал так называть своих тетюшек задолго до того, как оценил эти буквы и понял, что они означают [имеется в виду размер чашки бюстгалтера DD — прим. перев.]. Они всегда смеялись над этим прозвищем, но спустя больше чем двадцать лет мама уже не находит его забавным. Она укоризненно смотрит на них обеих, от чего я смеюсь. Переложив пакеты с покупками в другую руку, я иду за ней к следующему столу.

— *Милый*, — говорит мама, — расскажи, что тебя беспокоит. У тебя какие-то неприятности? Знаешь, я тут видела тот эпизод «Закона и порядка», где говорилось о теневой стороне Голливуда, — к концу фразы она понижает голос, и ее сережки позвякивают, пока она перебирает рубашки. — В общем, там рассказывалось обо всем. И о проституции, и о бандах, и о *торговцах наркотиками*, — она смотрит на меня широко распахнутыми глазами. — Ты же не рядом со всем этим живешь?

— Нет, мам. Теневая сторона — это на другой стороне Лос-Анджелеса. Где Джона живет.

Теперь мой черед получить неодобрительный взгляд.

— Мам, я в порядке. Кстати, о нем и думал. Интересно, не одиноко ли ему на Рождество.

Я отличный манипулятор, и в этой семье я научился одному гениальному ходу: если хочешь перевести разговор на другую тему, упомяни Джону.

Мама хмурится, и хотя я уверен, что она раскусила мой маневр, все равно не может удержаться и не защитить своего непогрешимого сына.

— Ты же знаешь, как он занят, — говорит она мне и Долорес с Дорис, которые подошли к нам и тоже слушают. — Он сказал, что все будет хорошо. Что будет с друзьями. Уверена, у него есть важная работа, которая не позволяет ему уехать на праздники.

Кивнув, я решаю смолчать по поводу графика Джоны. Еще недавний Картер выболтал бы все детали падения Джоны, о его проблемах с деньгами, приключениях и банкротстве, потому что — хотя бы на несколько минут — это будет означать, что хороший сын — это я. Но сейчас внутри я ощущаю странное желание защитить и покровительствовать.

Покровительствовать *Джоне*... Может... он мне начинает нравиться?

— У него полно дел, — соглашаюсь я.

Мама кладет на место совершенно отвратительную рубашку и, глядя на меня, прищуривается.

— Обычно в этом месте ты как-нибудь цветасто его называешь и напоминаешь, как много времени прошло с его последнего приезда.

— Может, я решил вести себя по-взрослому.

— Думаю, в тебе этого и так довольно, — возражает она. И вот она — маленькая

искорка, которую я обожаю. Мне всегда было интересно, как много мама знает о жизни Джона. Конечно, они время от времени разговаривают, потому что он рассказал ей про Иви, но домой он прилетает редко, а засунуть родителей в металлическую трубу смерти, которую пилотируют (по их словам) алкоголики, вообще не вариант.

Сейчас мне двадцать восемь лет, от родителей я съехал, когда мне было девятнадцать, но до сих пор иногда скучаю по маме, папе и куче безумных родственников. Не представляю себе, как с этим справляется Джона. Хотя, может быть, именно так и справляется. Ведь если приедет домой, то сразу же поймет, в каком он сейчас дерьме. Так что ему проще быть идеальным Джоной, которого все они знали, нежели теперешним и настоящим.

— Лос-Анджелес... настоящая пропасть, — запинаясь, отвечаю я.

Мама как-то по-своему понимает мои слова и, кивнув, начинает складывать ту ужасную рубашку.

— Просто смотри, чтобы самому не провалиться в эту *пропасть*.

На обратном пути я сажусь на заднее сиденье вместе с Дорис. Спустя десять минут она засыпает, от чего приходится молчать, зато можно достать телефон, чтобы проверить входящие сообщения, а заодно и похандрить немного без лишних свидетелей.

Не хочу врать: я расстроен, когда открываю диалог с Иви и понимаю, как много времени прошло с тех пор, как наши отношения немного наладились. Начинаю перечитывать кое-что из нашей переписки, гадая, что, может, я просто придумал себе ту Иви — более умную, веселую и более сексуальную, нежели она есть на самом деле.

Нет, не придумал. Та Иви в переписке именно такая, какой я ее и запомнил, и даже такая, какой я вижу ее каждый день в офисе — разве что в ней еще больше огня.

Пока несу пакеты в дом, звонит мой телефон, и я не сразу верю своим глазам, когда вижу высветившееся на экране имя.

Зак Баркер — один из моих любимых клиентов, кого я с театральных подмостков привел в большое кино. Ему предложили роль в экшне, когда в последнюю минуту пришлось заменить одного из актеров второго плана. Так что несмотря на тот факт, что его жена Авайя живет в Нью-Йорке и ждет их второго ребенка, он срочно нужен на съемочной площадке. Не самая идеальная ситуация, конечно, но я слышал, что Авайя решила остаться и дожидаться начала каникул у старшего сына, чтобы как раз к дате родов прилететь в Калифорнию.

— Привет, Зак, — говорю я и, подняв голову, смотрю на падающий снег. — Вернулся в Нью-Йорк?

— Я все еще в Лос-Анджелесе. А Авайя с Джошем там. Поэтому я и звоню.

От предчувствия катастрофы сердце начинает биться быстрее.

— Говори, что случилось.

— Джейсон сломал ногу, — говорит он, и я морщусь.

Джейсон Довер, исполнитель главной роли.

— Так. И что это значит? — прохаживаясь по подъездной дорожке, спрашиваю я.

— Мы почти закончили, так что они решили отснять остальные сцены, касающиеся него, а для других пустить в кадр дублера. Но им пришлось изменить график съемок, и я смогу приехать домой только завтра.

— Хочешь, чтобы я кому-нибудь позвонил или... что-то сделал?

— Мне нужна помощь Друга Картера, не Агента Картера.

— Да, конечно.

Он смеется.

— В следующую секунду ты можешь пожалеть.

— Говори давай.

— Я должен был прилететь еще вчера и отвести Авайю на сегодняшнее занятия по подготовке к родам.

— Куда-куда? — от моего хохота изо рта появляется облачко пара в холодном воздухе. Маленький мамин садик замерз, заброшенные виноградные лозы покрылись ледяной коркой и припорошены снегом. Группка подростков ютится на углу одного из домов чуть дальше по улице. Огоньки от их самокруток мерцают в наступающих сумерках.

— Ну вот... — делает паузу Зак, после чего снова смеется. — Я же говорил.

Я зажмуриваюсь и пальцами сжимаю переносицу.

— Нет-нет. Это даже круто.

— Ты такой врун.

— А ты уверен, что Авайе это подходит? — мы знакомы с ней с тех пор, когда она еще не встречалась с Заком, но мне не хочется, чтобы ей было дискомфортно.

— Как раз она и предложила тебе позвонить.

Открыв глаза, я смотрю на затянутое снежными тучами небо. Мне нравится общаться со своими клиентами. Этот же разговор просто... странноват.

Но разве я могу тут отказать. Занятия по подготовке к родам. Вперед.

Если бы меня спросили, что у меня сегодня было в планах, я бы ответил: Хбох с кузенами, упаковка подарков с Ди-Ди, снова и снова перечитывать старые смс-ки Злючки и от расстройства съесть целую упаковку мороженого, в чем обвинить потом отца.

Возможность оказаться вечером с чьей-то женой в кругу беременных женщин и их партнеров в голову мало кому придет.

Тем не менее я здесь.

Встречаю Авайю снаружи, мы обнимаемся, обмениваемся любезностями и парой слов о погоде. Поначалу немного странно, потому что я не знаю, куда смотреть и что говорить — да хотя бы как обнимать женщину с огромным беременным животом.

Как и всегда, Авайя разряжает обстановку.

— Готов поговорить о моих естественных родах? — говорит она, держа под мышкой свернутый в рулон коврик для йоги.

Я и на это не знаю, что ответить. С улыбкой открываю для нее дверь и после вхожу сам.

Курсы для будущих родителей кажутся не такими уж и страшными. Большой зал, в котором так же уютно, как в гостиной приятеля, где можно зависать в спортивных штанах. Думаю, это хорошо, если все настроены на естественность.

Естественность здесь лидирующая тема: можно управлять болью с помощью естественных методов, но не стоит винить себя или кого-то другого, если в последний момент решение изменится. И комментарий в сторону: если когда-нибудь наука придумает, как рожать мужчинам, я сразу говорю боли свое решительное «Нет». Выбираю медикаментозное обезболивание. Да побольше.

Нашего инструктора зовут Мередит. Она грамотная и очень приятная, ходит от пары к

паре и поправляет позу или говорит подвинуть ногу туда или сюда. Мы начинаем с растяжки, стоя на четвереньках и двигая бедрами туда-сюда, и сейчас я ужасно рад, что у нас с Авайей не было секса до ее знакомства с Заком.

— Хорошо, — говорит Мередит, оглядывая класс. — А теперь выгните спину и нарисуйте бедрами восьмерку. Прочувствуйте это движение. Вверх и вниз, вверх и вниз. Получайте удовольствие от этого упражнения, потому что кто знает, когда такое будет в следующий раз, верно?

Авайя оглядывается на меня через плечо, и мы хохочем.

— Господи, Иви ни за что в это не поверит, — помогая Авайе встать в следующую позу, говорю я.

— Иви... Иви... — медленно повторяет Авайя. — Кажется, Зак не упоминал это имя.

— Она агент из Лос-Анджелеса.

— В твоём агентстве?

— Ага. Типа того. Долгая история.

— Ты встречаешься с коллегой? Моя жизнь сейчас такая скучная, слава богу Зак попросил тебя приехать.

— Не встречаюсь, — даже я слышу в своём тоне что-то вроде *«Ох уж эти девчонки, вечно о своём»*.

— Ой, так не интересно, — жалуется Авайя, наклоняясь вниз, и её длинные светлые волосы скрывают лицо. — Зачем бы тогда ей интересоваться этими занятиями? Развлеки меня какой-нибудь историей, Картер.

— До слияния она работала в «П&Д», — начинаю я, и Авайя кивает. — Кстати, она ходит с женой своего клиента и их ребёнком на развивашки в Беверли-Хиллз.

— Дай-ка угадаю: час таких занятий по стоимости равен месячной аренде двухкомнатной квартиры в Квинсе, а занимаются там чем-то совсем простым — типа поиграть пудингом или попрыгать на простыне.

— Они играли с пастой. А откуда ты знаешь?

— На подобные классы я ходила с Джошуа, когда он был маленький. Но там были парашюты.

— Парашюты?

— Мы усыновили его новорожденным, — поясняет она, — и, конечно же, никакого опыта родов у меня нет. Вот и пришла сейчас сюда, — она снова улыбается мне, оглядываясь через плечо. — Мы клали детей в круг, и все мамы поднимали и опускали над ними большой круглый тент, похожий на парашют. В теории это звучит красиво, а на практике дети, видимо, были слишком маленькие, чтобы получить от этого удовольствие. Когда мы резко поднимали парашют от их лиц, то они пугались до чертиков. Кто-то плакал, кто-то пытался поскорей уползти оттуда, а кто-то просто замирал на месте от ужаса.

— О господи, — пытаюсь подавить рвущийся наружу смех и оглядываясь на инструктора, говорю я. Меньше всего мне надо, чтобы нас сейчас вывели из класса. — Это не смешно, конечно.

— Это *дико* смешно, вообще-то. Будучи родителями, мы проводим своих детей сквозь странный опыт, уверенные, что это даст им потом какое-то преимущество.

Инструктор ставит всех будущих мам на корточки, будто они собрались сходить в туалет, и объясняет пользу этой позы, в том числе для промежности и кое для чего ещё, на чем сфокусироваться я даже при всем желании не смогу.

— Как твоя промежность? — интересуюсь я. — Хорошо?

Авайя качает головой, будто поверить не может, что мы ведем такие разговоры.

— Расслаблена. Спасибо. А теперь расскажи мне про Иви.

Глубоко вздохнув, я выкладываю все:

— Если в двух словах, то Ивлин Эбби — моя бывшая почти девушка, превратившаяся сначала в заклятого врага, а потом в почти союзника, которую я предпочел бы постоянно соблазнять.

Ликование на лице Авайи говорит мне, что мне стоит продолжать.

— Это долгая и непростая история, где за первыми свиданиями следует корпоративная жадность, соревнование за одну должность и саботаж.

— Хм, кажется, это не так весело, как я ожидала.

— Все дело в том, что она умная, забавная и потрясающе выполняет свою работу. И это бесило. А когда нам сказали, что могут оставить только одного, мы оба превратились в маньяков. Я ловил себя на том, что слушаю ее на совещаниях, совершенно замороженный, а в следующий момент хотел проколоть ее шины за то, что отвлекала меня от основной цели.

— А твоей основной целью было...

— Полное уничтожение противника, естественно.

Мы переходим в следующую позицию, и Авайя прислоняется к моей груди спиной, усевшись между моих ног.

— А сейчас? — спрашивает она.

— Сейчас считаю ее лучшей.

— А вы... — она не договаривает до конца вопрос, занятая дыхательными упражнениями.

— Ну... почти. Прикосновения, не снимая одежды, если ты понимаешь, о чем я.

Она хихикает.

— И было хорошо?

Бля.

— О да.

— Смею предположить, ты был бы не против повторить.

— Может, мы сосредоточимся на чем-нибудь полезном? — предлагаю я.

— Как я могу сосредоточиться на чем-нибудь другом, когда тут такие рассказы о страданиях и запретной любви?

— Тебе придется, потому что боюсь, сейчас у меня больше шансов осуществить *прикосновения, не снимая одежды*, с этими дамами, — я показываю на беременных слушательниц курса, — чем с Иви.

— Почему? Из-за работы? Лично мне это кажется мелочью.

— Вообще-то, это *не мелочь*. Мы оба состоим в браке со своими работами. И через три месяца этой работы у кого-то больше не будет. А еще этот корпоратив на озере Биг Бэр. Мне хочется быть с ней, но мы постоянно спорим. Не хочу, чтобы в итоге мы перерезали бы друг другу глотки. В тюрьму таким властным, как она, никак нельзя, а мне будет слишком трудно не взять в руки нож.

— Итак, главный вопрос тут такой, — говорит Авайя. — Ты был бы с ней, если ни работа, ни что-нибудь еще в этом роде не стояло на пути?

— Вообще-то, это довольно важное «если», Авайя.

— Ты не ответил на вопрос, *Картер*.

— Был бы я с Иви, если на пути ничего не стояло? Наверное, — почесав подбородок, я морщусь от этой оговорки. — Нет. Не «наверное». Совершенно точно.

— Тогда просто исправь все.

— Ну надо же, как это я раньше не додумался?

— Картер, женщины не настолько сложные, — обернувшись, с улыбкой говорит Авайя. — Умнее? Да. Но не сложнее. Мы хотим, чтобы были подвижки, а не безупречность.

Тем же вечером дома у родителей я размышляю над словами Авайи.

Подвижки. Не безупречность.

Мне не нужно быть идеальным; что касается Иви, мне даже не нужно ничего исправлять, но я могу признать, что сделал и где был неправ. Попробовать стать чуть менее жутким.

Протянув руку к лежащему на прикроватном столике телефону, я листаю сообщения и нахожу наш диалог с Иви. Потом в уме прикидываю, сколько сейчас у нее времени; здесь начало одиннадцатого, значит, там начало восьмого. То есть не поздно.

«Привет».

Задержав дыхание, я смотрю на экран в надежде увидеть маленькие точки, говорящие о том, что она мне пишет. В момент, когда я выдохнул и собрался положить телефон, точки все-таки появились. Мое сердце подпрыгнуло в горло.

«И тебе привет».

Поехали. Время высказаться.

«Кажется, мне нужно отмотать немного назад».

«Во-первых: мне стоило сначала поговорить с тобой про Дэна Принтса».

«Я должен был сказать тебе, что у тебя блузка расстегнулась. И СПРОСИТЬ про кандидатуру Джоны».

«Тебя посетил призрак Прошлого Рождества?»

«Что-то типа того».

«Что ж, спасибо».

«Не за что».

«Но за блески извиняться не буду».

«Прикол с блестками был очень крутой».

«И если честно, я тоже хочу извиниться».

«Но только не за лук».

«Ты прощена».

«Луковые конфеты — ужасная/гениальная идея».

«А микшерная комната была чистым удовольствием».

Она просто оценит мое понимание очевидного? Или же согласится со мной? Проходит минута. Пульс стучит уже повсюду — во рту, глазах и ушах. И наконец телефон вибрирует снова.

«Не то слово».

Сделав глубокий вдох, я перекатываюсь на спину. *Слава богу.*

«Ты сейчас в Нью-Йорке?»

«Ага. А ты чем занимаешься?»

«Поужинала с Дэрил, а сейчас доделываю свой отчет о расходах, после чего собираюсь в Бёрбанк».

«Доделываешь отчет во время праздников?»

«Ай-яй-яй».

«Знаю, но ждут только меня, чтобы закончить проверку».

«Интересно, что они собираются найти? Водку, которую я списала в расход, чтобы было чем восстанавливаться после общения с Брэдом?»

«Уверен, водки там было немало».

«По крайней мере, оптом дешевле».

«Ты там увидишься с Майклом и Стеф?»

«Они обычно останавливаются в доме родителей Стеф, так что да».

«Странно, да, что я рад буду увидеться с ними здесь?»

«Можно подумать, мы не живем в одном городе».

«Нелепо, знаю».

«Это все потому, что ты соскучился по вечеринке в «Ареоле».

Рукой зажимаю рот, чтобы сдержать смех. Уже успел забыть, что рассказал ей об этом. Мы флиртуем? Это оно сейчас? Она упомянула наш последний с ней разговор, а я... Что? Рад до чертиков? Придумай что-нибудь умное, Картер.

«Намек понят».

Вот. Я молодец.

«Можно тебя попросить кое о чем глупом?»

«Обожаю глупые просьбы».

«Будешь на улице — сфотографируй снег».

«Это не сильно глупо».

«Даже разочарован».

«Мало радуется калифорнийское Рождество?»

«Возможно...»

«А давай так: я сделаю тебе снежного ангела и напишу твое имя».

«Только не желтым».

«Почему желтым?»

«Жду, когда дойдет...»

«Ой. Ой!»

«Бугага».

«Испорченная девчонка».

«Думаю, тебе нравится».

«Спокойной ночи, Картер».

«Спокойной ночи, Иви».

— глава двадцать первая —

Иви

В первый рабочий день после праздников я комок нервов. Удержать в голове свой

спокойный и рассудительный внутренний голос стало невозможно, потому что та словно закрытый на время снежной бури магазин.

Когда на работу приходит Картер, мое сталкерское второе «Я» замечает, что на нем новая одежда и что выглядит он... головокружительно. Узкие, длиной до щиколоток угольно-черные брюки, из-под которых виднеются носки буйной расцветки. Парни теперь перехватили инициативу в этой игре с укороченными штанишками? Полностью поддерживаю! Его рубашка актуального фиолетового оттенка, и внезапно он выглядит слишком модно даже для голливудского офиса, полного сильными мира сего.

Стоя в дверях комнаты отдыха, я в восторге наблюдаю, как Картер идет от лифтов, и внутри все замирает, когда он останавливается у моего кабинета и осторожно заглядывает внутрь.

Очевидно, там меня нет. Я окликаю его, и кровь, отхлынув от сердца, начинает пульсировать где-то между ног, когда он оборачивается на мой голос и улыбается.

Черт. Я по уши.

— Я тебе привез кое-что, — он подходит ко мне и протягивает целлофановый пакетик. Лента, которой он был перевязан, перекосилась, словно была использована в качестве ручки. — Печенье. От моей мамы.

— Ты привез мне печенье от мамы из Нью-Йорка? — осторожно принимая печенье, спрашиваю я.

Видимо, только сейчас поняв смысл подарка, Картер отвечает:

— Я... Ну, их просто было очень много, — говорит он и одаривает меня очаровательной смущенной улыбкой. — Странно получилось, да?

Мое сердце бьется оглушительно громко, кожу охватывает румянец, и рекламным билбордом в моем воображении мерцает образ меня, схватившей его за воротник и притянувшей для поцелуя.

— Да нет, это мило, — говорю я и аккуратно открываю сверток. Воздух наполняется ароматом шоколада и сливочного масла.

— Картер, — подбегает Кайли. — Рада, что нашла тебя.

Он поворачивается к ней.

— Я только что приехал. Что случилось?

— Брэд хотел узнать, успел ли ты пробежаться глазами по тем пяти сценариям, которые он тебе прислал.

— О, еще нет, — отвечает он, явно застигнутый врасплох. — Я вчера только письмо увидел.

Кайли весело смеется.

— Он хотел, чтобы я напомнила. А я ему такая: «Брэд, там же пять сценариев! Дай ему время».

Картер теперь тоже смеется, а моя улыбка натянутая. Даже галлон ледяной воды не изменил бы тон этого разговора столь же быстро.

Не то чтобы Брэд не присылает сценарии интересующим его агентам. Вот только он никогда не отправлял *пять* сценариев *одному*.

Я пытаюсь сохранять спокойствие, но на ум тут же приходит грядущий гольф-тур и его подноготная.

— Брэд присылает тебе сценарии? — интересуюсь я.

— Ага. Когда хочет оставить отзыв какому-нибудь сценаристу и интересуется моим

мнением.

— Ясно, — я кладу печенье на стол.

— Еще Брэд хочет, чтобы Картер помог ему решить, как лучше распределять работу в команде, — услужливо добавляет Кайли.

Я прикусываю нижнюю губу, чтобы челюсть не упала на пол. То есть теперь мне нужно завоевать расположение Картера, чтобы он направлял мне клиентов?

— Только Картер? — убедившись, что смогу спросить, не заорав, задаю я вопрос.

— Ага, только он, — немного растерянно пожимает плечами Кайли.

Вот и приплыли. Не могу сказать, что удивлена.

— У меня и *правда* есть в этом некоторый опыт, — мягко напоминает он. — В Нью-Йорке я выполнял кое-какую работу драматурга. И на всякий случай: у меня есть талант находить актерам лучшие роли...

Я киваю его и снова заставляю себя улыбаться. Почему у нас с Картером все получается в разы лучше, если мы находимся в разных помещениях? После переписки я была так рада его увидеть, но теперь снова в замешательстве относительно его намерений. Словно это сама судьба говорит нам, что ничего путного у нас не выйдет.

Он бросает быстрый взгляд на Кайли, которая с любопытством смотрит на нас.

— Что ж, — говорю я, проглотив свою гордость, — дай знать, если тебе понадобится моя помощь, ладно?

Картер кивает, но мне больше не хочется здесь оставаться, даже если он скажет что-нибудь еще.

Я так взвинчена, что едва могу сосредоточиться. Худшее в этой злости то, что я не в состоянии мыслить рационально. В своем кабинете, не закрыв дверь, Картер говорит по телефону, и мне хочется швырнуть в него степлером за то, что заставляет меня его слушать. Я слышу, как в коридоре Брэд благодарит Кайли за принесенный кофе, и мне хочется взвыть: «Если бы она была ассистентом мужского пола, стал бы ты ее гонять за кофе каждый чертов час?»

Я настолько разозлилась, что когда на телефон приходит сообщение от Картера, даже не читаю его. Когда приходит еще одно, а потом третье и четвертое, я переворачиваю его экраном вниз и погружаюсь в процесс ответов на письма, переговоров по телефону и назначения встреч. Меня подпитывает эта ярость — так что даже если в моем почтовом ящике не лежат пять новых сценариев, по крайней мере, мать вашу, у меня продуктивный день.

Только придя домой — сильно после девяти вечера — и налив себе бокал вина, я решаю прочитать его смс.

«Давай завязывать».

«Я не знаю, какую игру затеял Брэд».

«Но я вижу, что он выделяет меня, только потому что я парень. И это полный пиздец».

«Ты мне нравишься. Мне нравятся мы с тобой».

«Я без понятия, как быть с этим соревнованием. Скажи, как я могу что-нибудь исправить».

Проблема в том, что сказать «Давай завязывать» легче, чем сделать. Я могу ответить на каждое из его сообщений, но это будет выглядеть обманом. Мы оба знаем, что можем душевно переписываться. Знаем, что можем нормально взаимодействовать вне работы. Но

нам по-прежнему не удастся общаться по-человечески в офисе, а учитывая, что почти сто процентов моей жизни сосредоточено вокруг работы, для отношений мне мало только смс-переписки и вечерних встреч.

«По поводу всего этого у меня схожие чувства. Давай обсудим это при встрече».

Отправив ему свой ответ и беспокоясь, что именно с личным общением у нас и затык, я ложусь спать пораньше.

Жизнь идет своим чередом, и после праздничных каникул и времени, который каждый провел с семьей, дел на работе прибавилось. У всех есть бесконечный список, состоящий из продюсеров, сценаристов для будущих сезонов, режиссеров и актеров, которым нужно позвонить и умаслить, а то и записать в спа на массаж.

Из-за всего этого мне хочется надавать Брэду кувалдой по башке — надо же было придумать в середине января устроить корпоратив. С каждый днем, когда мы не смогли с Картером перекинуться и словом, растет мое напряжение. И грозовой тучей надвигается чей-то перевод в Нью-Йорк.

До озера Биг Бэр всего два часа езды, но поскольку все решили ехать на своих машинах и до последнего сидели на работе, время для отъезда получилось совершенно не подходящее — в четыре часа в пятницу. Но кода я выхожу на улицу, вижу, что все забираются в припаркованные лимузины.

Сюрприз от Брэда: шикарная поездка до озера.

— Лимузины! — кричит Роуз, и восьмилетняя часть меня поддерживает восторг, в то время как тридцатитрехлетняя смотрит на происходящее с изрядным скептицизмом.

— Своих людей надо баловать, верно? — великодушно заявляет Брэд и хлопает меня по спине. — Я питаю большие надежды, что это мероприятие. Хочу, чтобы оно стало лучшим. Не подведи меня, девочка!

— И Картер, — с нервным смешком добавляет Картер, но Брэд его не слышит.

Мы с Картером смотрим друг на друга, и несмотря на все непроговоренное между нами, я думаю, наши мысли сейчас одинаковые: Брэд отказался увеличивать бюджет на ланч, так что нам придется обойтись простеньким сэндвич-баром, но при этом решил побыть большим мальчиком и повезет нас на лимузинах?

В последний момент ко мне подбегает Джесс и дает небольшую пачку файлов.

— Счета-фактуры за это маленькое путешествие, — слегка запыхавшись, говорит она. — Извини, что так долго, но в отделе корреспонденции собирались их перенаправить сразу к Брэду, так что мне пришлось их забрать чуть ли не силой, — она открывает верхний. — Здесь перечислена толпа поставщиков, с которыми я не договаривалась. Поэтому посмотри сама, а когда вернешься, обсудим.

— Спасибо, Джесс, — отвечаю я и делаю глубокий, очищающий мозги вдох. «Я справлюсь», напоминаю я себе. — Жаль, что ты с нами не едешь.

— Ха. Не хочу ранить твои чувства, но ни хрена бы не поехала. Удачи и, — она многозначительно смотрит туда, где Картер забирается в лимузин, — хорошо проведи время.

Хорошо провести время. М-да.

Амелия с Дэрил машут нам, стоя на тротуаре; их улыбки говорят мне: «Удачи! Она тебе понадобится». Моя улыбка, в свою очередь, отвечает: «Страдайте тут без веселья, засранки». Повернувшись, я сажусь в лимузин.

Было бы неплохо обсудить последние детали, но мы с Картером сидим в противоположных концах. Увидев минибар, Эндрю и Картер переглядываются и, видимо, прикидывают, сколько времени нужно выждать, прежде чем будет прилично открыть шампанское. По словам Эндрю, когда лимузин отъедет от здания, уже нормально.

Я даю добро этому решению, потому что нам действительно нужно, чтобы все получали как можно больше удовольствия — а это означает, чтобы все напились. Причем *как можно быстрее*.

С бокалом в руке и не решаясь работать в машине из страха укачивания я присоединяюсь к всеобщей болтовне.

Тимоти поливает помоями Эда Руиса из агентства Альтермана — тот каким-то грязными махинациями переманил потенциального клиента Тимоти — а я молча наслаждаюсь историей, потому что Эд кусок дерьма.

— Ты работала с ним? — спрашивает меня Эндрю.

— Ага, но не непосредственно с ним.

И это все, что я могу сказать. Мне не хочется рассказывать, как он заблевал мои туфли в такси, в котором мы ехали как-то после рабочего ужина, или как он спал с помощницей Кена Альтермана и настолько на ней помешался, что хранил ее трусики в ящике своего стола. Или как убеждал своего клиента, что нет ничего такого в том, чтобы «случайно» заняться сексом с семнадцатилетней девушкой, и Эд с радостью спрячет все улики.

Не поймите меня не правильно. Сплетни — это забавно, и я ими наслаждаюсь. Просто редко когда даю понять, будто знаю что-нибудь интересное. Поэтому когда Эндрю начинает рассказывать, как видел внушительный список актрис первой величины, которые полностью обнаженными посещают секс-клуб вместе с одним известным — и пожилым — режиссером, я аккуратно прячу эту историю в виртуальную бархатную коробочку, чтобы не забыть.

Показательно, что никому в голову не приходит поинтересоваться, а какого черта в том клубе забыл сам Эндрю.

После того как все поведали о последних сплетнях, нам остается еще добрый час пути, и наступает тишина, в результате которой — и действия шампанского — трое засыпают. Я замечая, как сидящая рядом со мной Кайли собирается с духом подсесть к Картеру. Все это выглядит птичьими брачными танцами. Согнувшись в три погибели, она идет к нему и усаживается рядом. Медленно подползает ближе и наклоняется, как будто хочет прочитать что-то через его плечо. Но... это... Он же читает контракт — я это знаю, поскольку вижу первую страницу. Как-то плохо подходит для совместного чтения и обнимашек. Юридическая информация льется из документа, словно мощный грязевой поток.

Кайли нелепо и якобы по-кошачьи потягивается и убирает руку себе за спину, чтобы грудью прижаться к его плечу.

Вздвогнув от неожиданности, Картер инстинктивно отодвигается, и я выдыхаю.

— Привет, — говорит она и вглядывается в лицо Картера, будто любит себя в карманное зеркальце.

— Привет, — слегка улыбнувшись, отвечает он и возвращается к чтению лежащего на коленях контракта.

— Предвкушаешь выходные?

Он кивает.

— Ага. Все должно пройти хорошо.

— А ты уже останавливался в том отеле? У них есть и коттеджи, и обычные номера.

— Не-а.

— Там очень красиво, — говорит она. — Большой бар, большой уютный холл... большие номера.

И теперь мне неловко за них обоих, потому что — господи! — она ужехватила через край. Подняв голову, он замечает, что я подслушиваю, и, притворившись, будто мне что-то попало в глаз, я отворачиваюсь. Хотя мы оба знаем, что это не так.

Когда я снова смотрю на Картера, он по-прежнему сидит в нескольких сантиметрах от Кайли и по-прежнему наблюдает за мной, явно гадая, как сильно я сейчас ревную. И его улыбка в мою сторону не нахальная и не дразнящая. А излучающая тихое счастье. Внезапно план завязать с ерундой и поговорить лично не кажется таким уж недостижимым.

На этот раз реальность оправдала все ожидания: резорт и вправду очень красивый. Главное здание в виде большого роскошного коттеджа расположено на вершине холма и окружено домиками поменьше. Повсюду растут желтые сосны, а воздух настолько свежий, что мне кажется, будто до этого момента я ни разу не выходила на улицу. Находясь в ловушке между океаном и городом, Лос-Анджелес всегда имеет над собой крышку из смога, и хотя сейчас экология города стала лучше, чем была во времена моего детства, все равно легко забыть, на что похож по-настоящему чистый воздух.

Выйдя из лимузина и щурясь от яркого солнца, я чувствую себя довольно оптимистично. В этом году снега мало, но тут он, по крайней мере, есть. Даже если все выходные обещают стать отстойнейшими, здесь красиво и есть выпивка.

При входе, декорированном золотыми кистями и безупречной, ведущей от дверей в просторный холл, красной ковровой дорожкой, Брэд нас останавливает.

— Добро пожаловать на седьмое ежегодное выездное мероприятие Features «П&Д»!

Мы вежливо хлопаем: самые неловкие аплодисменты, какие я когда-либо слышала.

— Спасибо что нашли время присоединиться к нам на эти выходные, — продолжает он. — Я хочу поблагодарить каждого за приверженность интересам агентства и вашу неизменную преданность. Думаю, нет надобности говорить, что год был интересным.

Раздаются смешки.

— Это еще мягко сказано, верно? — оглядывая всех собравшихся агентов и вспомогательный персонал, добавляет Брэд. — Но все это неважно, потому что здесь... прямо сейчас... то, о чем я всегда говорю и чем горжусь. Я вижу вокруг себя свою команду, готовую продемонстрировать всему миру, на что она способна. Более чем когда-либо нам сейчас нужны новые таланты — в телевидении, кино и медиа — а им, в свою очередь, нужна команда. Вот почему я собрал всех вас здесь, где вы сможете поддержать друг друга и стать непобедимыми. И как мы этого добьемся?

— Как единая команда, — говорит кто-то, и Брэд кивает.

— Верно. Не как две части разных компаний, а как единое целое, — перестав смотреть на других, Брэд машет мне рукой. — А теперь иди сюда, Иви. Ты проделала огромную работу как организатор этого мероприятия. Расскажи, что нас ожидает сегодня. Порази наше воображение.

Нахмурившись, Картер смотрит на меня.

— Приветственный ужин в коттедже начнется, — говорю я всем и смотрю на часы, —

через сорок пять минут. Этого времени хватит, чтобы разобрать багаж и привести себя в порядок. А настоящее веселье начнется завтра в десять.

Стоящий рядом со мной Брэд с энтузиазмом кивает.

— Жду не дожусь. Ну а теперь... Я вижу, как все сгорают от нетерпения поскорей начать. Заселяемся, команда!

Подняв голову, я встречаюсь взглядом с Картером. Он мрачен и неодобрительно поджал губы.

Брэд хлопает меня по спине и толкает в сторону лобби.

— Показывай дорогу, девочка.

Ад крошечный. Грядет форменное нечто.

Когда все расходится с ключами в руках, я как заправский агент ЦРУ исподтишка смотрю, в какую сторону идет Картер (и в какую Кайли, а увидев, что они разошлись по разным сторонам, внутренне ликую).

Сама я вместе со своим маленьким чемоданом иду в свой 207-й номер, за пару дверей от номера Роуз. Внутри все просто великолепно — огромная кровать посреди просторной комнаты, широкий балкон и изумительный вид на озеро. Мысленно поблагодарив Кайли, что нашла нам такое место, я выхожу на балкон и осматриваюсь.

Тут никогда не бывает достаточно холодно, чтобы озеро покрылось льдом, и его темно-синяя вода мягко плещется у покрытых инеем камней на берегу. Зеленая листва деревьев слегка припорошена белым, и всего на мгновение — на время, необходимое для короткого вдоха — я головокружительно счастлива быть здесь.

Зная, что у меня есть несколько минут, я возвращаюсь внутрь и достаю из сумки файлы, что дала мне Джесс. Отчеты Джесс всегда безупречны, и, пробежавшись взглядом по документам, я понимаю, что она имела в виду: я тоже не помню большинство представленных тут поставщиков. Пишу ей сообщение, чтобы она сверила эти записи с записями Кайли, как вдруг мне — не групповое, а одной мне — приходит смс от Брэда:

«Пожалуйста, спустись в ресторан пораньше и проследи, чтобы все было в порядке».

Делаю три успокаивающих вдоха, гоняя при этом в голове мысль: *«Какого черта задумал Брэд?»* После чего беру сумочку, ключ и выхожу из номера.

Ужин, кстати, получился превосходным. По крайней мере, после того как Брэд снова всех поблагодарил за приезд и поставил меня перед всеми зачитывать меню. Поднявшись со своего стула, я чувствую себя его ассистентом — даже сторонним организатором — и это чувство усиливается с каждой минутой.

— Я сам с удовольствием расскажу, что в меню, — вставая, перебивает Картер, но Брэд качает головой.

— Пусть Иви.

Я ясно слышу подтекст в его словах: *«Ты моя марионетка. И если хочешь, чтобы в понедельник у тебя по-прежнему была работа, ты сделаешь это».*

С красным лицом Картер медленно садится. Я с улыбкой киваю ему, благодаря за попытку, и на одном дыхании выпаливаю меню. Салаты. Мясо. Картофель. Зеленая фасоль.

В общем-то, пояснять тут совершенно нечего. Картер был умен, когда с нашим ограниченным бюджетом настоял на обычном меню, зная, что они красиво подадут его в коттедже.

Красное и белое вино закончилось еще на салатах. Слава богу, тут есть платный бар.

Все заняты едой, и вилки с ножами позвякивают по фарфору. В нашей похожей на пещеру приватной столовой несколько длинных столов. Странновато немного, но это числилось в списке требований Брэда — принимать пищу вместе. Как *команда*.

В огромном камине, куда я спокойно поместилась бы в полный рост, ревет огонь, и семеро официантов боязливо перемещаются по столовой, надеясь оказаться полезными, но не решаясь предлагать свою помощь слишком часто. Это все эффект Брэда Кингмана. Вам даже не обязательно знать, кто он такой, чтобы начать побаиваться.

Картер сидит слева от меня, и это так странно — находиться в помещении среди множества людей и так отчетливо ощущать его присутствие. Когда разрезает стейк, тянется за бокалом вина или поправляет лежащую на коленях салфетку, он постоянно задевает своей рукой мою. Он нарочно старается прикоснуться ко мне? Чем больше вина я выпиваю, тем громче мой мозг кричит: «ДА!» И я начинаю понемногу отвечать ему тем же, немного наклоняясь левее и положив левую ладонь на стол, чтобы ему было проще ее задеть.

Искусство ниндзя-соблазнительницы.

Настолько сосредоточившись на том, что Картер говорит и делает, на том, какой потрясающий от него исходит запах, я пугаюсь, когда официанты начинают собирать тарелки, и вижу, что едва прикоснулась к еде.

Потом все перемещаются в патио, где по углам стоят нагреватели, а гирлянда из бумажных фонариков обрамляет вид на озеро.

Брэд редко расслабляется настолько, чтобы напиться, но уж когда напивается, то превращается в одного из тех людей, которые чем больше пьют, тем громче себя ведут. К десяти часам вечера большая часть народу изрядно набралась, но Брэд не просто набрался — он словно подключился к системе радиовещания.

Не поймите меня неправильно. Мало кто из нашего бизнеса знает больше историй, нежели Брэд Кингман, но трезвый он — могила. Так что все мы — даже кто его ненавидит — увлеченно его слушаем. Сегодня он действительно на коне.

Самые интересные моменты:

- * его жена заработала на колледж стриптизом (уверена, Максин, *руководитель киностудии*, будет просто в восторге, что он рассказал об этом);

- * у него на глазах один из самых знаменитых актеров современности (обладатель пяти «Оскаров», кстати) «втянул дорожку с задницы шлюхи в Вегасе»;

- * когда он впервые познакомился с одним из самых влиятельных продюсеров, тот был под кайфом и заснул лицом в салате, а когда проснулся, сделал вид, будто не произошло ничего такого. И закончил встречу с натертой морковкой в волосах и пятном от французской заправки на левой щеке. Фильм, который они обсуждали, потом взял четыре «Оскара» и два «Золотых Глобуса».

В районе полуночи, когда было рассказано еще немало историй, бар в патио закрылся, а мой бокал опустел. Подошедший официант предложил мне налить еще, но в качестве предлога сбежать я иду в бар, где тихо и тепло, и где я пару минут побуду сама с собой.

Подходит бармен и облокачивается на стойку.

— Что будет красавица?

— Ваше лучшее красное вино, — отвечаю я и смотрю на его бейдж. Вуди. — Снаружи я пила пино, но думаю, оно уже кончилось.

Вуди улыбается, обнажая передний ряд идеальных белых зубов, один из которых... отсутствует. Я *зачарована* таким парадоксом. Он его выдернул? Если да, то почему? Как среди идеальных зубов один может оказаться настолько плохим?

Я думаю обо всем этом, чтобы занять мозг и чтобы не вспоминать, как Брэд свысока называет меня девочкой и как быть членом команды в моем случае означает отдать кому-то свои комиссионные.

— Тогда принесу Рейвенсвуд зинфандель, — постучав костяшками по стойке, говорит мне бармен. — Выбор у меня тут небогатый, но это вино приличное.

Вуди уходит достать бутылку, а я, тяжело навалившись на стойку, думаю, не вздремнуть ли мне полминутки.

Это от вина я такая сонная.

Похоже, оно делает меня еще и влюбленной, потому что Картер выглядит просто...

— Как тут у тебя дела?

Выпрямившись, я оборачиваюсь через плечо, в то время как Картер собственной персоной подходит ко мне и садится на соседний стул.

Я стараюсь держать свое полупьяное внимание на его лице, а не на линии ключиц.

— Я вымоталась. И выпила. И хочу просто отправиться в кровать.

— Я тоже, — говорит он и оглядывается на двери, в которые только что вошел. — Боюсь правда, это только начало.

Не думая, я наклоняюсь к нему и смеюсь, уткнувшись ему в плечо. Господи, до чего же хорошо он пахнет.

— Они там все чокнулись. Но мы не можем просто исчезнуть. Нужно быть хозяевами мероприятия, и все такое.

Картер смеется.

— Черт, да как мы такое сейчас осилим?

— Без понятия.

Опустив взгляд, он проводит кончиком указательного пальца по рисунку деревянной стойки.

— Брэд по-прежнему относится к тебе как с своей помощнице.

— Да, — прикусив губу, я смотрю в сторону.

— Иви, — говорит он. — Мне так жаль. Ведь я поспособствовал своим невмешательством. И больше не хочу этого делать.

От его слов в горле растет комок и сильнее становится желание себя защитить.

Все в порядке.

Ты просто новичок у нас, Картер.

Я много лет имею дело с Брэдом и знаю его игры.

Не вешай лапшу на уши хотя бы себе, Иви.

Позволив себе выпустить наружу немного уязвимости, я говорю:

— Раньше меня его поведение бесило, а сейчас заставляет нервничать. А в голове постоянно свербит беспокойная мысль, что он хочет от меня избавиться.

Он кивает.

— Я это вижу. Вижу и не знаю, что делать.

Так сильно болит в груди.

— Ненавижу чувствовать себя такой беспомощной.

Я никак не ожидала, что *эти* слова станут пусковыми. В кино такие признания способны или разжалобить, или же ожесточить, но *такого* эффекта я от своей тихо произнесенной фразы не ждала.

Тем не менее он есть.

Наклонившись ко мне, Картер кладет ладонь мне на щеку и целует. Целует именно так, как я фантазировала днями и ночами напролет, начиная с того вечера у меня дома. Сейчас прикосновения его губ отличаются от тех безумных, грубых и торопливых, что были в микшерной. Те ощущались нашей общей тайной. Почти жестокими. Свидетельством потери благоразумия.

Но эти поцелуи... Поток мягких касаний и упоение вкусом. Словно кусочки диалога. Они ведут от «*прости меня*» сначала к «*что мы делаем*», а потом и к «*хочу заниматься этим всю ночь*». Из-за того, что Картер прижал меня спиной к стойке бара, я даже не замечаю, что Вуди принес мне бокал вина.

Зато *замечаю*, как Картер отодвигается и кладет ему двадцатку.

Я прижимаю руку к губам, чтобы сохранить ощущения.

— Ты не должен был платить за мое вино.

— Просто инвестиция. Закрыв счет, чтобы бы могли уйти.

— Я думала, мы не можем уйти с вечеринки.

— Нахер вечеринку.

Мое хихиканье от перспективы уйти вместе звучит так по-девичьи.

— Что ты сказал? — притворяясь возмущенной спрашиваю я.

— Ты меня слышала.

Снаружи доносится многоголосый пьяный рев под аккомпанемент плеска воды.

— Нагишом! — вопит Кайли, и ее с восторгом поддерживают мужские голоса.

Картер все еще смотрит на мой рот.

— Привет.

— Привет.

И тут его улыбка меркнет.

— В моем номере две односпальные кровати.

Мои глаза сияют, а улыбка становится шире.

— Ну и отлично. Потому что у меня кинг-сайз.

Запыхавшись и хохоча после пробежки в сторону магазина подарков за презервативами, где оставили слишком крупную сумму работающему в ночную смену подростку, мы вваливаемся в номер. У меня такое чувство, будто я заполнена пузырьками или сверкающими звездами — внутри меня все ожило.

И несмотря на все прошедшие месяцы и игры, в которые мы играли, неловкость почему-то не приходит. Есть только мы вдвоем, улыбающиеся сквозь поцелуи и стягивающие друг с друга одежду с комфортом давно живущей вместе пары. И с восторгом, как у девственников. Его тело просто нереально, клянусь, я просто не могу перестать прикасаться к нему; мои руки словно сканируют его и оставляют в памяти. Я разрешаю своему мозгу освободить память, выбросив все, что ему вздумается — мое умение ездить на велосипеде или вязать крючком — потому что тугие линии живота Картера гораздо важнее.

— Слишком быстро? — едва сделав паузу, спрашивает Картер и бросает мой бюстгальтер куда-то себе за спину.

Я смеюсь.

— Ничего подобного.

Картер ведет нас в глубь комнаты, а когда я ложусь на прохладные простыни, накрывает меня своим телом.

— Мы можем теперь быть друзьями? — целуя шею, спрашивает он.

От ощущений его губ на моей коже мне трудно сформулировать хоть какие-нибудь слова, но сглотнув, изо всех сил стараюсь сконцентрироваться.

— Ты этого хочешь? — этот вопрос прозвучал бы куда серьезней, если бы не расстегнутая пряжка его ремня. — Быть друзьями?

— Да, — царапнув зубами по моей ключице, отвечает Картер. — И нет, — подняв голову, он смотрит на меня. — Понимаешь меня?

— Думаю, да, — закончив расстегивать его брюки, я стаскиваю их вниз и улыбаюсь, когда от холодного воздуха в номере его кожа покрывается мурашками. Он отпихивает их, и теперь голые ноги сплетаются с голыми ногами, а обнаженный живот прижимается к обнаженному животу.

Картер говорит что-то еще, но его слова тают на коже моего плеча, а потом и груди, когда он спускается ниже. Когда он втягивает мой сосок в рот, я выгибаю спину и сама удивляюсь вскрику, который издаю.

Мать вашу. Какого черта мы так долго ждали?

В голову приходит мысль, что нам нужно вести себя тихо, потому что та же Роуз, например, живет всего в паре номеров от меня, а кто в соседнем, я даже не знаю. Но я перестала слышать даже вопли купающихся.

Сейчас мы словно в крепости.

Рот Картера повсюду. Он ублажает мою грудь, посасывая каждый сосок, одновременно с этим пощипывая пальцами другой. Его взгляд безумен, когда он скользит им по моему телу и, глядя мне в лицо, опускается все ниже и ниже, после чего снимает мои трусики и располагается у меня между ног. Он склоняет голову и двигается сначала осторожно, а потом жадно — будто ничего вкуснее меня в жизни не пробовал. Я кожей чувствую его дыхание и стоны и хочу, чтобы они впечатались в нее сильнее — чтобы я позвоночником и ребрами ощутила исходящую от них вибрацию. Я чувствую себя пустой; и, видимо, произнесла это вслух, потому что он глубоко погружает в меня пальцы, не прекращая поцелуев.

Весь внешний мир исчез. Корпоратив и вечеринка кажутся какими-то нелепыми и нереальными. Все это рухнуло от настойчивых ласк его языка. Жар упругой лентой стягивает позвоночник, и, схватив его за волосы, я выгибаюсь дугой, пытаюсь сказать, что уже близко. Очень, очень близко.

— Картер, — с трудом ловя ртом воздух, говорю я и, сильнее потянув его за волосы... О господи... кончаю... так громко... Не понимаю, за каким чертом нам нужно будет потом отсюда уходить. Этого не стоит ни одна работа.

Между ног снова стало прохладно, потому что Картер уже здесь, целует меня, словно я последний доступный ему глоток кислорода. Его губы на вкус как я, и не знаю, почему и как, но это заставляет меня хотеть его еще больше.

Не открывая глаз и не переставая меня целовать, он тянется к тумбочке, хватая коробку

и наощупь открывает ее.

Я же свои глаза не готова закрыть ни на секунду. Не хочу упустить ни единой детали, который потом обязательно буду прокручивать в голове. Линии его плеча, сокращающиеся мышцы, когда он опускает руку между нами и надевает презерватив.

Чистейшее облегчение стерло с его лица все предыдущие эмоции, как только он оказывается внутри. А у меня начисто стерт разум. Я ни о чем не могу думать, только чувствовать — его, движущегося внутри меня. Кажется, я сейчас не вспомню даже свое имя.

Я смотрю на его шею и горло. Когда он откидывает голову назад и сглатывает, подпрыгивает адамово яблоко.

Картер полностью укрыл меня своим телом. Поставив локти чуть выше моих плеч, он наклоняется и смотрит вниз, между нашими телами, приоткрыв рот и прерывисто и хрипло дыша. Не переставая двигаться, он скользит ладонью по моей ноге и с силой впирается пальцами в бедро, после чего толкается сильнее и быстрее, и... Черт, до того хорошо. Интересно, смогу ли я удерживать его тут все выходные?

Наши тела скользят вместе, кожа влажная от пота и покрасневшая от усилий. Мои мышцы то напрягаются, то расслабляются, а когда нога соскальзывает с его бедра, он подхватывает ее под коленом и практически сгибает меня пополам, с силой вколачиваясь в мое тело.

Я не узнаю собственный голос — вскрик получается громким и совершенно неожиданным, а его отголосок возвращается к нам, отскочив от стен тихого номера. От этого звука он становится еще тверже, а его движения — еще неистовей и безумней. А когда я таю под ним — удовольствие настолько сильное, что застает меня врасплох, раздвигая мои ноги еще шире и поднимая их выше — он движется совсем лихорадочно: рукой подтягивая меня к себе в такт сумасшедшей гонке. Все глубже и глубже. Вцепившись в него, я горячо дышу ему в плечо, а он произносит мое имя, и «Да»... и «Пожалуйста»... и вместе мы кончаем, захлебнувшись воздухом. Интересно, смогу ли я когда-нибудь снова дышать нормально?

Лицом прижавшись к моей шее, Картер стонет от удовольствия, дрожа всем телом под моими прикосновениями.

Попытавшись переместиться, он шипит и прижимается губами к моему уху:

— Охренеть.

Согласно что-то пробормотав, я еще не до конца понимаю, как снова наладить связь между мозгом и ртом.

— Кажется, я только что обрел веру.

Я хихикаю. И не хочу, чтобы он сдвигался даже на сантиметр. Переплетаю наши ноги, пока он, не переставая улыбаться, целует меня. Мои ноги гладкие, его покрыты мягкими волосками, а с его горячим и тяжелым телом надо мной — и уже снова твердого — ощущения усиливаются в разы, и внутри меня что-то пылает отчаянной потребностью иметь с ним нечто большее.

Когда Картер подается назад всего на чуть-чуть, его глаза практически светятся.

— Сейчас вернусь.

— Не уходи.

Он смеется и целует меня в кончик носа.

— Мне нужно снять его.

Ой. Точно. Презерватив.

Протестуя застав, я выпускаю его из своих объятий, и он встает с кровати. Его тело — сплетение теней и уверенных линий. Чистая геометрия. Прямые штрихи мышц спины, треугольные плоскости лопаток, крутой изгиб задницы.

Картер стоит ко мне спиной, а я не могу глаз отвести от его плеч, когда из стоящей на комодке коробке он берет салфетку, а потом выбрасывает мусор в корзину.

В тусклом свете я вижу, как он медлит, после чего делает глубокий вдох.

Выпрямившись, Картер разворачивается. Моему телу без него холодно, и к этой дрожи примешивается тревога, что он сейчас захочет отступить, образумившись и придя в себя.

— Тебе не больно?

Чувствуя скорее голод, я хриплым голосом отвечаю:

— Нет.

Прищурившись, он изучающе смотрит на меня.

— Паникуешь?

Я по-прежнему не могу отдышаться, и внезапно — и ошарашенно — я понимаю, чем именно мы только что занимались и как сильно хочу, чтобы он вернулся в постель.

— Не в том смысле, про который ты думаешь.

Сделав шаг, он останавливается, не спуская с меня взгляд.

— А ты? — спрашиваю я.

— Немного, — подняв руку, он чешет затылок, а у меня все обрывается внутри. Но потом Картер добавляет: — Мне нужно...

Снова медлит... А мои легкие сейчас стоят от невозможности дышать.

— Я много об этом думал, — говорит он, — и о тебе. Я влюблен в тебя, Иви. А сейчас ты здесь, со мной. И я совершенно не хочу спать.

Понимая, что так ему лучше меня видно в лунном свете, сочащемся из окна, я сажусь в кровати. Простыня соскальзывает с тела, пока я понимаюсь на колени.

Мне слышно, как он задерживает дыхание, и я понимаю, что даже не нужно просить его вернуться в постель — мы понимаем друг друга. Картер подходит ко мне, и снова возникает оно — это прикосновение кожа к коже — в то время как он снова кладет меня на спину, подмяв под себя.

— глава двадцать вторая —

Картер

Я просыпаюсь от ощущения жестких простыней, вижу незнакомый потолок над головой, а вокруг темноту, которая обычно создается плотными шторами. Ощуаю рядом с собой чье-то присутствие и с ужасом вспоминаю о Кайли — с ее слишком щедро окрашенными блеском губами и нулевой понятии и личном пространстве, — мое сердце останавливается, а потом запускается вновь, когда вижу спящую Иви.

От воспоминаний, как мы тут оказались и как поцелуи ощущались, будто мы тонем и больше не всплывем, по телу прокатывается электрический разряд.

Иви выглядит такой мягкой. Возможно, «мягкая» — немного не то слово, но сейчас она погружена в такое спокойствие, которого я еще ни разу у нее не видел, будто упали ее

защитные стены, и я могу потрогать ее кожу и прикоснуться до самых костей.

Она так близко — мы лежим почти нос к носу, — что я могу рассмотреть каждую ресничку и сосчитать каждую веснушку. Еще она голая, чему я несказанно рад, но тут же начинаю беспокоиться о ее реакции, когда она проснется и увидит, что я тоже голый.

Мы по-прежнему друзья?

Она слышала, когда я сказал, что влюблен в нее?

Часть меня хочет испытывать больший страх, чем есть. Будет гораздо проще, если бы мы опомнились, договорились, что отлично провели время и допустили безумную оплошность. Но мой мозг объединился вместе с телом и вот этой новостью: «*Я влюблен в Иви*». Простыня с нее почти сползла, спутанные темные волосы рассыпаны по подушке. Кажется, этой ночью мы занимались сексом раза четыре. Я осторожно вытягиваю ноги, и тут же ноют мышцы живота. По *ощущениям* мы занимались сексом не меньше двадцати раз.

Протянув руку, я провожу пальцем по ее подsunутой под подбородок ладони, потом вверх по руке, и она начинает просыпаться.

Сообразив, что понятия не имею, о чем сейчас говорить, я тут же закрываю глаза и пытаюсь выровнять дыхание, чтобы она подумала, будто я еще сплю. Спустя несколько секунд тишины любопытство все-таки берет верх. Я чувствую себя нелепо; взрослый мужчина притворяется спящим, чтобы избежать взрослого разговора. Уголок рта начинает приподниматься, один глаз приоткрывается, и мы оба хохочем, поняв, что заняты сейчас одним и тем же.

Положив руку мне на лицо, Иви меня отпихивает.

— Ты идиот.

В груди становится тепло.

— *Я* идиот? Ты волосы свои видела? — я пытаюсь пригладить их, и она со смехом пытается увернуться.

— А ты свои? — с широченной улыбкой интересуется она.

Сделав паузу, я становлюсь серьезным.

— Все еще паникуешь?

Покусывая губу, Иви медлит, но потом отвечает:

— Немного. А ты?

— Немного, — честно отвечаю я.

— Хочешь это прекратить... чем бы это ни было?

Я подаюсь вперед и, поцеловав ее в уголок рта, встречаюсь с ней взглядом.

— Нет...

— Ладно, — глядя на мои губы, говорит Иви. — Тогда, может, хочешь избежать разговоров и снова заняться сексом?

Перекатившись на нее, я поражен тем, как мое тело полностью накрывает ее. Опускаю голову и смотрю вниз, туда, где она обхватывает меня ногами. Подаюсь вперед, совсем чуть-чуть, и тут же чувствую, как легко скольжу по ее коже, мягкой и уже влажной.

Тихий стон Иви мне уже знаком. Я помню, как он эхом разносился по номеру.

Она проводит руками мне по бокам, ногтями задевает соски и скользит к плечам. Притягивает меня за шею вниз, и теперь между нами ничего нет, даже воздуха.

В это мгновение я думаю, что мы можем кончить прямо так — два тела, движущихся с необходимой скоростью и давлением, — как и в тот первый наш вечер у нее дома. Но я так не хочу.

Видимо, Иви угадывает мои мысли, потому что протягивает руку в сторону и наощупь хватает ленту презервативов, которые мы вчера купили в магазине подарков и ночью бросили куда-то на кровать.

Мои глаза чуть не закатываются, когда она надевает на меня латекс. С укором глянув на нее, я отпихиваю ее слишком задержавшуюся там руку. И больше никакого откладывания. Простыня над нашими головами как белый тент. Сердце дико колотится, когда она опрокидывает меня на спину и усаживается верхом, приняв меня внутрь. Двигаясь сначала прерывисто и неуверенно, Иви наконец находит необходимый для себя угол и скорость.

Она опирается ладонями мне на грудь, не переставая двигаться, и — боже — это так хорошо, что я кладу руки ей на бедра, чтобы отвлечься, и большими пальцами провожу по мягкой линии живота. Врываюсь в нее снизу, все сильнее и сильнее, спинка кровати грохочет об стену, пружины матраса отчаянно скрипят, и Иви приоткрывает рот, закрыв глаза. Я не могу понять, какого черта мы ждали так долго, почему позволили случившемуся встать у нас на пути, ведь с *этим* — бля — ничто не сможет сравниться.

Выписывая бедрами круги, она ругается и, опустив руку вниз, уверенными движениями скользит пальцами.

— Убить меня хочешь? — шепотом говорю я и чувствую, как от вида ее еще сильнее затвердевших сосков рот наполняется слюной.

В ответ она резко охает, и этот звук теряется в череде моих, когда она обрушивается бедрами сильнее и резче, принимая меня еще глубже. Все, на что я сейчас способен, — это смотреть и кивать в такт ее движениям, чувствуя, как напрягаются мышцы моего живота и нарастает напряжение.

Пряди волос прилипли к ее влажному лбу и груди, и по ее бешеному темпу и рваному ритму я понимаю, что она уже близко,

— Уже? — положив свои пальцы поверх ее, спрашиваю я.

— Это... — начинает отвечать она, как вдруг в дверь раздается грохот, сопровождаемый царапаньем когтей.

Мы смотрим друг на друга и замираем.

— Господи, неужели я забыла запереть вчера дверь? — шепотом говорит Иви. — Горничная...

Но это не горничная, это в миллион раз хуже, потому что после еще одного стука и еще одного царапанья из коридора доносится голос Брэда.

Брэд, наш босс, стоит по ту сторону двери.

— Иви? — зовет он и снова стучит.

Никогда в жизни я не двигался настолько быстро. Руки-ноги мелькают, подушки и простыни летят в разные стороны. Иви буквально впрыгивает в спортивные штаны и со скоростью света надевает футболку. А меня, голого, с надетым презервативом и каменным *стояком*, она запикивает в шкаф.

— Секунду! — кричит она в ответ, а потом шепотом добавляет уже мне: — Сейчас его прогоню. Стой здесь и не шевелись, — ее лицо разгоряченное, щеки пылают, на коже блестит пот. Он стопроцентно догадается, чем она занималась.

Поднимаю руку, чтобы выразить протест, но она закрывает меня здесь. *Черт.*

Кроме узкой полоски света между дверцами, мне ничего не видно и, мягко говоря, немного страшновато, но поскольку я оптимист, то в меньшей степени готов рассматривать ситуацию как «тут меня найдет Брэд, голого и с надетым презервативом» и в большей —

«тут просто мало кислорода, но переживу».

Говорят, что при потере одного способа восприятия остальные органы чувств начинают работать на полную мощность. Видимо, так и есть, потому что я не только особенно остро слышу запах духов Иви, которые она сейчас немного распылила в номере — хорошая идея, кстати — но и звук ее шагов, когда она идет к двери, щелканье замка, и практически ощущаю момент, когда в номере появляется Брэд — в полутора метров от места, где я прячусь.

— Привет, Брэд, — откашлявшись, говорит Иви. — Извини, я одевалась. Сей... — она делает паузу, наверное, смотрит на часы и, уверен, улыбается ему своей блестящей пассивно-агрессивной улыбкой. — Ого, еще семи нет. Слушаю тебя.

Раздается звук какой-то возни, а потом Брэд кричит:

— Медведь! А ну ко мне.

— Ты взял сюда пса? — спрашивает Иви, а я сдерживаю стон. У Брэда есть дог размером с жеребенка, и если вырвется от него, могу себе представить, что он тут найдет. Например, меня. Мысленно уже рисую картинку, как он выламывает хлипкие дверцы шкафа и вытаскивает мою голую задницу на свет божий.

— Вчера вечером его привезла Максин. *Медведь!* — снова кричит Брэд, но окрик кажется совершенно бесполезным. — Он никому не мешает, — уже тише говорит он Иви. — Просто понюхает тут все. Я хотел спросить тебя про сегодняшнее расписание. Что у нас по плану?

Смутно слышу, как Иви рапортует ему о наших планах, и уже начинаю приходить в бешенство от того, как он с ней разговаривает, но тут возникает более насущная проблема. Медведь решил, что шкаф доверия явно не заслуживает, и в узкой полоске света показался его шумно втягивающий воздух нос и темный глаз.

Силой мысли пытаюсь отогнать Медведя прочь, но его внимание привлекает что-то более интересное, и он отбегает. Без тяжелого и шумного дыхания собаки мне снова становится слышен разговор.

— Кажется, я не совсем понимаю, почему ты спрашиваешь об этом именно у меня, — говорит Иви. — Расписание составил организатор мероприятий; мы же его просто одобрили и выбрали стейк вместо рыбы. И если честно... — пауза. — Брэд, что он делает? Он сунул морду в мусорку.

— Медведь, а ну марш оттуда! — хлопнув в ладоши, кричит Брэд. — Ты что это там ешь? — по позвякиванию пряжки на ошейнике я делаю предположение, что пес возвращается к Брэду, и тот продолжает: — Еще я хотел поговорить с тобой по поводу твоей помощницы.

— Джесс?

— Зачем ты сказала ей написать Кайли о поставщиках? У Кайли нет времени на решение таких вопросов, и у тебя, откровенно говоря, тоже.

— Я просто хотела, чтобы она перепроверила...

— Ты, наверное, забыла, что тренер тут я, и задаю игру тоже я. Отправь все счета-фактуры вместе с квитанциями Кайли, куда они и должны быть изначально перенаправлены. Я назначил тебя ответственной за это мероприятие, так что о нем тебе и следует волноваться. Не...

— И Картера, — перебивает она, а я перестаю дышать. Да уж, есть проблемы и посерьезней медленно спадающей эрекции. — Ты назначил ответственными меня и

Картера. Но до сих пор спрос только с меня. И ты же ведь понимаешь, что все это не входит в мои обязанности?

Повисает длинная пауза, в течение которой я боюсь двигаться и моргать и переживаю, что стук моего сердца слышен за пределами шкафа.

— Иви, разве ты не слышала, что я вчера говорил? — холодно интересуется Брэд. — Насчет совместной работы? И того, что мы приехали сюда как единая команда?

— Я слышала каждое слово.

— Тогда, может быть, ты дашь себе минутку обдумать, что это означает? Возможностей на провал у тебя больше не осталось.

— А какие у меня вообще *были* провалы? — теряя терпение, спрашивает Иви. — «Знаменательный день» был два года назад, и там было еще человек пятнадцать продюсеров, попавших на деньги. А в этом году я принесла больше прибыли, чем любой другой агент — как женского, так и мужского пола.

— Используешь пол в качестве оправдания? Понятно, — говорит Брэд. — Ты знаешь, как я к этому отношусь.

Какое-то время он многозначительно молчит, после чего я слышу щелчок пальцами, топот ног бегущей собаки, звук закрываемой двери и замка.

Иви распахивает дверцы шкафа, и свежий прохладный воздух ударяет мне в лицо.

— Слава богу, — прижав ладонь к груди, чтобы успокоить колотящееся сердце, говорю я. — Какого черта тут было? У него все дома?

Крепко стиснув челюсти, она смотрит в сторону закрытой двери.

— Знаешь, что я тебе скажу? На какой-то момент я отключилась и представила, как выталкиваю его с балкона. Так, легкий тычок в спину, и он подпрыгнул бы потом теннисным мячиком.

— Ого, — говорю я. — Уж и не знаю, как это меня характеризует, но я вполне на твоей злой стороне.

— Он просто отвратителен, — шипит она, — хуже просто некуда, — подойдя к кровати, Иви хватает подушку и швыряет ее в стену. — К счастью для нас обоих, мы стояли далеко. Во мне слишком много чувства вины, чтобы стать хорошим убийцей.

— Вообще-то, чисто технически его убила бы сила гравитации, так что тебе нужно просто оказаться достаточно хорошим толкателем.

Иви швыряет еще одну подушку.

— Почему он появился ко мне в номер? Интересно, пришел ли сначала к тебе?

Я вздыхаю.

— Думаю, мы оба знаем ответ на этот вопрос. Иви, я ни за что бы не смолчал, если бы был одет и...

Я показываю на уже успевший высохнуть, но по-прежнему надетый презерватив.

Она сочувственно морщится, и я ухожу в ванную привести себя в порядок.

— И, конечно же, он позволил своему теленку разнести весь номер, — говорит она мне из спальни Иви. — А потом хо... — сделав паузу, Иви с ужасом добавляет: — *Боже мой.*

Выглянув из-за двери, я вижу, как Иви ошалело таращится на что-то на полу.

— Что случилось?

Она смотрит на меня.

— Сколько раз мы занимались сексом?

— Ага, вот, значит, оно, — радостно улыбаясь, говорю я. — Только что сообразила, что

спала с врагом?

— Нет, — отвечает Иви и показывает вниз. — Медведь сильно заинтересовался мусоркой. И я пытаюсь понять, сколько презервативов он сожрал.

Мы теперь собакоубийцы?

Ну, то есть... так-то я уверен, что нет. Я погуглил и понял, что если Морган однажды проглотила сувенирный пенни диаметром с ее горло, и монетка преспокойно вышла с другого конца, то и с Медведем все будет в порядке.

Наверное.

Иви была настроена чуть менее позитивно и убедила меня очистить историю в браузере, чтобы если все в итоге пойдет наперекосяк, против нас не было бы никаких улик. До нашего первого командообразующего тренинга еще есть немного времени, поэтому я иду к себе, принимаю душ и достаю ноутбук проверить почту. Одно письмо пришло от креативного директора Vanity Fair по поводу фотосессии, и поначалу мне было страшновато его открывать.

Как оказалось, беспокоиться не о чем, поскольку несмотря на звездные замашки Джонны и наше с Иви сумасшествие в темной микшерной, результат оказался великолепным. Фотографии получились настолько блестящими, что они пригласили Джону на следующую съемку. Большую часть мой брат тот еще долбоеб, но долбоеб талантливый.

Хотя еще раннее утро, я все равно ему звоню. После четвертого гудка он берет трубку. По звуку недалеко работающей газонокосилки я делаю вывод, что он не спит и не дома.

Хороший знак.

— Слушай, — с неподдельным восторгом говорю я. — Ты на почту заходил? Пришли пробные снимки от Vanity Fair, и они офигенные. И еще они хотят тебя еще на одну съемку.

Мне отвечает только тишина. Я даже убираю телефон от уха, чтобы проверить, не прервался ли звонок.

— Ты меня слышишь, Джонас? Они тебя хотят.

— Я видел, — отвечает он и снова молчит.

— Видел? И это все? Чувак, но ведь именно этого мы и хотели. Чего и ты хотел. Работу. И продолжать жить той жизнью, к которой уже привык.

— Просто я не уверен, что хотел именно этого, — говорит он. — Делать снимки для модных журналов.

Глубоко дыша, я невидяще смотрю в стену моего номера.

— Но разве не так ты снова сможешь платить по счетам?

— Да, но... На днях я заходил в галерею, которой управляет друг одного друга, и там у него висят неплохие работы. Никакой моды и прочего. Абстракция, портреты.

— То есть ты хочешь вернуться к тем фото, которые делал еще в школе? — озадаченно спрашиваю я. Разве не за славой Джона заявился в Голливуд? Мне кажется, что участие в небольших выставках — это шаг вниз по лестнице, которую он для себя выбрал.

— Помнишь тот снимок, который принес мне стипендию? — спрашивает Джона, и я знаю, о котором он говорит, потому что тот до сих пор висит в доме наших родителей.

— Линии электропередач, — отвечаю я. — Ты что-то такое хочешь снимать?

— Может, немного и того, и другого. Например, сделать несколько фотосетов, чтобы нормально платить по счетам, но не больше, а потом поснимать для выставки.

Я откидываюсь на спинку кресла. Это самое анти-лос-анджелесское, что сказал мой брат, с тех пор как ему исполнилось восемнадцать.

— Что скажешь? — настойчиво спрашивает он.

Сообразив, что ничего ему не ответил, я отвлекаюсь от собственных мыслей.

— Да, Джона. Если считаешь, что это принесет тебе радость, тогда тебе именно туда. А если при этом сможешь работать в обоих направлениях и зарабатывать деньги, то это еще лучше. И хочу сказать, что у тебя есть тот самый вариант с Vanity Fair.

— Ага.

— Ты справишься, — раздается клик, и я смотрю на экран. Это Калев, менеджер Дэна. — Послушай, Джона, у меня звонок на второй линии, и он очень важный. Давай я тебе перезвоню?

— Да не парься, — я думаю, он сейчас отключится, но тут заговаривает снова: — Кстати, Картер... — он делает паузу. — Спасибо.

И вешает трубку.

У меня нет времени обдумать внезапно появившуюся ранимость у моего братца-мудозвона, поэтому я переключаюсь на звонок и, встав, начинаю вышагивать взад-вперед.

— Привет, Калев.

— Привет, — отвечает он. — Со мной рядом Дэн. Тебе сейчас удобно разговаривать?

— Абсолютно.

Раздается шуршание, когда телефон передают из рук в руки, и говорит Дэн.

— Картер, наконец-то мы можем пообщаться.

— Дэн, как дела, мужик?

— Хорошо. Только что закончил читать кошмарный сценарий, — он смеется. — Вообще-то, они все кошмарные, если честно.

Кажется, последний фильм, в котором я видел Дэна, — это мощный экшн, действие которого разворачиваются на севшем на мель танкере. А перед этим он играл копа, пытавшегося поймать банду наркоторговцев. Так что сценарии, которые к нему приходят, — скорее всего, точные копии сюжетов, с которыми он уже работал. Делаю себе пометку уточнить этот вопрос.

— А что именно ты ищешь? — мысленно листая пачку отличных сценариев, которые мне недавно прислал Брэд, спрашиваю я.

— Что именно ищу? Агента, который увидит, кто я и кем могу стать. Джаред Лето получил «Оскара» за «Далласский клуб покупателей», но при этом играл и Джокера.

— А еще он рок-звезда, — добавляю я, и Дэн смеется в ответ. — Неплохой комплект, а?

— Вот и я про то же, — согласно замечает он. — Никто не говорит ему, что он не потянет Джокера. Он просто делает что хочет.

— Еще у него талант, — гну свою линию я.

— Думаешь, у меня нет?

— Если бы я так думал, мы бы сейчас не вели этот разговор, — отвечаю я. — По крайней мере, если речь идет про актерский талант. Потому что, скажу тебе откровенно, Дэн, рок-звезда из тебя паршивая.

Он снова смеется.

— Именно это мне и нужно. Агент, который даст мне не только то, что мне нужно, но и что я хочу. А так же который оттащит меня от провальных проектов.

— Но поцелуев в задницу ты от меня точно не дождешься, — заявляю я. — Мне платят

не за это.

— Значит, думаешь, ты тот парень?

— Стопроцентно тот. Ты способен на блестящую карьеру, а не на пару ролей.

— Тогда давай это и устроим, — говорит он. — Мне нужно вернуться на съемочную площадку, но с Калемом можно обговорить все детали. Давай делать хорошее кино!

— И возьмем пару наград, — добавляю я и слышу его приглушенное «О да», после чего Дэн передает трубку Калему.

Я заканчиваю звонок и понимаю, что на это совершенно не рассчитывал.

Впереди бумажные дела, но я — новый агент Дэна Принтса.

Я.

Запустив руки в волосы, я шагами меряю комнату, после чего возвращаюсь к телефону, чтобы набрать Иви и поведать о хороших новостях, но останавливаю себя и бросаю его на кровать.

Нет, сегодня нельзя ей об этом говорить. Она думает, что Брэд хочет ее выгнать, и, послушав их небольшую перепалку этим утром, я согласен. Я не только стащил Дэна у нее из-под носа, но еще и имею доступ к пачке отличнейших сценариев, Иви к которым не подпустят.

Снова взяв телефон, я чувствую его тяжесть в руке и размышляю, существует ли какой-нибудь двадцатичетырехчасовой период отсрочки, прежде чем я нанесу, возможно, сокрушительный удар по карьере своей девушки.

Открыв календарь, я отправляю сообщение Джастину, чтобы он придерживал свободным один час во вторник — после того как я обговорю все детали с Дэном. Спешить тут некуда. Пусть сейчас закончатся выходные, мы вернемся в Лос-Анджелес, а уже потом я поговорю с Иви.

У тимбилдинговых мероприятий существует только одна цель: заставить группу взрослых и умеренно успешных людей во имя прочных корпоративных связей вести себя по-идиотски двое суток к ряду. Эти выходные — не исключение.

Не то чтобы все эти игры глупы сами по себе — на самом деле, они забавные — просто их трудно сопоставить с реальной жизнью. Ну, например, как умение сразиться с зомби в конференц-зале поможет мне спокойно и рационально сказать коллеге, что тот съел мой ланч и я расстроен?

Очень в тему, первая игра называлась «Побег зомби». Несколько «зомби» сидели связанными в центре комнаты. Остальные члены команды должны решить головоломки, после чего зомби будут освобождены. Лучшим моментом в этой игре оказалось решение команды Иви пожертвовать Эштоном ради дополнительных трех минут.

Наш организатор Либби дала нам понять, что игра все-таки имеет некоторое отношение к реальной жизни. Но, вообще-то, лично я и в жизни сделал бы ровно то же самое, потому что Эштон сволочь.

Следующий конкурс носил название «Офисная викторина». Разделившись на новые команды, мы зарабатывали очки правильными ответами на вопросы. Вопросы сначала были легкими, просто чтобы проверить нашу наблюдательность. Например, на каком этаже находится общий туалет? Или какого цвета диван в кабинете Иви?

Видите? Все просто.

Но когда упражнение превратилось в игру «Карты против всех» и на вопросы типа «Что лучше всего подходит под следующее описание: «Час удовольствий, идеально во время обеденного перерыва?» все громко кричали: «Роуз!» — стало понятно, что пора закругляться.

Кстати, правильный ответ был «Офисная йога».

Было трудно удержаться и не смотреть все это время на Иви. И время от времени я придумывал причины подойти к ней и ее команде, чтобы прикоснуться. К моменту окончания обеда и общему сбору для прогулки, если посыпать дактилоскопическим порошком каждый их моих отпечатков пальцев на теле Иви, она будет выглядеть напудренным пончиком.

На улице чуть выше нуля, и, как типичные калифорнийцы, покупающие зимнюю одежду специально для подобных поездок, мы отправились гулять.

Догнав свою девушку — *свою девушку!* — я тяну ее за руку, чтобы отстать от остальных.

Щеки Иви такие розовые от холода, и я иду рядом с ней как можно ближе, чтобы при этом не выглядело подозрительно.

— Ты что это задумал? — широко улыбаясь, спрашивает она, когда дистанция между нами и остальными увеличилась.

Вынув руку из кармана, я своим мизинцем хватаюсь за ее.

— Просто хотел подержать тебя за руку.

— Ты такой щеночек, — отвечает она, но все равно сжимает мой мизинец.

Кстати о щеночках... Медведь носится повсюду, лавируя между людьми, пока мы идем вдоль берега озера. И вдруг он осторожно ступает на мелководье и приседает на корточки.

— О господи, — бормочу я и слегка пихаю локтем Иви.

Проследив за моим взглядом, она тихо охает.

Его задние лапы дрожат, спина неуклюже сгорблена — как мне кажется, у Медведя какое-то кишечное расстройство.

— Медведь! — кричит Брэд, и все неловко отводят взгляд от испражняющейся собаки. — Какого черта ты там забыл? Вода ледяная!

Но Медведя и спецтехникой не оттащить. Он осторожно спускается чуть глубже, еще сильнее горбится, скулит и поглядывает на всех нас.

Иви смотрит на меня, а потом мы оба в ужасе на Брэда, который продолжает орать на пса, а тот продолжает... ну... тужиться. А все стоят у кромки воды и замороженно смотрят на происходящее, как на автомобильную аварию в замедленной съемке. И никто не может оторвать взгляд.

Выпустив руку Иви, и собираюсь подойти к остальным, готовый во всем сознаться и предложить срочно везти собаку к ветеринару, но тут проблема разрешилась сама собой. Выпрямившись, Медведь с радостным лаем прыгает в снег.

— Даже как-то разочаровывает, — замечает Кайли. — Я-то думала, мы сейчас полюбуемся на щеночков, или что-то в этом роде.

Головы каждого ошалело поворачиваются к ней, а Роуз восклицает:

— О боже, Брэд! Кажется, у Медведя глисты.

Все мы сразу же туда смотрим, поскольку, честно говоря... Ну, что еще в такой ситуации можно сделать? На поверхности воды плавают четыре бледно-желтые штуковины.

Повернувшись к Иви, я морщусь, и в этот момент кто-то говорит:

— Это что... *презервативы?*

Можно с уверенностью сказать, что я еще никогда не был так взволнован окончанием поездки. Корпоратив удался — даже более чем, если учесть две ночи и восемь презервативов (семь из которых были использованы в полной мере) — но сказать, что я ни на чем не мог сосредоточиться, было бы грандиозным преувеличением. Эти выходные были похоже на какое-то испытание, но если отбросить в сторону Презервативное Приключение, как мы договорились его называть, а так же размолвку Брэда с Иви у нее в номере, мероприятие имело оглушительный успех.

Утром в воскресенье, выпив последнюю чашку кофе и уже собрав вещи, все ждали машины, которые отвезут нас назад. В камине бушует огонь, чемоданы выстроены в аккуратный ряд недалеко от входной двери, а я считаю минуты до возможности оказаться с Иви наедине. Хочу рассказать ей про Дэна, но еще и обсудить произошедшее между нами, плюс разработать план, как нам теперь быть с Брэдом.

Иви разговаривает по телефону с водителями, а я стою у камина и максимально незаметно — насколько это вообще в моих силах — наблюдаю за ней. Неподалеку в углу общаются Брэд с Кайли; я слышу обрывки их беседы, но не особенно обращаю на них внимания, потому что мысленно уже еду отсюда.

— Не знаю, — говорит Кайли. — Я четко проговорила, чтобы они все направили прямо к тебе, — Брэд на это кивает. — Как могло произойти недопонимание? Я же сказала им, Брэд.

— Я не сомневаюсь в том, что ты сказала, — говорит Брэд с несвойственной ему мягкостью в голосе, чем тут же привлекает мое внимание. — Видимо, у людей слишком много свободного времени и нечем больше заняться; я разберусь.

Я не знал, что пристально смотрю на них, пока Брэд не оборачивается и не сморит мне в глаза. *Черт.*

Он отсылает Кайли все напоследок перепроверить и подходит ко мне.

— Картер, — хмуро оглядывая остальных, говорит он. — В прошлом году тебя с нами не было, но как тебе мероприятие? Прошло успешно?

— Абсолютно, — отвечаю я ему. — Иви заслуживает вознаграждения.

Брэд прислоняется к камину, берет из вазочки мятную конфету и бросает ее в рот.

— Знаешь, тебе не стоит ее прикрывать, — говорит он. — Если она не справляется с возложенными на нее обязанностями, умалчивать об этом тебе не нужно, — он ободряюще сжимает мое плечо. — Я знаю, что она тебе нравится, Картер. Мне она тоже нравится. Иви замечательная девушка. Но в этом бизнесе у нее сложилась определенная репутация.

— Имеешь в виду «Знаменательный день».

— Да. И даже представлять не хочу, как что-нибудь поставит под угрозу твою карьеру. Особенно учитывая то, что на этой неделе я собирался обсудить с тобой продление контракта.

Выпрямившись, я делаю шаг назад.

— Брэд, при всем моем уважении, это как раз Иви...

Меня перебивают раздавшиеся радостные возгласы и аплодисменты. Машины прибыли, и улыбающаяся Иви направляется прямо к нам.

— Пора ехать, — ее улыбка меркнет, когда она смотрит на нас. — У вас все в порядке?

Брэд нацепляет свою поганую улыбочку.

— Мы тут как раз обсуждали корпоратив.

— Да? Думаю, он удался, — она с гордостью и так мило улыбается.

— Мероприятие получилось просто потрясающее, — говорю я. — Я говорил Брэду, что хотя мы оба были за него ответственными, ты меня невероятно впечатлила: мастерски провела его, и это при всей твоей загруженности.

Ее лицо озаряет радость.

— Спасибо.

Она смотрит на Брэда в ожидании, что тот присоединится к похвале. Но, конечно же, этого не происходит.

— Похоже, нам пора выдвигаться, — безо всяких эмоций говорит он. — Увидимся с вами обоими завтра утром. Приятно провести остаток дня.

Глядя на осунувшееся лицо Иви, я понимаю, что ее страхи сейчас подтвердились. Брэд почему-то надеялся на ее провал.

И мне в голову приходит мысль, что проблема не в том, что Иви женщина, и не в любой другой форме нетерпимости.

Нет, частично, проблема именно в этом. Иви не спятила, и двойные стандарты действительно существуют. Но ведь Брэд не старается избавиться от всех женщин в компании, даже если обращается с ними как с дерьмом. Так что причина его недовольства не в этом.

Нет-нет. У Иви на Брэда что-то есть.

И когда я смотрю на нее, у меня возникает вопрос, знает ли она сама, что именно.

— глава двадцать третья —

Иви

Я всегда считала себя интуитивным человеком, но сейчас даже новорожденный заметит напряженность в наших с Брэдом отношениях. Летучка в понедельник прошла без единого упоминания о корпоративе. Брэд даже не узнал меня в коридоре. А милая улыбка Кайли, говорящая *«Ты мне по-прежнему нравишься»*, красноречивей любого гробового молчания. Нет ничего необычного в том, чтобы с кем-то иметь напряженные отношения на работе — тем более с начальством — но учитывая, что я сделала все, о чем меня просили, его поведение вызывает недоумение.

Как бы я ни любила работать агентом и как бы ни радовалась ресурсам «П&Д» в своем распоряжении, становится все сложнее не обращать внимание на творящуюся херню.

Мы с Картером занимались сексом всю ночь пятницы, ночь и утро субботы и, конечно же, остаток воскресенья у меня дома. И кажется, сейчас ни о чем другом я просто не в состоянии думать. Чувствовать себя с трудом стоящей на ногах от потрясающего секса куда лучше, чем переживать о работе, и у меня сейчас мультяшные звездочки, только не вокруг головы и не от удара наковальней, а вокруг вагины — пораженной магическим пенисом Картера.

Во вторник утром Роуз объявляет, что уходит из бизнеса и возвращается в Айову, где откроет книжный магазин. Уверена, реакция большинства — это внутреннее протяжно-

недоверчивое «Хорошо-о-о». Потому что даже несмотря на такой крутой поворот в карьере, никто не знал, что Роуз читает книги. И никто ее за этим занятием не видел.

Роуз объявляет это посреди широкого холла, где сидят шестнадцать ассистентов и стажеры. Новость сопровождается ахами и охами — стажеры любят Роуз за ее готовность делиться грязными историями.

Она прижимает подрагивающую руку к груди.

— Спасибо вам, — говорит она. — Мне тоже больно. И я буду очень сильно скучать по вам, ребята.

Кожей чувствую внимание Картера, стоящего в другом конце коридора. Встретившись взглядами, мы стараемся не расплыться в широченных улыбках.

В Лос-Анджелесе стало на одного агента меньше.

И это означает, что Брэд может оставить нас обоих.

Я отвожу взгляд, когда в руке вибрирует мой телефон. Звонит продюсер из Sony. Приняв звонок, я быстро иду в свой кабинет.

— Иви, — раздается голос. — Это Фрэнк Нельсон.

— Фрэнк, рада тебя слышать.

— Слушай, я иду на встречу, поэтому постараюсь быстро. У меня есть сценарий, который хотелось бы, чтобы рассмотрел Трент Ван. Это крупный фильм, который продюсирует Майкл Бэй, и на который уже подписала контракт Кира Найтли. Тренту готовы предложить главную роль, если он заинтересован.

Мое сердце даже не пустилось в галоп, нет, оно с каждым ударом просто поглотило самого себя, как черная дыра.

— С удовольствием взгляну, — говорю я так спокойно, как только могу. — Отправь мне вместе со сценарием все детали, и будем решать.

— Отлично.

Звонок завершается. Вот так. Просто. Быстро. Своевременно.

И переворачивающе жизнь.

— Входите, — говорит Брэд с той стороны тяжелой дубовой двери.

Толкнув все еще дрожащей рукой дверь, я захожу. Он смотрит на меня не мигая.

— Иви?

— У меня потрясающие новости, — говорю я ему.

Он предлагает мне продолжать, сняв очки и сложив руки на столе.

— Только что звонил Фрэнк Нельсон и предложил Тренту главную роль в новом фильме Бэя.

Брэд реагирует на это слегка поднятыми бровью и уголком рта. Еще полгода назад он встал бы из-за стола и обнял меня.

А сейчас все, чем я могу довольствоваться, — это его прохладное:

— Неплохо. Неплохо.

— И уже прислал сценарий вместе с предложением.

Брэд кивает, и на его губах мелькает тень улыбки.

— Это хорошо, — резко выдохнув, он откидывается в кресле и изучающе смотрит на меня. — Ты уже сказала Картеру?

Шестеренки в моем мозгу останавливаются, и я знаю, что сейчас мое лицо начисто

лишено эмоций. Интуиция велит мне действовать с осторожностью. Он спрашивает об этом, поскольку знает, что я сплю с Картером? Или потому что Трент скоро перейдет к Картеру, а мне пора паковать вещички?

— Я пришла сначала сказать тебе, — отвечаю я. — А с ним поделюсь, как только увижу.

Брэд улыбается.

— Картер тоже вовсю ищет себе крупные сделки. Он тебе не говорил? В субботу он ударил по рукам с Дэном Принтсом.

Я Алиса, попавшая в Зазеркалье. Я Луиза, пустившая машину с обрыва.

— Он договорился с Дэном?

Договорился?

С Дэном?

Но почему мне ничего не сказал? Ведь я *хотела*, чтобы он его заполучил!

Мое лицо горит... Господи, я, наверное, ярко-красная. Надо срочно убираться отсюда.

Брэд надевает очки, и его улыбка на этот раз искренняя.

— Или поздравь его. Он заполучил нам крупного клиента.

У меня есть на это семь тысяч реакций, и все они одновременно проходят сквозь мое тело. Недоумение, удивление, злость, печаль, беспокойство, чувство вины, радость — и еще несколько тысяч других. И ощущаю я каждую.

Запершись в кабинке туалета, я сажусь и обхватываю руками голову.

Думай, Иви.

Все взвесь и проанализируй.

Почему он мне не сказал?

Я знаю, почему. Ситуация крайне сложная, и всего пару дней назад наши отношения из вражеских превратились в сексуальные.

Или Картер действительно интриган? А я настолько погрузилась в эмоции, что не заметила, как он собирается с силами, чтобы отобрать мою работу? Мой мозг верещит пожарной сиреной, и я прижимаю кулаки в вискам.

Я знаю, что автоматически повсюду вижу сексистское дерьмо. Грустная правда в том, что в большинстве случаев я давно оказываюсь права. Но это же *Картер*. И я видела все его стороны — и лучшие, и худшие. Я ведь его *знаю*. Или нет?

Зажмурившись, я организую внутренние дебаты.

Сказала бы я на него месте? Возможно. Но, скорее всего, нет. Мне бы сначала захотелось подписать контракт. Я бы захотела убедиться, что Дэн Принтс мой, потому что не имеет значения, в скольких фильмах Майкла Бэя снимется Трент. Дэн Принтс — будущее. Он следующий Брэд Питт, следующий Джордж Клуни. Он не маленькая звездочка. Он солнце.

Как это может повлиять на меня?

С учетом уволившейся Роуз, кто знает. Но, возможно, я теперь номер два после одного золотого мальчика, а этот золотой мальчик — мой парень. Как мне такой расклад?

Выйдя из кабинки раздумий, я обнаруживаю, что Картера в офисе нет, и принимаюсь

мерять шагами свой кабинет, отвечая на письма в моменты умственного просветления. На часах всего полдень, у меня список задач длиной в пару километров, но я не могу вспомнить оттуда ни единого пункта.

Звоню Джесс, прошу ее перетасовать мой чудовищный список для обзвона и из последних сил фокусируюсь на нем. Работа меня заземляет. Она как заточка ножа или обрезка кустов. Как только я посылаю мяч на другое поле, все всегда становится упорядоченным.

В дверях появляется Джесс.

— Ты успела посмотреть на те счета-фактуры?

Я морщусь.

— Черт! Как раз сегодня планировала. Спасибо, что напом...

Туфли Картера скрипнули по мраморному полу, когда он вышел из лифта. Подскочив с кресла, я бегу ему навстречу, а Джесс со смехом идет за мной.

Подбежав, я хватаю его за руки.

— Картер.

— Привет, безумица, — говорит он и смеется. Но потом его лицо становится бесстрастным — словно он понял, что я знаю, — и, дернув подбородком, он показывает в сторону его кабинета.

— Иви... — закрыв за собой дверь, начинает он.

— Я недавно разговаривала с Брэдом, — запыхавшись, говорю я. — Тренту предложили роль в будущем фильме Бэя, а Брэд мне сказал про Дэна, и...

— Я собирался тебе рассказать, — торопливо говорит он, и от отчаяния в его взгляде мое сердце сжимается. — Я как раз вернулся с обеденной встречи с ним и шел...

— Я не сержусь, — тихим голосом перебиваю его я. — Вернее, уже нет. Уже успокоилась.

Картер тяжело плюхается в кресло.

— Я знаю, что ты упорно добивался его, — напоминаю я. — И хочу быть откровенной: я написала Дэйву из Hollywood Vine, чтобы он связался с тобой.

Он хмурится и тяжело сглатывает.

— Правда? Когда?

— На тот момент ты работал у нас вторую неделю, — пожимаю плечами я. — Дэйв решил, что Дэн отправится в мой клиентский список. А я перенаправила его к тебе.

Картер ошарашенно качает головой.

— Тебе не нужно было это делать.

— Только-только произошло слияние, которое нанесло тебе мощный удар. Конечно же, я хотела выиграть, но нормальные условия конкуренции я предпочитаю куда больше. Или, может, просто недооценила твою опасность. Не знаю. Но я рада, что у тебя есть Дэн. Думаю вы сработаетесь. Я не злюсь на тебя, что ты мне не сказал. Правда.

Он кажется запутавшимся.

— Поверить не могу, что ты это сделала, — спустя несколько секунд тихо говорит Картер.

Я смеюсь в ответ, и это застает его врасплох, поскольку смех у меня никогда не бывает мягким. Мой гогот всегда громкий и демонический.

— Как я уже сказала, мне хотелось одолеть тебя в честной борьбе.

В ответ на мою уверенность, что я в принципе его одолею, он дразняще вскидывает

бровь. Мой пульс ускоряется, и тут я понимаю, что Дэрил была права. Мне *нравится* состязаться с ним. Ну надо же, какая неожиданность. Но — боже мой — мы наконец-то начали все проговаривать. Как взрослые люди. *Лично*.

— И потом, ты мне нравишься, глупый.

Картер кладет руки мне на бедра и притягивает к себе, чтобы я встала между его раздвинутыми ногами.

— Всего лишь нравлюсь?

— Возможно, больше.

С низким стоном он целует сквозь ткань платья мой живот, потом спускается ниже.

— А как мне теперь заполучить *тебя*?

— Продолжай в том же духе, — он целует снова, будто извиняясь, скользит руками мне по заднице и по внутренней стороне бедер — его руки все *помнят*. Запустив пальцы ему в волосы и запрокинув голову, я закрываю глаза.

Мне плевать на этот офис. Плевать на это агентство.

Мне важны мои клиенты. И этот мужчина.

— Дэн еще не подписал контракт, но на словах мы договорились. Он хочет работать со мной, — Картер медлит, а потом продолжает: — Он хочет, чтобы я был не только агентом, но и менеджером. Сама понимаешь, по закону и то, и другое я делать не могу. А Калев рвется в Нью-Йорк. Так что мне нужно сообразить, как совместить обе роли.

Я киваю, но он не видит. И мое молчание, кажется, его не смущает. Крепко обняв меня, Картер прижимается лицом к моему бедру. Но потом, словно вспомнив о чем-то, он отодвигается и поднимает голову.

— Если ты не злилась, то почему выглядела такой дерганой, когда я пришел?

Я пытаюсь улыбнуться, но моя улыбка получается кривоватой, поэтому я сдаюсь и лишь пожимаю плечами.

— Просто поняла, что долго тут не задержусь.

Какое-то время он молчит и изучающе вглядывается в мое лицо.

— С Брэдом что-то происходит. У тебя с ним, я имею в виду.

Я смеюсь.

— Да неужели?

— Нет, я серьезно, — Картер садится ровнее и смотрит на дверь, будто убедиться, что та плотно закрыта. — Я все выходные об этом думал. Он точит на тебя зуб. Но почему?

На этот вопрос может быть миллион ответов. И все мне неизвестны. Я пожимаю плечами.

— У тебя что-то на него есть? — спрашивает он.

— По мелочи я много всякого знаю, — отвечаю я. — Но это не что-то большое и важное. Поделиться мне нечем и некому.

— И он это знает, — Картер наклоняется и проводит рукой по лицу. — Но все равно бессмыслица какая-то.

Поскольку совершенно очевидно, что Картер самый лучший бойфренд на свете, на ужин он ведет меня позавтракать. Заказав огромные стопки блинчиков в Griddle Cafe, мы болтаем обо всем на свете, прерываясь на состоящие сплошь из смайликов смс с Майком и Стеф. Отправили им селфи: я скосила глаза и надула щеки, а Картер смачно целует меня в щеку.

Он подписал его «Познакомьтесь с моей девушкой Злючкой» и отправил в групповой чат.

Полагаю, это означает, что мы все-таки пара и убийство друг друга больше не замышляем.

Мы говорим о наших семьях, потому что встреча с ними не за горами. И, возможно, наши родственники тоже познакомятся друг с другом. Картер рассказывает, как однажды был помолвлен и как любил ту девушку, но то чувство не было настолько сокрушительным, чтобы отказаться от чего бы то ни было. Она хотела спокойной жизни, а Картер стремился к звездам. Мы обсуждаем, как была права Стеф и что я действительно искала изъяны в каждом мужчине, с которым встречалась — *слишком амбициозен; недостаточно амбициозен*, — и с каким облегчением заносила их в категорию «С кем не стоит встречаться». И, таким образом, дело якобы было в них, а не во мне. Я рассказываю о Дэрил и Амелии и о том, как много они для меня значат. Что с Дэрил я знакома всю жизнь и что Амелию люблю почти так же сильно.

— Они видели тебя начиная с пятницы? — с гордостью в голосе интересуется Картер. — Потому что если бы они увидели, как ты ходишь в последнее время... — он имитирует спотыкающуюся ходьбу двумя пальцами по столу. Хохотнув, я бросаю в него кусочек омлета.

Он поднимает его со своей тарелки и бросает в рот.

Я действительно люблю его.

— Прости, — быстро говорит он и, потянувшись через стол, берет меня за руку. — Я гадость сказал?

— Что? Нет.

— Тогда почему ты так выглядишь, будто тебя сейчас стошнит?

— Потому что я тебя люблю.

Картер радостно смеется.

— Да, отвратительно.

— Я просто... Не уходи, — неожиданно даже для самой себя говорю я.

— Куда не уходить?

— Никуда.

Поднявшись со стула, он облокачивается на стол и наклоняется ко мне. Его губы на вкус, как сироп, а улыбка знакомая и домашняя.

Лежащий под ним на столе телефон начинает подпрыгивать.

Картер улыбается мне, медленно садится и смотрит на экран. Подняв палец, чтобы я подождала секунду, он отвечает на звонок.

— Привет, Дэйв.

Всего за одно мгновение лицо Картера из цветущего превратилось в мертвенно-бледное.

— Что? Нет. Это не я. Совершенно точно.

Он слушает, мотая головой.

— Блядь, да нет. Я... Он еще не подписал документы, — кивая, он добавляет: — Договорились устно. И предполагалось, что ты и объявишь, как раз когда завершилась бы бумажная волокита.

Посмотрев на меня, он шепотом говорит:

— Открой Variety Now.

Чуть не выронив телефон, я захожу в интернет. Он медленно грузится, а когда сайт загружается, Картер, закончив разговаривать, берет у меня телефон, который я ему протягиваю.

Я успела прочесть заголовок.

И понятия не имею, что происходит, но Картер выглядит так, словно его вывернет съеденными блинчиками прямо на стол, и вовсе не потому, что я призналась ему в любви.

А потому что Variety объявили, что Картер теперь работает с Дэном Принтсом.

— В чем дело? — шепотом спрашиваю я.

Картер качает головой, читает и перечитывает статью, после чего отдает мне телефон с протяжным:

— Че-е-е-ерт.

Пробежав глазами статью, я чувствую, что мой желудок падает куда-то в тартарары.

Самый сексуальный мужчина по версии People покидает «Lorimas»

Дэн Принтс, снявшийся в фильме «Касается каждого», который в скором времени выйдет на экранах, и недавно признанный People самым сексуальным мужчиной, подписал контракт с агентом по поиску талантов Картером Аароном.

После кассового успеха фильма «Под каменистым небом», в котором исполнил роль мрачного киборга, спасающего семью от корпорации, уничтожающей детей-гениев, Принтс стал одним из самых популярных актеров. На сегодняшний день мировой сбор картины составляет \$750000.

Ранее интересы Принтса представлял Джоэл Майер в «Lorimas», запустивший его карьеру с дебютного участия в фильме «Грань» (кинокомпания Universal, режиссер Джордж Стэн). «Lorimas» сейчас ведет переговоры с Sony и Fox насчет съемок Принтса в нескольких крупнобюджетных фильмах, но, по словам представителя Принтса, будущие его работы переходят к Картеру Аарону и немедленно вступают в силу.

Переехавший из Нью-Йорка Аарон работает на недавно объединенное агентство «Прайс&Дики».

Я непонимающе таращусь на экран.

— Как это оказалось в Variety? — вопрос получился глупым, но теперь я понимаю, почему звонил Дэйв. Заявление должно было поступить от него. И взамен Дэйв прорекламирал бы Картера и саму эту новость в печатных изданиях Hollywood Vine.

— Понятия не имею! — его голос резкий и громкий. Картер достает кошелек, торопливо вытаскивает пару двадцаток и дрожащими руками бросает их на стол.

Когда он встает и идет к выходу, я торопливо следую за ним. Привлеченные нашим шумным уходом, несколько посетителей прекращают разговоры.

— Почему... — у меня в голове крутится слишком много вопросов. Почему новость вышла именно сейчас? Почему через Variety? И почему в статье так подчеркнуто упомянут Картер?

Ничто, в общем-то, не предвещало, но... Картер бы так не поступил, верно? Он ведь понимает.

И в курсе главного правила агентского мира.

— А в «Lorimas» знают? — спрашиваю я.

Картер пулей вылетает на улицу.

— Не думаю. Ведь Дэн не может нанять меня, пока официально не расстанется с Джоэлом. Но поскольку это случилось на прошлой неделе, у меня сложилось впечатление, что Джоэл держал Дэна подальше от руководства «Lorimas», чтобы тот передумал и остался. Джоэл мне совершенно не нравится, что это все равно не лучший способ им обо всем узнать. *Вашу мать*, — он ударяет кулаком в воздух. — *Блядь!*

Когда актеры покидают агентство, это вам не шуточки. И не пустяки. Особенно когда такие талантливые, как Дэн. Он принесет с собой миллионы долларов, и такой шаг повлияет не только на доходы агентства, но и на его репутацию. В этом заявлении плохо выглядит и «Lorimas», и «П&Д», поскольку представляет последних как нечистоплотных мудаков, укравших клиента. И эта информация не должна выходить на публику, пока мы бы не убедились, что «Lorimas» успели подготовить ответное заявление.

Еще более нечистоплотным мудаком теперь выглядит Картер, потому что в статье говорится только о нем, с минимальным упоминанием «П&Д». После прочитанного создается впечатление, что за всем этим стоит лично он, а не агентство.

Идя за ним, я решаю задать вопрос:

— Картер, почему...

Он резко разворачивается ко мне с пылающим лицом.

— Я нихуя не знаю, Иви, понимаешь? *Не знаю!*

Отпрянув на шаг, я прижимаю руку к груди.

— Ну, ладно. Господи...

Вмиг успокоившись, Картер опускает голову и притягивает меня к груди. Я все еще ошарашена и подхожу неохотно.

— Прости меня, — шепчет он, целуя меня в макушку. — Прости. Я не знаю. Ни хрена не понимаю, что происходит. Я договорился с Дэйвом, что новость будет эксклюзивной. Сегодня я виделся с Дэном, и мы пожали друг другу руки. Я сказал ему, что наше решение будет освещено в Hollywood Vine — он был в восторге, кстати — но контракт он еще в глаза не видел. И с Тедом Статски из Variety я вообще не разговаривал. Понятия не имею, откуда он узнал.

Взяв Картера за руку, я тащу его к своей машине.

— Поехали в офис и там все решим.

Когда мы поднимаемся на пятый этаж, на часах почти восемь вечера, но повсюду горит свет и по коридорам разносится злой голос Брэда.

Поблуднев, Картер бросает взгляд на меня, после чего направляется к нему в кабинет. Я иду следом и хотя отстаю всего на шаг, задерживаюсь в коридоре. В этой катастрофе я не задействована, но готова помочь и оказать Картеру поддержку как коллега.

Голос Брэда похож на раскаты грома.

— Какого хера, Аарон? Что за херня творится? Ты видел сраную статью в Variety?

— Я разговаривал с Дэйвом, — умудряясь говорить спокойно, отвечает Картер. — Я ничего не сливал. Информация поступила не от нас. Это какой-то внешний источник.

— Еще бы, мать твою! — орет Брэд. — Этой статьей ты взбесил всех! Твое чертово имя накалякано там повсюду! А «П&Д» нихуя не упомянуты! Ты вообще здесь работаешь? В моем отделе?

— Конечно, Брэд.

— А согласно статье, нет! Об агентстве написано в последней строчке. Но никто не читает поганую последнюю строчку!

Картер благоразумно не отвечает, что в «Lorimas» последнюю строчку обязательно прочитают.

— Сегодня вечером я должен был сопровождать жену на получение награды! — кричит Брэд. — Но вместо этого я *здесь* — пытаюсь осмыслить этот бедлам. Господи, Картер, все это чудовищная куча дерьма.

Знаю, что мне не стоит — *не стоит* — но я вхожу в кабинет, чувствуя, как мое сердце превращается в комок ярости.

— Это не Картер, Брэд. Вернувшись со встречи с Дэном, он был со мной.

— «Со встречи с Дэном»? — поворачивается к Картеру Брэд. — То есть он подписал контракт?

— Юристы его еще составляют, — говорит Картер, пытаясь его утихомирить. — Брэд, сейчас вторник. А решение он принял всего три дня назад — по телефону. Сегодня мы с ним обо всем договорились на словах и пожали друг другу руки. Я прекрасно знаю, что бежать в *Variety* — или куда-то еще — после всего лишь рукопожатия...

Картер останавливается, потому что Брэд его больше не слушает. Он пристально смотрит на меня, и по пронесшемуся по телу ледяному ознобу я догадываюсь, почему.

Сердце, легкие, живот — все тело пылает гневом.

— Ты что, *издеваешься*? — изо всех сил стараюсь сохранять спокойствие, спрашиваю я.

— Я рассказал тебе об этом *сегодня*, — сквозь зубы говорит он. — Я сегодня рассказал тебе про Дэна Принтса, Эбби, и что ты сделала? От своей зависти ты одним махом ударила по Дэйву, Дэну, Картеру и «П&Д»!

Будто получив пинок в живот, Картер отходит на шаг. А меня трясет. Руки сами собой сжимаются в кулаки, и усилием воли мне приходится их расслабить, иначе один из них метнется Брэду в лицо.

— Брэд, это совершенно невозмо... — начинает Картер.

— Тебе бы сделать глубокий вдох, Брэд, — перебиваю его я, и от обжигающей ярости мой голос еле слышен. — Информацию слил не Картер. И не я.

Высокомерно вздернув подбородок, Брэд усмехается.

— Это было низко даже для тебя.

А это что еще за херня?

Я разворачиваюсь и на дрожащих ногах иду к двери.

— Ты мощно спятил, Брэд. Иди домой. И пропись. А завтра утром я приму твои извинения.

— глава двадцать четвертая —

Картер

Выйдя из кабинета Брэда, Иви спокойно направляется в свой, исчезает из вида, а потом так с такой силой хлопает дверью, что фотографии на стенах подпрыгивают.

Постучав к ней, я заглядываю внутрь. Она поднимает до этого опущенную голову, а на ее щеках дорожки слез.

— Это же бред сивой кобылы какой-то, Картер.

Я вхожу и закрываю за собой дверь.

— Конечно. Это ужас просто. И совершенно нечестно.

Она прижимает основание ладоней к глазам.

— Чем мне тебе помочь? — спрашиваю я.

— Тебе и так есть что разгребать, — гнусавым от плача голосом говорит она. — А мне сейчас просто надо взять себя в руки, чтобы выйти отсюда, а потом поехать домой.

Я всегда считал, что мы с Иви — две дополняющие друг друга части одного целого,

единой команды. Но в этот момент понимаю, что во многом мы схожи. Поэтому естественно, что она хочет зализать раны без свидетелей.

— Позвони мне потом, ладно? — прошу я.

Иви кивает и вытирает лицо.

— А ты потом скажи, чем я могу помочь. Сейчас закончу с плачем и снова вернусь в строй.

— Я в тебе даже не сомневаюсь, — поцеловав ее в мокрую щеку, отвечаю я.

По дороге домой я делаю несколько звонков. Дэн не отвечает. Кaleb тоже. Отправив сообщением свой адрес Иви, я все хожу, хожу и хожу взад-вперед, до тех пор пока швейцар не пропускает ее наверх. Выйдя в прихожую, я вижу ее нагруженной пакетами с едой.

— Понятия не имею, зачем я притащила столько еды, — говорит она и протягивает мне пакет, откуда пахнет индийскими специями. Потом глубоко вздыхает. — Хотя нет. Я собираюсь все это слопать.

Поставив пакет на стол, я притягиваю ее к себе и целую в висок.

— Как ты себя чувствуешь? Получше?

Иви сильнее прижимается щекой к моей груди и обнимает за талию.

— Погано. А ты?

— Жду, когда перезвонит Дэн или Кaleb, — я упираюсь подбородком в ее макушку. — Хочешь обсудить произошедшее с Брэдом? — предлагаю я. — Или заесть стресс? Может, посмотреть кино? А как насчет беззаботного траха, как подростки, которым плевать на работу, квартплату или покупку продуктов?

Она поднимает голову и улыбается — и это первый раз с момента появления новости про статью в Variety.

— Обычно я по умолчанию обеими руками за поесть, но сейчас, когда под боком есть некто, с кем я могу заняться сексом, готова пересмотреть приоритеты.

Взяв ее за руку, я веду ее на кухню.

— Давай сначала немного поговорим, а потом поедим *во время секса*?

— Если еще при этом будет включен телевизор, я могу вообще никогда не покинуть эту квартиру, — она оглядывает меня, пока я достаю тарелки. — Уверен, что готов к таким прозаическим отношениям?

Иви раскладывает еду по тарелкам, а я достаю из холодильника две бутылки пива. Вспомнив, что она пиво не любит, наливаю ей стакан воды.

— Я еще не была у тебя дома, — она смотрит по сторонам. — Здесь намного аккуратнее, чем в твоем кабинете.

— Кажется, если исключить Майкла и Стеф, ты единственный человек, кто здесь побывал.

— Да ладно.

— Скажем так, в последнее время моя личная жизнь стала на порядок менее активной.

Сделав глубокий вдох, она улыбается, словно именно это и хотела услышать.

— Мне нравится.

— У меня свое парковочное место. О! И гранитная столешница, — постучав по ней костяшками, говорю я. — Кухонная техника из нержавеющей стали. Одна спальня. Новые полы. Шесть головок в душевой и просторная ванная. И я сейчас не хвастаюсь, а предупреждаю, что тебе придется взять на себя арендную плату, если я потеряю работу.

Иви хмурится и вяло гоняет еду по тарелке.

— Сомневаюсь, что тебе придется об этом беспокоиться. Брэд вряд ли забудет мой «Знаменательный день».

— Это я уже понял, — отвечаю я. — И этот провал кажется таким...

— Пустяковым? — спрашивает она.

— Ага. Ведь деньги потеряли не «П&Д». И свои комиссионные все заработали. Тогда почему Брэд так на этом заикнулся? Никак не могу понять.

— Наверное, у него есть что использовать против меня. Примерно так же рухнула карьера Марка Марша, когда из желания почувствовать свое превосходство Брэд каждый раз напоминал, что тот ему должен.

— Это какое-то хреновое чувство долга, — отвечаю я. — Все равно что вручить кому-нибудь каталог из самостоятельно вырезанных скидочных купонов и припоминать при случае.

Ее веселая улыбка говорит мне, что я спятил.

— Ничего общего.

— Но провалы случаются у всех и каждого. Со сколькими фильмами ты работала? Суммарно.

Иви глубоко вздыхает и смотрит в окно.

— Больше сотни, это точно.

— Так вот. Один из них должен провалиться чисто статистически.

— И что?

— И то, — говорю я и забираю себе ее недоеденную самосу. — Поэтому я и думаю, что у Брэда есть на тебя что-то еще. Что-то тут не складывается.

— Понятия не имею, что это может быть, — беспомощно пожав плечами. — Про «Знаменательный день» он талдычит постоянно, — вытерев рот салфеткой, она отодвигает свою тарелку. — В общем, неважно. Все, что ему нужно, — это просто упомянуть, что я имею отношение к утечке информации в Variety. И на работу меня больше никто не возьмет.

— Но в статье о тебе даже не говорится, — возражаю я.

— А это не имеет значения. Там есть твое имя, но Дэйв обратился сначала ко мне, а я отправила его к тебе. Все знают, что мы с Дэйвом давно знакомы. Как бы то ни было, все выглядит таким образом, будто у меня есть скрытый мотив, — она прижимает ладони к глазам. — Господи, ну что за жест. А ты, кстати, выглядишь предателем. Просто нереально.

— Да, — притягивая ее к себе, говорю я. — Но до сих пор понять не могу, кто же все-таки слил новость Variety. Я рассказал только Брэду.

— В окружении Дэна полно идиотов, — отвечает Иви. — Его менеджер пареня хороший, но остальная свита состоит из паразитов экстра-класса. С них станется волочиться за каждой юбкой и чесать языком направо и налево. Может, кто-то проболтался не тому, кому стоило?

— И что теперь? — спрашиваю я. — Я не могу связаться ни с Дэйвом, ни с Каледом. Дэн тоже куда-то пропал. Так что нам, наверное, остается дожидаться завтрашнего дня и дать Брэду втык.

Иви встает, складывает тарелки в раковину и берет меня за руку.

— Давай-ка посмотрим. Я уже видела твою парковку, кухню, столешницу и деревянные полы. Может, ты мне покажешь душевую?

— Но у меня там нет телевизора, Злючка. Так что если ты собралась работать в многозадачном режиме, боюсь, помочь тебе в этом никак не смогу.

С особенной отчетливостью я слышу каждый свой шаг и каждый удар сердца, пока веду Иви по коридору.

К приходу гостей я не готовился и сейчас вспоминаю о перечне под названием «Внимание, в квартире девушка». С облегчением выдыхаю, когда мы входим в комнату, а там все на месте: свежее постельное белье и гора подушек на кровати. Но фантазия забегает вперед, и я уже представляю себе Иви распластанной на кровати и обхватившей меня ногами, на смятых простынях или с ними, сползшими на пол.

Наши мысли будто сходятся. Иви уже снимает свитер и блузку. Мы стоим в нескольких метрах друг от друга и улыбаемся; блики фонарей танцуют на наших телах, когда мы снимаем с себя одежду — вещь за вещью.

— Мне кажется, нам сейчас не хватает музыки, — улыбаясь еще шире, замечает она.

— Я умею битбоксить.

— Ну уж нет, — толкнув меня на спину, Иви усаживается на меня верхом. Ее мягкие посасывающие поцелуи перемежаются ласками языка и острыми укусами. У меня сейчас в рабочем состоянии остались только две мозговые клетки, и их обеих хватает лишь на то, чтобы повернуться на бок и протянуть руку к прикроватной тумбочке.

— Презерватив? — говорит она и осыпает поцелуями мою шею, когда я отстраняюсь и делаю глубокий вдох.

— Ищу, — выдвигаю ящик и шарю в нем рукой. Мои движения становятся все более лихорадочными, и я чуть не роняю Иви на пол, когда, вытянувшись всем телом, с триумфов выуживаю коробочку.

Кладу ее на спину и нависаю сверху.

— Извини, — со смехом целую ее шею, говорю я.

Хохотнув, она обнимает меня руками и ногами. Подняв голову, я даже в темноте вижу ее счастливое лицо. Нам обоим необходим этот момент, чтобы забыться и немного отвлечься. Я протягиваю ей презерватив, и пару секунд она смотрит на него, прерывисто дыша, после чего опускает руку между нашими телами.

И почти тут же я в ней, а она притягивает мою голову к своей шее. Не могу решить, к чему прикоснуться сначала, и, жадными руками схватив ее за задницу, с силой сжимаю и трахаю все жестче. Мое тело скользит по ее животу, соскам и бедрам. Выгнувшись подо мной, она двигается навстречу моим толчкам, с каждой секундой стирая из моей головы задержавшиеся там мысли. Запускаю руки ей в волосы и всем собой впитываю каждый ее стон. Я заморожен ее движениями и рваным дыханием.

Мы умудрились сорвать простыню со всех четырех углов.

— И как тебе квартира? — спрашиваю я, обхватив ее ногу под коленом и глядя, как в ответ сверкают ее карие глаза и взглядом скользят по моему лицу.

Я слышу и чувствую ее смех — ее тело сжимает меня изнутри — и улыбаюсь в полутьме. Ничего более забавного в моей жизни не было. Притянув меня вниз, Иви поднимает согнутые в коленях ноги выше, и когда наши бедра становятся единым целым, я неожиданно кончаю — наслаждаясь слишком сильно, чтобы смутиться.

Покинув ее тело, я склоняюсь между ее ногами. С руками в моих волосах и со звуком своего имени, звонко отскочившим от стен, я прощен.

У Иви на следующее утро назначена встреча с Трентом насчет сценария Бэя, поэтому

она не может остаться на ночь. Где-то в районе полуночи я выпускаю ее из объятий и одеваюсь. Провожая до машины, обхватываю ладонями ее лицо и так долго целую, что начинаю упрашивать вернуться.

— Еще часок, — не отрываясь от ее губ, говорю я. — Полчаса. *Десять* минут. Думаю, мы оба знаем, что этого времени хватит. Как насчет сзади, прямо в коридоре?

Иви тяжело дышит и, положив руки мне на грудь, отталкивает меня.

— Ты опасен. А мне пора.

Следующие три часа я провожу глаза в потолок, а голова идет кругом от всего произошедшего сегодня.

Среди вихря мыслей я не могу решить, на какой остановиться: что у нас с Иви все наконец получилось; что это охрененно хорошо; что Брэд, по всей видимости, совершенно спятил; что я теперь агент Дэна Принтса; что я, наверное, порушил все возможные отношения с Дэйвом и Hollywood Vine и что какой-то неизвестный слил информацию Variety.

Господь, возьми уже руль в свои руки.

Обессиленный, но слишком взвинченный, чтобы спать, я копаюсь в соцсетях.

Майкл Кристофер может сколько угодно гордиться собой, что в свои двадцать семь ведет себя, как девятнадцатилетний, но практически все фото, которые он выкладывает в соцсетях, — с Морган. Морган в парке, Морган в ванне, Морган наряжается с папочкой. Я сохранил себе его фотку с тиарой на голове — пойдет на открытку ему на день рождения. Бекка разместила фото, на которой она большим пальцем показывает в сторону беговой дорожки. Но выходит так, что на самом деле она показывает на следующее фото — с пончиком. Лежа в темноте, я смеюсь.

Последнее фото размещено пятнадцать минут назад, поэтому я решаю отправить ей сообщение.

«Не спишь?»

«Кстати, это Картер».

«Закатила глаза».

«А то я не знаю, что это ты».

«Ты всего лишь на новой работе, а не умер, забрав с собой все свои контакты».

Глядя на экран, я улыбаюсь. Господи, я соскучился по ней.

«Тебе сейчас удобно разговаривать?»

Мой телефон звонит практически сразу же.

— Все в порядке? — спрашивает она, прежде чем я успеваю сказать хоть что-нибудь. — Сейчас три часа ночи. Я-то знаю, почему не сплю, а ты почему?

— Скажи, я был ужасным боссом?

После небольшой паузы она отвечает своим фирменным насмешливым тоном:

— Ты что, пьяный?

— К сожалению, нет, — застонав, отвечаю я.

— Ладно, рассказывай тогда, что случилось.

— Просто... много всего в голове.

— Терпеть не могу такие ночи, когда мозг вот-вот взорвется, и ты подвергаешь сомнению все принятые за последние годы решения.

— Да, у меня сейчас в голове что-то типа того. Как тебе новая работа?

— Знаешь, как говорят? День прошел, число сменилось, ничего не изменилось. Мой

босс идиот. Как и старый босс, так что последовательность тут соблюдена.

— Очень смешно, — говорю я.

— Ну и почему ты не спишь? Мысли о работе или о жизни в целом?

— И о том, и о другом. Я встретил кое-кого.

— Да ладно.

— Ага. И она... потрясающая. Она бы тебе понравилась. Может, мы как-нибудь поужинаем все втроем.

— Ну ничего себе, Картер. Собрался знакомить новую пассию со старой помощницей? Дело серьезное.

Усмехнувшись, я отвечаю:

— Думаю, до этого момента я и сам не понимал, насколько это серьезно...

— То есть я поспособствовала этому понимаю? Хочу напомнить тогда, что у меня в следующем месяце день рождения, а название моего любимого обуюного ты знаешь.

— Да, думаю, поспособствовала, — смеюсь я.

— Ладно, тогда иди спать, иначе завтра будешь настоящим монстром, а меня с чашкой кофе рядом не будет. И держи меня в курсе всех своих новостей, ладно?

— Да. Спасибо, Бекка. Я скучаю по тебе.

— А я по тебе.

Завершив звонок, я засыпаю буквально в следующую секунду.

Когда звенит будильник, я еще не успел отдохнуть, но все равно встаю и отправляюсь на пробежку.

На улице холодно, и пришлось надеть куртку; над побережьем висит еще достаточно плотный туман, который солнце разогнать еще не успело. Сегодня я выбрал длинный маршрут, который, огибая подножие холма, идет вдоль усаженных деревьями улиц со старыми домами по обеим сторонам. В этом районе обычно всегда большие пробки, но поскольку еще рано, тут почти безлюдно.

В рекордно короткий срок вернувшись домой, я принимаю душ, переодеваюсь и даже успеваю позавтракать перед выходом.

В телефоне меня ждет несколько сообщений, одно от Майкла со Стефани по поводу долгожданного ужина двумя парами и одно от Иви, где она с раздражением пишет, что ей пришлось поехать на встречу, вместо того чтобы отправиться прямиком в офис, где Брэд мог бы принести извинения и расцеловать ее задницу на глазах у остальных.

Я немного обеспокоен, ведь на самом деле этого не произойдет, но, решив ее отвлечь, прошу прислать фото ее задницы мне, и тогда подробно опишу, как я ее расцелую, но этому соблазну она не поддается. Я практически чувствую ее тревогу через телефон и злюсь, что ей приходится иметь дело со всем этим. Если в моей голове сейчас жуткий бардак, могу себе представить, что творится в ее.

Выпив три чашки кофе, я вполне себе бодрячком отправляюсь на работу, сочинив по пути целый монолог, который намереваюсь выдать Брэду. Пока иду по коридору, в голове выстраиваются тщательно подобранные слова. Остановившись у стола Кайли, замечаю, что в его кабинете еще темно.

— Привет, Кайли. Брэда еще нет? — проигнорировав неприятное чувство в животе, спрашиваю я.

Покачав головой, она улыбается мне вежливой заученной улыбкой. Эта женщина каждый день имеет дело с Брэдом, и что-то мне подсказывает, что она уже давно освоила искусство извиняться за своего босса.

— Он будет позже.

Черт.

— А ты не знаешь, когда именно он придет? — спрашиваю я, уже предчувствуя грядущее побоище, если Иви столкнется с ним раньше меня.

Набрав что-то на компьютере, она поднимает голову.

— Через час или около того. У него на одиннадцать назначена встреча, так что к этому времени должен быть.

— Можешь внести меня в расписание?

Он морщится, а потом хмурится.

— Некуда. Но могу сказать, что ты заходил.

— Тогда я просто буду посматривать, — отвечаю я и, улыбнувшись, ухожу к себе.

Во всем офисе нарастает напряжение. О статье в *Variety* уже все знают — как и о неприятных последствиях — и никто толком не понимает, поздравить ли меня или же поморщиться от того, как плохо все это отразится на всех причастных. Да я и сам не понимаю.

Джастин у себя за столом. Он протягивает мне стопку листочков с сообщениями, но я отмахиваюсь от него и говорю, что не готов сейчас вести дискуссии о том, что нам теперь делать; от него мне нужно, чтобы он соединил меня по телефону с несколькими нужными людьми, пока не появится хоть какая-то определенность.

Джастин попытался соединить меня с Дэйвом, и не удивительно, что звонок отправился на голосовую почту. Видимо, я сегодня еще недостаточно расстроен, потому что захожу в Гугл, и, конечно же, вижу эту историю повсюду.

— Эй, Джастин! — зову я, и он заглядывает в кабинет. — Скажешь мне, когда появится Брэд или Иви? Только как-нибудь по-тихому, ладно?

Он кивает.

— Закрывать тебе дверь? — стоя на пороге, спрашивает он. Я мотаю головой, и он уходит, оставив меня в тревожном одиночестве.

Когда в офисе шестнадцать помощников загнаны в одно пространство, становится довольно шумно. Бесконечно звонящие телефоны и словно бегающий туда-сюда табун лошадей. Добавьте сюда щелканье по клавиатуре, звуки входящих смс и представьте мою полную неспособность ни на чем сосредоточиться. Слава богу, где-то через час раздает стук в дверь.

Это Джастин, и он выглядит так, будто что-то задумал.

— Пришел мистер Кингман. Тебе от меня что-нибудь нужно?

— Нет, спасибо, — сохранив документ, я со вспотевшими ладонями выхожу в коридор.

Увидев меня, Кайли сочувственно улыбается. Это, как я понимаю, означает, что Брэд не в духе.

— Он в кабинете? — спрашиваю я, и она кивает.

Покашляв, я привлекаю его внимание, и его ледяной взгляд немногим лучше того, каким он одаривает Иви.

— Что тебе, Аарон? Уверен, что объяснять, как сильно я сейчас занят подчищением бардака, мне не нужно.

— Как раз об этом я и хочу поговорить, — говорю я и захожу в кабинет.

Сняв очки и положив их на стол, Брэд откидывается на спинку кресла, приготовившись слушать.

— Знаю, все это очень плохо, и совпадение по времени, когда ты сказал Иви о Дэне Принтсе и когда вышла статья, кажется очень подозрительным, но я могу гарантировать, что она не имеет к этому никакого отношения.

— Вот как?

— Да. В прошлом у нас с ней были разногласия, но она не поставила бы под угрозу свою репутацию или своих коллег. Иви понимает, что поставлено на карту — как и я — и уважает тебя, работу, клиентов и всех, с кем контактирует в этом бизнесе.

— Какого черта происходит, Картер? — подавшись вперед и прищурившись, говорит Брэд. — Зачем ты мне все это говоришь? Ты кто теперь, белый рыцарь, спасающий девчонку, с которой трахаешься? В этом все дело? — мое сердце сейчас выскочит через глотку. — У нас тут сейчас внеплановый разговор о пестиках и тычинках?

— Нет, Брэд. Я просто хотел уточнить...

Подняв указательный палец, он останавливает меня.

— Единственное, что сейчас требует уточнения, это следующий факт: ты работаешь на меня. А я сейчас хочу, чтобы ты убрался к себе в кабинет и занялся именно этим — *работой*. Для которой я тебя и нанял. И этот драматизм мне тут не нужен. Иви села в лужу, и это не в первый раз, — он горизонтально провел рукой в воздухе. — Так что быть ей за это растерзанной. А ты не лезь.

Я вспоминаю день слияния и как радовался тому, что у меня все еще есть работа. Вспоминаю, с каким облечением чувствовал себя вне опасности и как в этом же самом кабинете обнаружил, что это чувство оказалось обманчиво. Мы сделали именно то, на что рассчитывал Брэд: вцепились друг другу в глотки, надеясь, что для одного из нас будет рабочее место. Ужасно осознавать, что это я.

— На самом деле, — начинаю я, чем больше думая о том, что собираюсь сделать, тем большую уверенность, что так будет правильно, ощущая, — я так не думаю. С меня хватит.

Брэд с удивлением откидывается на спинку кресла.

— Не будь идиотом, Картер. Подумай еще раз хорошенько. Не строй из себя героя, а то завтра проснешься с сожалением о решении, принятом не той головой. Потому что останешься ли ты здесь или уйдешь — ей тут точно нет больше места.

Пока иду к лифтам, звонит мой рабочий телефон, но я не обращаю на него внимания. Времени перезвонить у меня будет более чем достаточно, или же Джастин перенаправит его мне... не знаю, куда. В голове каша, и я понятия не имею, что дальше делать, но зато когда придумаю, это будет уже на моих условиях.

Спустившись на второй уровень парковки, я открываю машину и сажусь в нее. Телефон вибрирует не переставая, и я беру его в руку, только сейчас сообразив, что это может быть Иви.

Но звонит не она.

— Тебе больше нельзя это терпеть, — вышагивая взад-вперед и явно собираясь протереть дыру в новом ковре Дэрил, говорит Амелия. — Я сидела и помалкивала, потому что он твой босс, да и потом, всем нам иногда приходится подставить другую щеку, но это уже слишком! Ты должна что-то сделать.

Закрыв глаза, я откидываю голову на спинку роскошного кресла Дэрил. Я прочитала сценарий, пересеклась с Трентом, встретила за ланчем с Сарой Хилл, ответила, наверное, на семьдесят тысяч звонков, решив, что будет лучше избегать Брэда, пока я не придумаю, как быть, и, впервые за много лет уйдя из кабинета в пять часов, направилась прямо сюда.

К счастью, у меня есть друзья, которые выслушают мои жалобы, смешают обидчика с дерьмом и нальют вина. На часах всего шесть вечера, а у меня уже третий бокал.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? — спрашиваю я у нее. — До истечения срока контракта осталось меньше сорока пяти дней. Брэд козел, но он никогда не сделает так, чтобы я официально могла ему что-то предъявить. А подать на него жалобу сейчас — когда меня вот-вот обвинят в крупном корпоративном нарушении — значит выглядеть плаксой, которая не в состоянии справиться с большими мальчиками. Такого удовольствия я ему ни за что не доставлю.

С бокалом у рта Дэрил издает стон.

— Не хочу никого расстраивать, но она права. Брэд не идиот и тщательно продумал, чтобы Иви ничем не смогла бы ему ответить.

Я киваю, быстро делаю глоток и вина и добавляю:

— Разве что могу заявить о недоброжелательной рабочей обстановке. Но где в Голливуде иначе?

Рухнув на пушистый белый диван Дэрил, Амелия дает хороший хук подушке.

— Здесь сейчас собрались три блестящие успешные женщины. Должно же быть хоть что-то, что мы можем сделать.

— Мой дед *кое-кого* знает, — тут же выпаливает Дэрил.

Я приподнимаю одну бровь.

— И что это значит?

— Заказное убийство, — невинно улыбается Дэрил.

— Еще раз говорю, — показывая на Дэрил, возражает Амелия. — Это слишком поздно.

Раздается стук в дверь, и, поняв, что слишком долго сидела без движения, я предлагаю открыть самой.

— Хотя, конечно, в тюрьме у меня будет трехразовое питание и немного самоуспокоения, — пересекая комнату, говорю я. — Да и крыша над головой.

— Да ты не можешь «Оранжевый — хит сезона» смотреть, чтобы тебя не начало подташнивать, — напоминает мне Амелия. — Так что давай пока не будем выбирать тебе тюремное имя.

Открыв дверь, я с удивлением вижу Эрика, держащего две коробки горячей пиццы.

— Привет, — посторонившись, чтобы он вошел, говорю я. — Ты что, вот так просто мимо проходил с пиццами или...

— Столкнулся на лестнице с разносчиком пиццы, — кивнув Амелии, он идет на кухню. — И решил принести их вам.

— Как мило, — замечает Дэрил и, достав стопку тарелок, машет нам присоединяться.

— Примерно так же начинается мое любимое порно.

Я с возобновленным интересом наблюдаю, как они вдвоем снова идут на кухню. Склонившись друг к другу, они о чем-то шепчутся. Повторяя мои мысли, взгляд Амелии вопрошает: «*Они трахаются?*» Когда они возвращаются, я поворачиваюсь к ним.

— А вы двое... м-м... работали сегодня? — взяв кусок пиццы, спрашиваю я.

Пока жует, Дэрил кивает, а Эрик говорит:

— Вообще-то, я рад, что ты здесь, Иви. Мне нужна твоя помощь.

— Моя? — ощущая себя уже немного под мухой, переспрашиваю я.

Теперь он кивает, а Дэрил поясняет:

— Помнишь, Джесс в шутку попросила Эрика придумать программу, которая будет сверять отчеты о расходах со счетами на оплату?

— Не особо, — прищурившись, говорю я.

Она отмахивается.

— Идея показалась мне интересной — тем более что этот аудит сильно затянулся. И Эрик придумал гениальную прогу. Она находит и подгружает все мои платежи, затем сверяет с накладными по каждому клиенту.

Я думаю о том, как много времени заняла эта проверка и как было бы здорово ее сократить.

— О боже. Это же просто замечательно!

— Чтобы помочь Джесс, я прогнал через нее и твои, — говорит Эрик. — И... хм, поэтому и пришел, — он чешет подбородок. — Произошла какая-то ошибка. Мы нашли кое-что в твоих расходах, что не соответствует накладным. Мне не хотелось обсуждать это в офисе.

— Что значит «не соответствует»? — спрашиваю я и сажусь прямо. Легкое головокружение от выпитого не дает моему сердцу напуганной птицей выпорхнуть из груди. — В *моих* отчетах? На прошлой неделе у меня совершенно не было времени долго над ними сидеть, но Джесс что-то упоминала про странные расходы.

Достав из сумки ноутбук, Эрик садится за барную стойку.

— Давай посмотрим, — говорит он и запускает программу. — Вот это было еще в сентябре. Расходы за кейтеринговый сервис. Согласно отчету, ты потратила сто двадцать три доллара в счет компании «Дебби Ивентс»...

— Но если посмотреть в твое расписание у Джесс, — перебивает его Дэрил, — то в тот день ты была с клиентом на озвучке, которая длилась всего час. Никакого кейтерингового сервиса на съемочной площадке и быть не могло, потому что тебя просто-напросто не было на съемках. У тебя потом встреча была в студии. Что там дальше, Эрик? Белье?

— «Голливуд Линен», — отвечает он, а мне название кажется знакомым.

— Да, этот поставщик, — говорит Дэрил. — Все по отдельности — это мелкие расходы. Все суммы достаточно небольшие: пятьдесят долларов или две сотни максимум. Но они регулярные и суммарно уже весомые. Ты сама, наверное, и не заметила, если бы не пришлось делать отчет для проверки.

— Скажи еще раз название компании, — прошу я и, встав, копаюсь в своей сумке для ноутбука. Накладные по корпоративу, которые мне достала Джесс, все еще там.

Те накладные, на которые Брэд сказал мне не обращать внимания и отправить сразу к Кайли.

— «Голливуд Линен»? — уточняет он.

— Да... Вот она, — найдя, я показываю и на последнюю выписку по карте. — И вот здесь тоже. Это счет за столовое белье. Но на корпоративе ничего подобного не было. По нашему групповому заказу все предоставил отель.

Я сажусь на диван, открываю папку и раскладываю на журнальном столике счета-фактуры.

— Можешь зачитать еще несколько названий?

— Конечно, — кликнув по таблице, говорит Эрик. — Тут есть «Эвер Бьюти»...

Нахожу компанию в своем списке и ставлю галочку. Это было за два дня до мероприятия.

— Есть.

— «Селе-бейби».

— Услуги няни? — спрашиваю я, пальцем ведя по списку.

— Ага, — отвечает Амелия.

Тоже есть. И прямо во время корпоратива. Нет необходимости говорить, что на него никто детей с собой не брал.

— «Ро PR».

— Нашла, — еще галочка.

Какого черта?

— «Глэмбэнд».

Ко мне подходит Амелия и смотрит, как помечаю и это название.

— Офигеть, — встретившись со мной взглядом, говорит она. — Так много совпадений.

— Почти уверена, что если просмотрю абсолютно все свои расходы, найду еще больше, — отвечаю и смотрю на Эрика.

Он уже кивает.

— Я предположил именно это.

Я встаю и, покусывая ноготь, подхожу к окну. Моя голова сейчас — как игра «Тетрис», и под обратный отсчет я изо всех сил стараюсь подогнать детальки друг к другу. Разворачиваюсь ко всем лицом.

— Выходит, «П&Д» заплатили всем этим компаниям за услуги, которые те не предоставляли? — делаю предположение я.

Эрик пожимает плечами, а затем кивает.

— Пожалуй... да.

— Ты же знаешь, что это *не я*, да? — в ужасе спрашиваю я.

Эрик пугается, будто до этого момента ему и в голову не приходило, что это могла быть я, а Дэрил с Амелией решительно мотают головой.

Мой пульс грохочет где-то внутри черепной коробки.

— Наверное, один человек это *не смог* бы это проверить?

— Это займет много времени и сил, но вполне возможно, — отвечает Эрик. — И я считаю, этот человек в штате компании. Кто имеет доступ к различным расходным счетам и у кого достаточно власти, чтобы к нему не присматривались чересчур внимательно.

У меня в голове звучит голос Картера.

Он точит на тебя зуб. Но почему?

У тебя что-то на него есть?

Что-то тут не складывается.

В ответ на мой резкий вздох все поворачивают ко мне головы.

И я почти уверена, что мы думаем об одном и том же.

— А вы абсолютно уверены? Может, все же лучше стоит позвонить моему деду? — спрашивает Дэрил, лежа рядом со мной под старым одеялом в кузове грузовика Эрика.

Протянув руку через меня, Амелия шлепает ее.

— Богом клянусь, если из-за тебя нас поймают за взлом и проникновение и мне придется звонить бывшему мужу, чтобы он нас выгнал, я найду твой старый нос и присобачу его тебе степлером!

— Чудовище! — в ужасе вскрикивает Дэрил.

Я изо всех сил сдерживаю смех, а Дэрил делает успокаивающий вдох.

— Вообще-то, — говорит она, — мы с Эриком, так что *технически* это нельзя назвать взломом и...

— Т-с-с! — шипит на нас Эрик через открытое окно кабины, когда мы подъезжаем к воротам.

— Добрый вечер, мистер Кингман, — говорит ему охранник.

Мы втроем лежим под одеялом абсолютно неподвижно, стараясь при этом как-нибудь уменьшиться в размерах, а лучше стать невидимыми.

— Не думаю, что ваш дядя дома. А вот тетя да.

— Спасибо, Джерри. Я попрошу тетю Максин прислать тебе печенье, которое ты любишь. Приятного вечера.

Грузовик трогается с места и медленно едет по бесконечно длинной подъездной дорожке Брэда Кингмана.

Мы не сбрендили. Просто хорошо знаем Брэда, и если за всем этим стоит именно он, то не станет держать фиктивные файлы в офисе. Я на грани потери работы, а буквально полчаса назад дома у Дэрил мы насчитали больше пятидесяти тысяч долларов растрат только с *моего* счета на представительские расходы. Неудивительно, что нам устроили проверку! А со скольких еще счетов Брэд снимал деньги?

Благодаря выпитому вину я почти спокойна. Подобно эффекту домино, один за другим пришли открытия. И в первую очередь вот это: я у Брэда была козлом отпущения. Неудивительно, что он оставил меня в компании, верно предполагая, что даже если я бы догадалась о его маленьком пенсионном плане, то обвинения против него были бы крайне ненадежными, поскольку исходили от бывшего недовольного сотрудника. Прицепиться ко мне за якобы наломанные дрова с Дэйвом и Картером было легко и просто; он ведь знает, что *ни за что на свете* я не опущусь до откровенного мошенничества, чтоб вывести его на чистую воду.

— Все чисто, — тяжело дыша, напряженным голосом говорит нам Эрик. — Вы там в порядке?

Мы наконец можем нормально дышать.

— Это одеяло пахнет канализацией, мой босс крадет деньги с моих корпоративных счетов, в то время как аккуратно приписывает мне миллиарды косяков. Но за исключением всего этого у меня все хорошо. А ты как? Нормально?

— Шутишь, что ли? — он почти поет. — Я в восторге!

— Но ты уверен, что хочешь в этом участвовать? Ты ведь можешь просто вышвырнуть нас отсюда и свалить по-быстрому, — говорю я.

— Ну нет. Я терпеть не могу, как Брэд обращается с Максин, а этот план просто чума! Чувствуешь адреналин? — он тихо взывает. — Давайте прикончим его!

— То есть Эрик все-таки с нами, — шепотом замечаю я.

— И как это ты догадалась? — смеется Амелия.

Грузовик останавливается, и прежде чем выключить двигатель, Эрик открывает передние окна.

— Итак. Я пойду внутрь. Никого из персонала тут быть не должно, поэтому оставляю входную дверь открытой. Его кабинет наверху, четвертая дверь направо. Все помнят план?

— Да, — отзывается Амелия.

— И помните: дайте мне две минуты, и Максин отведет меня на кухню перекусить. Надеюсь, минут пятнадцать у вас будет. Достаточно?

— Должно хватить, — говорит Амелия.

Водительская дверь открывается, и грузовик качнулся, когда Эрик собрался выходить.

— Хорошо, — он делает шаг, после чего останавливается. — Может, нам надо... сверить часы или что-то типа того?

— Может, нам еще спеть «Swinging on a Star», чтобы уж точно быть похожими на Брюса Уиллиса и Дэнни Айелло в «Гудзонском ястребе»?

Амелия сердито смотрит на меня в темноте.

— Иви, обычно мне нравятся твои постоянные отсылки к фильмам, но сейчас мне нужно, чтобы заткнулась.

— *Давай иди уже, Эрик!* — шепотом кричит на него Дэрил.

— Точно. Я пошел.

Слышны шаги Эрика по посыпанной гравием дорожке, а потом стук в дверь.

Пока мы ждем, Амелия трогает меня за плечо.

— А Картер знает, где ты?

— Ха... нет. Я с ним с утра не разговаривала. А сейчас мы одеты как воры и прячемся в грузовике племянника нашего босса. Наверное, эту часть стоит опустить, когда буду рассказывать ему, как прошел мой день.

Становятся слышны голоса, и мы замираем, прислушиваясь. Входная дверь открывается, и женский голос восклицает:

— Эрик, милый! Какой сюрприз!

Мой пульс отдается где-то в голове, пока я слушаю, как голоса сначала стихают, а потом и вовсе исчезают.

— Поехали, — шепчу я.

Откинув одеяло и медленно сев, я осторожно смотрю по сторонам, чтобы убедиться, что вокруг действительно больше никого нет. Вылезаю первая и приседаю, не переставая оглядываться. У противоположной стороны дорожки припаркован Мерседес Максина, но — слава богу — жуткого желтого Феррари Брэда нигде не видно.

Следом вылезает Амелия и сразу опускается рядом со мной на колени. Пока мы обе осматриваемся, из кузова падает Дэрил и катится по дорожке, шурша гравием.

— Эй, поаккуратнее, — шепотом говорит ей Амелия.

— Простите, — отвечает Дэрил. — Меня просто выгнали из йога-класса.

Здесь так странно без рождественских огней, парковщиков, звуков голосов и льющейся из огромного дома праздничной музыки. Вместо всего этого сейчас тихо, и только где-то в кустах стрекочут сверчки. Уже ближе к дому можно расслышать смех, а дверь очень удобно

оставлена приоткрытой.

Спасибо, Эрик.

Крыльцо освещено тонкой полоской света из-под двери, и мы заползаем на него, после чего заглядываем в щель в огромную прихожую. Никого.

Взглянув на Амелию, я нажимаю рукой на дверь и морщусь, когда скрипят старые петли. Но вот дверь распахнута. Видимо, Эрик услышал этот звук, потому что начал говорить громче и с большим энтузиазмом.

Перед нами широкая лестница наверх. Я жестом показываю Амелии и Дэрил идти первыми, а сама с мягким щелчком закрываю входную дверь.

Наши теннисные кроссовки почти не издают шума, когда мы поднимаемся по лестнице, а потом осторожно выглядываем из-за угла, прежде чем пойти направо по коридору.

Амелия поднимает четыре пальца и показывает на дверь в самом конце. Кивая, я смотрю, как она кладет руку в перчатке на ручку двери и медленно ее поворачивает.

Дверь открыта.

Даже этот кабинет Брэда Кингмана выглядит на все сто процентов ожидаемо. На огромном столе лежат стопки книг и документов. В свете из окна мы видим кучу сувениров с гольфа и всяких наград — вплоть до газетных вырезок — которые он с гордостью хранит. На полках книжных шкафов в ряд стоят фотографии с одним и тем же мотивом: он здесь главная звезда.

— Даже его кабинет выглядит пафосным мудаком, — закрыв за нами дверь, говорит Дэрил. Потом включает маленький фонарик и светит им по стенам. — Здесь есть сейф?

Проследовав за ее взглядом, я включаю свой и, оглядев стол, останавливаюсь, увидев каталожный шкаф.

— Давайте вы поищите ключ к картотеке, а я займусь компьютером? Попробую подобрать пароль.

Согласно кивнув, Амелия начинает поиски. Вместе с Дэрил они заглядывают под книги и документы, в ящики и за фотографии, в то время как я включаю компьютер, и на экране высвечивается поле для ввода пароля.

Я пробую его имя и фамилию, потом имя его жены и разные комбинации этих слов. Дату его рождения, количество «Оскаров», которые взяли его клиенты, и даже комбинацию его имени с гандикапом (да, на протяжении многих лет мы слышали истории его побед в загородном гольф-клубе). Мимо.

— Кажется, я что-то нашла! — прощупывая дно ящика, говорит Дэрил.

Потерпев столько неудач, я поворачиваюсь посмотреть и практически подпрыгиваю от радости, когда она подходит с небольшим латунным ключом в руке.

— Кому придет в голову приклеивать ключ с внешней стороны дна ящика? — шепотом спрашивает она, подходит к каталожному шкафу и вставляет ключ в замочную скважину.

— Кому есть что скрывать, — отвечает Амелия.

Мы не дышим, когда ключ тихо поворачивается в замке.

— И кто не думает, что у кого-то найдутся стальные яйца, чтобы прийти и найти его, — добавляет Дэрил.

— Слава богу, — говорит Амелия и с возобновленным усилием продолжает копаться среди документов. — Ищи все, что связано с обнаруженными нами названиями, идентификационными налоговыми номерами, хостинговыми компаниями, банковскими счетами — все что угодно. Если что-то выглядит подозрительно, фотографируй.

Я снова разворачиваюсь к компьютеру, полная решимости добиться своего. Ввожу несколько слов, которые ассоциирую с Брэдом, а когда они тоже не подходят, погружаюсь в раздумья. У Брэда слишком большое эго, чтобы пользоваться паролем из случайных букв и цифр, так что в его случае слово должно что-то значить для него...

В голову вихрем врывается мысль, и я пишу одним словом:

БРЭДВОССТАНИЕ

Это название фильма, над которым он работал, когда я еще была ассистентом. Брэд представлял актера, которого хладнокровно украл.

Подошел!

Господи, ну он и мудак.

Я ищу на жестком диске какие-нибудь упоминания названий компаний, которые показала программа Эрик. Потом открываю его Гугл-диск. Несколько попыток и да, *бинго*.

Таблица с названиями компаний, налоговыми ID в следующей колонке и выставленными суммами в третьей. И этот человек имел наглость читать мне лекции о том, как быть командным игроком! Уму не постижимо.

— О боже!

Я поворачиваюсь на голос Дэрил, которая стоит у окна с вытаращенными от ужаса глазами. В дальнем конце извилистой подъездной дороги виден свет фар.

— Ч-черт! — дрожащей рукой я вставляю флэшку. — Быстрее! Вы что-нибудь нашли?

— Я нашла несколько счетов-фактур, — отзывается Амелия и, сунув бумаги под рубашку, чтобы скрыть вспышку, фотографирует их. — Ну и жесьть.

Амелия с Дэрил бегает по кабинету, поправляют фотографии, приглаживают ворс ковра, складывают документы в аккуратные стопки и рукавами протираю все поверхности, к которым прикасались.

Снова посмотрев в окно, я поворачиваюсь к монитору. Сколько раз я видела подобную сцену в фильмах и думала: «Копирование файлов — довольно быстрая штука, что тут такого?»

Сейчас скопировано на семьдесят три процента. А паники во мне на все сто.

Свет фар скользит по комнате, и желтая машина Брэда останавливается рядом с грузовиком Эрика. *Ну давай же, давай, давай.*

— Ты закончила? Иви, — ко мне подбегает Дэрил и тянет за руку.

— Сейчас... секунду.

— Иви, нам пора! — глядя в окно и на дорожку, подгоняет Амелия.

— Девяноста пять процентов... Ну же!

Внизу открыли и закрыли дверь. Слышны голоса.

— Иви, *пошли!* — говорит Дэрил.

— Почти. Черт возьми! Почему у такого богатого человека такой медленный компьютер? На что он тратит деньги?

— Эрик! — мы все замираем от звука голоса Брэда, доносящегося снизу.

Я смотрю на подсвеченные монитором лица Амелии и Дэрил и на долю секунды с ужасом понимаю, что если их вижу я, то есть шанс, что с улицы их заметил и Брэд.

Мое внимание привлекает тихий звук, оповещающий о завершении копирования файлов, и я стремительно закрываю все окна.

Дэрил бежит к двери и приоткрывает ее, чтобы прислушаться к творящемуся внизу.

— Кажется, он на кухне, — шепотом говорит она, но на всякий случай мы выжидаем

пару секунд. Когда тишину по-прежнему ничего не нарушает, я на цыпочках выхожу в коридор.

С лестничной площадки хорошо просматривается вход, и, перегнувшись через перила, я не вижу ничего, кроме блестящего мраморного пола. Брэда нет. Входная дверь прямо напротив лестницы; главное спуститься, и мы свободны. А до своего дома я даже пешком готова идти.

«Идем?» — беззвучно спрашиваю я, и в то время как Амелия кивает, Дэрил судорожно мотает головой.

Едва поставив ногу на ступеньку, я слышу громкий голос Эрика.

— погоди, дядя Брэд, я тебе еще не показал свой шрам! — он практически кричит.

Я едва не падаю в попытке снова забраться наверх. словно вспугнутые светом тараканы, мы в панике разбегаемся по разным комнатам.

— Эрик, да что с тобой? — спрашивает Брэд. — Ты что-то употребляешь?

— Я... нет... Никаких наркотиков, — сбивчиво отвечает Эрик, и его глаза в ужасе округляются, когда он замечает в одном из дверных проемов мою высунутую голову. Крепко обняв Брэда, он жестом показывает мне бежать. — Просто соскучился по тебе!

Я несусь по коридору в гостевую комнату над гаражом, а несущиеся позади меня Дэрил с Амелией поскальзываются на деревянном полу и впечатывают меня в окно.

— Ох, — вырывается из меня.

Голос внизу смолкают.

— Кто там наверху? — спрашивает Брэд.

— Никого, — отвечает Максин. — Сегодня мы одни.

Мое сердце кажется мне молотком, а грудная клетка — стеклом.

— Нет, я что-то слышал, — возражает Брэд. — Сейчас схожу и...

— Но мы же собирались поесть! — восклицает Эрик. — И ты, наверное, проголодался. Ты что, кстати, похудел?

— Брэд, у нас так редко появляется время для гостей. Пойдем поужинаешь с нами.

Спустя несколько мгновений по мраморному полу раздаются звуки шагов в направлении кухни, и, зажмурившись и мысленно помолившись, я открываю окно.

— Ты что это задумала? — шипит на меня Дэрил.

— Мы вылезем наружу и изященько сползем вниз по решетке.

— Меня смущает слово «изященько», когда речь идет о сползании по решетке. Как это вообще воз...

Амелия не обращает на нее внимания.

— Ты что, совсем кукушечкой поехала? — шепчет она мне.

Я выглядываю в окно. Да, высоко, но... не смертельно высоко. А нам нужно немедленно убираться отсюда.

— Давай, — перекинув одну ногу через подоконник, говорю я. — Просто делайте то же, что и я.

Я вылезаю наружу и встаю ногами на крышу гаража — сначала осторожно, чтобы убедиться, что не упаду, а потом мелкими шажками подхожу к увитой виноградной лозой решетке. Дернув за нее и убедившись, что та хорошо прикручена к стене, я совсем перестаю бояться.

— Ну же, — медленно спускаясь вниз и увидев одну ногу Дэрил по эту сторону окна, тихо говорю я им. Она появляется на крыше. За ней следует и Амелия.

Вернувшись в грузовик, мы лежим на спине и смотрим на звезды, и тишину нарушает лишь наше тяжелое дыхание. Меня успокаивает тепло тела Амелии слева и Дэрил справа. Втроем мы держимся за руки.

— Спасибо вам, — шепчу я.

Они сжимают мои руки сильнее и стараются восстановить дыхание. Дожидаясь Эрика после ужина-экспромта с его тетей и дядей, мы изо всех сил сдерживаем рвущийся наружу истерический хохот.

У моей двери появляется немного взвинченный и будто накаченный эспрессо в десять вечера Картер.

Пройдя мимо меня, он идет прямо на кухню и открывает посудный шкаф.

— Где у тебя выпивка?

— Э-э-э, — идя за ним, говорю я, — над плитой, но не сильно обольщайся. У меня есть только «Бакарди», «Капитан Морган», «Трипл-сек» и... — я не успеваю договорить, как он хватает бутылку водки, о которой я даже не знала, берет стакан, кидает в него лед и наливает себе приличную порцию.

Его горло отвлекает меня, пока он пьет. Сама я пришла минут тридцать назад и хочу рассказать ему о нашем крутом приключении в стиле фильма «С девяти до пяти» (Долли Партон нами бы гордилась) и о том, что нашли, но он выглядит поглощенным собственными мыслями.

— Что происходит? — спрашиваю я и подхожу поцеловать пахнущие водкой губы.

— Я уволился.

Я в шоке отстраняюсь.

— Что, прости?

— Ты меня слышала. Я уволился. Понятия не имею, что будет завтра, но я сказал Брэду, что с меня хватит.

— Я... Я... *Ну ничего себе.*

— Я люблю тебя, но сделал я это не из-за тебя, — глядя на меня безумными глазами, говорит он. — Просто не мог оставаться там больше ни на одну гребаную секунду. Брэд мразь.

— Вообще-то, да, — говорю я и с интересом наблюдаю, как он снова берется за бутылку.

— Я пришел к нему поговорить о том, что происходит между ним и тобой.

Я издаю стон.

— Картер, ты не должен драться вместо меня, это мои битвы.

— Я знаю. В чем я абсолютно уверен, так это в том, что Ивлин Эбби может сама за себя постоять. Но... мне нужно было кое-что сказать. Я просто не мог больше молчать. Его поведение совершенно недопустимо.

Что ж. За это я его поцелую. Кажется, поцелуй его немного успокоил. Я не могу винить его за водку, потому что сейчас адреналин в его крови явно зашкаливает.

— В общем, он не был особенно расположен к разговору...

— Представляю себе.

— И тут до меня дошло, — качая головой, говорит он. — Я терпеть не могу находиться там. Я люблю свою работу — люблю тебя — но терпеть не могу «П&Д». Это как пытаться

работать в разгар игры в вышибалы.

Я смеюсь и тащу его с кухни в гостиную. Он садится на диван, а я на него верхом.

— Мы с тобой наломали дров, — подавшись вперед, чтобы поцеловать меня в шею, говорит Картер. — Но сегодня мне написал Дэн.

Он достает телефон и показывает мне сообщения от Дэна Принтса.

«Привет».

«Извини, что сегодня был недоступен».

«Я разговаривал с Тедом из Variety, и он сказал, что заявление сделала какая-то PR-компания под названием «Ро».

«Такое хер предугадаешь. Короче. Мне плевать, в каком агентстве. Я готов работать с тобой».

«Сегодня мне нужно появиться на приеме для прессы, так что позвони утром».

«Давай подпишем все нужные бумаги и будем делать кино».

«Ро PR». Я замираю.

— То есть Брэд сам слил информацию?

— Что-что? — прищуривается Картер.

Не вставая с дивана, я тянусь за своей сумкой для ноутбука.

— Я тут... поучаствовала сегодня в одном приключении, — я кладу ноутбук на журнальный столик, включаю его, поворачиваю его экраном к Картеру и достаю таблицы Джесс.

— Так, допустим, — он переводит взгляд с экрана на меня. — И что это?

— Мне есть что тебе рассказать.

«Бывший руководитель агентства по поиску талантов «Прайс&Дики» Брэд Кингман был арестован в Лос-Анджелесе в этот вторник по обвинению в мошенничестве, хищении и краже личных данных.

По данным прокуратуры, Кингман создал сеть фиктивных компаний, благодаря которым он отправлял агентству поддельные счета-фактуры за работу, которая не была сделана. Фиктивные компании суммарно предоставляли огромный перечень услуг — от услуг парикмахера и визажиста до выгула собак и предоставления няни.

Прокурор США по Южному округу Эмери Ридж заявил: «В ФБР поступил электронные письма с контактами поставщиков, которые показывали, что Кингман использовал украденные личные данные и налоговые ID для подачи поддельных счетов-фактур и таким образом скрывал свои преступления. Речь идет не про работника, взявшего несколько долларов из представительских расходов. На сегодняшний день Кингман обвиняется в хищении свыше двух миллионов долларов».

Распечатанная статья Hollywood Vine лежит перед нами на барной стойке, и Дэрил, Амелия и Стеф молча смотрят на нее. Мы собрались посмотреть Суперкубок; по установленному над головой телевизору идет реклама, из-за которой в баре наступает благоговейная тишина, но никто из нас четверых не может глаз оторвать от этой статьи.

— Два миллиона, — тихо замечает Стеф. — Думаю, это не только твои представительские расходы.

— Мои просто были последними. Остальных, кого он использовал, в компании уже нет.

— А теперь пока-пока, Брэд, — говорит Дэрил.

На следующее утро после нашей вылазки в дом Брэда Эрик зашел в его рабочий кабинет, составил письмо для ФБР и прикрепил к нему добытые мной файлы. ФБР никогда не узнает о моей причастности к этому делу, а вот Брэд — да.

С Картером у меня были десятки потрясающих оргазмов, но не могу отрицать ту эйфорию, которую я ощутила, увидев, как из лифта вышли агенты ФБР и в наступившей тишине, словно толпа праведного правосудия, пошли в сторону кабинета Брэда.

Проигнорировав настороженный скулеж Кайли, что босс занят, они постучали в дверь. Двое агентов быстро идентифицировали Кайли и отвели ее в конференц-зал для допроса.

С каменным лицом Брэд открыл дверь и сразу же увидел меня. Я приподняла подбородок и улыбнулась.

— Мистер Кингман, у нас к вам несколько вопросов, — эхо голоса главного агента разнеслось по коридору. — Если вы не возражаете пройти с нами, мы можем задать их в более приватной обстановке.

Я хотела, чтобы Брэд отказался. Хотела, чтобы они допрашивали его прямо здесь, прямо в моем присутствии. Но смотреть, как его уводят под любопытные взгляды присутствующих, тоже оказалось приятно глазу. Окруженный слугами закона, он пошел по коридору.

Вошел в лифт, и закрывшиеся двери скрыли его из виду.

Прощай, Брэд.

В тот же день я уволилась из «П&Д» по собственному желанию.

— Так что теперь мне нужно понять, что делать дальше, — говорю я подругам, складывая статью и кладя ее обратно в сумочку.

— Ты можешь работать у Альтермана, — предлагает Стеф.

— Ты можешь работать со мной, — раздается голос позади, и мы оборачиваемся. Там стоит Картер и выглядит он... изумительно. Полный каких-то будоражащих эмоций, он явно приехал сюда прямо со встречи: на нем аккуратно отглаженный костюм, расстегнутый воротник рубашки и ослабленный галстук. Кажется, мы сейчас все вместе упадем в обморок.

Хорообморок.

— Или, — с улыбкой говорит он и подходит к нам, — я могу работать с тобой, — выдвинув себе табурет рядом со мной, он добавляет: — Или не знаю, как, но мы что-нибудь придумаем и будем работать вместе.

Картер садится и достает лист бумаги, сложенный втрое. Осторожно разворачивает его и разглаживает, чтобы мы могли прочитать. Это агентский договор между Дэном Принтсом и Картером Аароном. Здесь только имена Дэна и Картера.

— Я получил двадцать процентов от пятнадцати миллионов, — с непринужденной улыбкой говорит он. — Если буду работать один, то смогу взять еще одного, максимум двух клиентов. Ты мне сильно поможешь, если присоединишься. И, может, научишь меня?

Я таращусь на него и чувствую, как глаза наполняются слезами, но он протягивает руку и делает вид, будто удивлен таким эмоциям.

— Это твое «да»? Мы теперь отщепенцы?

Изрядно удивив подруг, я забираюсь к Картеру на колени, но, кажется, никто не против. Наверное, все мы в этот момент понимаем, что я строила свою карьеру именно ради этого — ради этой уникальной возможности.

Как выяснилось, управлять своей набирающей обороты карьерой из кухни квартирки с одной спальней на Беверли-Хиллз, нереально.

Потребовалось приблизительно две недели, чтобы прийти к такому выводу. В эти две недели мы с Иви шастали в одних трусах, радовались отсутствию необходимости носить офисную одежду, ездить в офис и иметь наседающего начальника и занимались сексом на кухонном столе, когда только вздумается.

Это было прекрасное время.

Но в итоге штаны пришлось все-таки надеть, а нам — решать, что мы будем делать. У меня был Дэн и несколько других клиентов, но чувствовалась необходимость в месте, где проводить встречи и... ну, работать.

Иви подумывала вернуться к Альтерману, но она уже давно пришла к выводу, что любит людей и свою работу, но больше не в состоянии выносить игры, которые неизбежны в крупной компании. К счастью, Адам Эллиот и Сара Хилл подписали контракт в «П&Д» непосредственно с Иви и в рамках конкретных проектов, так что они могут последовать за ней куда угодно.

И вот так — бум! — у нас появилось свое агентство.

Так что отщепенцам и бродягам тоже нужен свой офис.

В тот момент я с особенной ясностью понял, насколько хорошие у Иви связи. Сначала она помогла мне найти отличного юрисконсульта, а потом и горячее предложение аренды нескольких пустующих офисов... в одном очень симпатичном здании прямо по соседству с «П&Д».

Никакого особо торжественного открытия агентства «Эбби&Аарон» не было, но вайфай подключили во вторник, а пароль к системе охраны я получил днем раньше, что для нас уже большой праздник. На заново покрашенные стены мы повесили черно-белые снимки авторства Джоны, а в комнате отдыха поставили самую лучшую кофе-машину. Необходимости в шестнадцати напояженных помощников у нас нет, Бекки с Джесс нам более чем достаточно.

Бекка с Иви провисели на телефоне добрых полчаса, за это время успев подружиться и поделиться друг с другом Самыми Неловкими Моментами В Жизни Картера Аарона. Иви предложила ей работу, и Бекка — слава богу — согласилась. Я в восторге. Рядом со мной будут две женщины, которые больше всех меня распекают, но зато я не буду дезорганизованным и лишенным кофеина.

Первое утро официального начала работы в офисе кажется нереальным. Небо такого же оттенка, как и в день моего приезда в Лос-Анджелес — бледно-голубое с легкой дымкой. Я сворачиваю в сторону знакомой многоэтажной парковки.

Когда выхожу из машины, уже начало теплеть, хотя на часах всего начало девятого, и я иду по третьему уровню парковки в сторону лобби. Сворачиваю направо, вместо того чтобы пойти налево, и иду в здание А — место наших амбициозных начинаний.

Я быстро оглядываю себя в стеклянную дверь. Волосы: в порядке. Галстук: счастливый вместо нового модного. Тот я сжег.

Сейчас середина марта, но мне в лицо ударил поток охлажденного воздуха, едва я вошел

внутри. Пока иду по мраморному полу, в крови будто бурлят пузырьки, а в животе все скручено в несколько узлов.

В здании Б — целиком принадлежащему «П&Д» — висит огромный экран с сменяющимися друг друга фотографиями и постерами фильмов, актеров которых там представляют. Но в здании А все выглядит скромнее: простая золотая панель, на которой списком перечислены компании-арендаторы, в том числе и мы, «Эбби&Аарон, офис 303». В то время как «П&Д» нанимали армию персонала и чуть ли не поставили сканер сетчатки глаза, чтобы всего лишь войти в лифты, у нас только мы двое, юрисконсульт на зарплате, Бекка и Джесс. И я надеюсь когда-нибудь уговорить присоединиться к нам и Стеф.

Я не виделся с Иви, с тех пор как утром ушел из ее квартиры, но пальцы уже зудят от желания к ней прикоснуться. Вчера мы отмечали день рождения Морган и ездили в Гриффит-парк, где полно кафе на колесах и самый большой надувной дом, который я когда-либо видел.

Друзья Иви сидели рядом с моими друзьями, и видеть всех их вместе — мое прошлое и будущее — ощущалось шагом по верно выбранной дороге. Майкл Кристофер уже вовсю планирует мой мальчишник. Который... официально вроде как не назначен, и все такое, но... мало ли что.

Поздно вечером я поехал вместе с Иви к ней домой. Ее губы все еще были согреты солнцем, а поцелуй на вкус, как торт ко дню рождения. Она хихикала, пока я искал, где еще она может быть на вкус, как глазурь. Я ушел около пяти утра, чувствуя себя вымученным в лучшем смысле этого слова, поцеловав ее на пороге и сказав, что мы встретимся сегодня в нашем офисе. Это круто — договариваться о таком.

Когда выхожу из лифта, вижу, что Бекка уже на месте, и грудь наполняет странная смесь ностальгии и надежды.

— Держи свое расписание, — говорит она и собирает для меня несколько листков бумаги со своего стола. Не читая, я с радостью кладу их в карман. — По одному из номеров тебе стоит перезвонить прямо сейчас. Друг Джейми Хуан хочет поговорить с тобой, а Элли Брин от восторга вот-вот начнет писать кипятком.

— Замечательно, — говорю я. — А Иви уже здесь?

— В конференц-зале, — она смотрит на меня прищуренными глазами. — Так странно снова видеть тебя таким, в знакомом костюме и с безумным кофеиновым блеском в глазах. Это так круто. Или это просто я в эйфории от возможности работать в офисе, недалеко от которого расположена любимая закусочная.

Я широко улыбаюсь.

— Я страшно рад, что ты здесь.

— Взаимно, — отвечает Бекка и, посмотрев на свой стол, вручает мне еще стопку писем. — А теперь за работу.

— Да, мэм.

Кругом тихо, когда я иду по коридору в конференц-зал. Заглядываю в приоткрытую дверь, стучу и жду, когда Иви меня заметит.

Она сидит на широком подоконнике с пляшущими солнечными лучами в волосах и контрактом на коленях. Иви такая красивая, уверенная в себе и счастливая, и в то время как я (возможно) не готов демонстрировать чувства на публике в целом и на работе в частности, народу тут совсем мало. Так что можно рассмотреть мою давнюю фантазию повалить ее на стол переговоров. И единственное, с чем мы столкнемся, — это с притворно-возмущенным

воплем Бекки. Не раз слышал, что столы в конференц-залах очень удобные.

— Привет, — говорит Иви и машет мне, чтобы я вошел.

Хотел бы я сохранять спокойствие, но, практически подбежав, наклоняюсь к ней и целую.

— Привет.

Иви проводит рукой по моей груди и приглаживает галстук, после чего с ухмылкой смотрит на меня.

— Он *счастливый*, — упрямо говорю я.

— Через час у меня важная встреча с представителем Paramount, — продолжая поглаживать галстук, говорит она. — Если он и правда действует, как ты говоришь, тогда тебе стоит надевать этот счастливый галстук каждый день, и ныть я не буду.

— Может, и тебе как-нибудь стоит его надеть. И как думаешь, *мне* тогда повезет?

— Возможно, — широко улыбается Иви.

Я постукиваю пальцами по лежащим перед ней документам.

— Ты готова?

— У меня сногшибательное предложение, и мне нужно только их согласие. Слушай, а ты слышал, что вчера вечером у здания аэропорта Шеймус напал на фотографа?

Я в шоке таращусь на нее.

— В смысле, с кулаками?

— В смысле, сбил *машиной*. В «П&Д» сейчас, наверное, весело; он теперь их проблема.

— Да у них уже приличный список проблем. Я рад, что больше не с ними.

— Аминь, — поправив мне галстук и посмотрев на меня, говорит она.

— Как тебе идея поехать со мной летом в Нью-Йорк? — предлагаю я. — Там будет ужасно жарко, но у родителей годовщина, и я хочу, чтобы меня опозорили в твоих глазах все мои родственники. Будет настоящий кошмар.

Запрокинув голову, Иви внимательно вглядывается в мое лицо.

— Может, поедешь со мной в Бёрбанк на эти выходные? Телевизор будет орать, а папа — надоедать тебе своей нелюбовью к «Янки». Мама обязательно скажет, что тебе нужно постричься. Ты ужасно проведешь время.

Она встречается со мной взглядом, и мне не нужно быть с ней давно знакомым, чтобы понимать, как она счастлива. И насколько спокойна.

— Мы должны быть готовы к самому худшему, — с улыбкой соглашаюсь я и наклоняюсь ее поцеловать.

— *Конец* —

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Переводчик Ruby_Miller